



ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2011





«Бездомный скиталец Анатолий Зверев»

О жизни и творчестве Анатолия Зверева читайте на стр. 74

Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Бистро! Еще быстрее!4
Неизвестное об известном	
<i>Ксения Аносова</i>	Страсти по Марине20
<i>Игорь Опарин</i>	Леди ДНК44
<i>Евгений Гик</i>	Утонуть ради любимой85
Забытые страницы	
<i>Константин Паустовский</i>	Снег26
Рассказ	
<i>Ирина Копаенко</i>	Ужин при свечах34
<i>Ричард Смит</i>	Прискорбный случай на Уэст-Ридж-Роуд56
<i>Владимир Бочаров</i>	Купеческое слово112
Посмеемся вместе	
<i>Сергей Левицкий</i>	Миомы 43
Это интересно	
<i>Екатерина Постникова</i>	Магия самоцветов65
Судьба художника	
<i>Ирина Опимах</i>	Бездомный скиталец Анатолий Зверев74
Драмы великих сердец	
<i>Виктор Ом</i>	Чудное мгновенье96
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Побольше всяких глупостей!106
Детектив	
<i>Елена Колчак</i>	Никогда в жизни122
Логонова шутит	
<i>Елена Логонова</i>	Секрет Джоконды: держи улыбку188

Главный редактор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Web-редактор	Шеркунова Анна Игоревна

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Главный бухгалтер	Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению	Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. № 3007

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.11.2011

Выпуск издания в 2011 году осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям



Лев Колобов

г. Чебоксары, 59 лет, врач-социолог

Сонет

Твой нежный голос, лик и стать
Меня приводят в восхищенье:
Словами мне не передать
Души волшебного волненья.
Подвластно танцу одному
Живописать движенье страсти.
Твой стан я нежно обниму,
И мир закружит в вальсе счастья!
Божеств мне выше красота! —
Я в святотатстве этом каюсь,
Но, в поцелуй замкнув уста,
Тебе одной лишь поклоняюсь.

Пусть страсть безумная грешна,
Душе — святылище она!

Напутствие

Не зарывай в себе талант,
Не обрывай задатков почки!
Пусть что угодно говорят,
На творчестве не ставь ты точку.

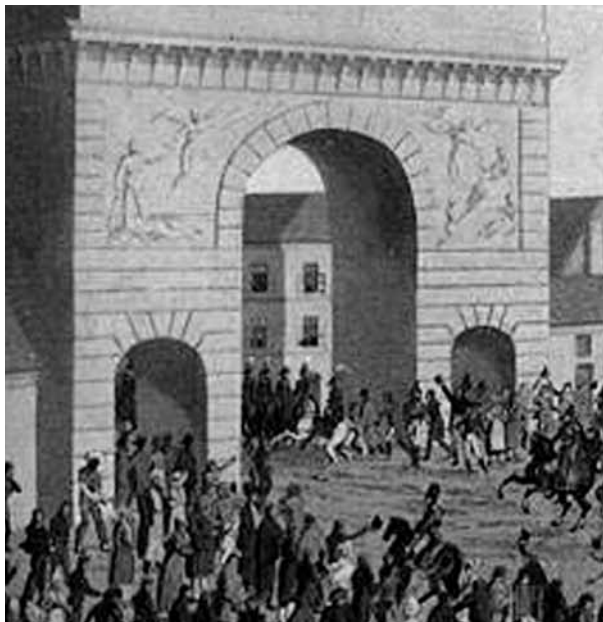
Пусть сказано, что «жизнь — не спорт»,
Лишь тот, по сути, состоялся,
Кем установлен свой рекорд,
Кто над судьбой своей поднялся!

Быстро!

Денис
Логинов



*Император
Александр I*



19 марта 1814 года — особый день в истории России. В этот день российский император Александр I во главе войск антифранцузской коалиции с барабанным боем, музыкой и развернутыми знаменами вошел победителем в Париж. Европа наконец-то вздохнула свободно. Отрекшийся от престола Франции Наполеон Бонапарт отправился в ссылку на остров Эльба. На главном памятнике Бородинского поля есть соответствующая запись, а вот для нашей истории это событие оказалось малозначительным, хотя и ознаменовало собой самую западную точку проникновения нашей сухопутной армии.

Говорят, Сталин в 1945 на чью-то реплику, сравнивавшую его с царем Александром Благословенным, пробурчал:

— Он до Парижа дошел, а я только до Берлина... Тем не менее русские войска в Париже побывали. И — к чести французозов — никогда Россия не услышала за это от них ни одного упрека. В те времена победителей еще не судили...

ЕЩЕ БИСТРЕЕ!



Отечественная война, то есть боевые действия на территории России, закончились в конце 1812 года. Уже в январе следующего года русские войска вступили на территорию нескольких стран Европы. Никто не воспринял это как нечто сенсационное: вот уже два века русские солдаты исправно воевали за пределами своей страны. Но в данном слу-

чае это была не война, а скорее — марш победителей. Что и привело в самом начале к некоторым курьезам. Русский офицер И. Казаков в своих мемуарах писал: «Походы по Польше, Германии и Франции внесли путаницу в филологические познания наших солдат, так, например, научившись в Польше немного польски, когда вошли в Германию,

стали требовать, что им нужно, польски и удивлялись, что немцы не понимали их... Придя во Францию, они усвоили себе некоторые немецкие слова и требуют их понимания от французов...» Да, через каждые триста-четырееста километров новый язык — это было непостижимо для русских солдат. Польша, да и германские государства восприняли приход русских совершенно спокойно: они их давно знали, никаких неожиданностей от старых соседей не предвидели, а многие германские правящие дома вообще были связаны с Россией родственными узами. Но вот Франция... Во Франции прихода «казаков» ожидали с трепетом. Почему именно казаков, никто не мог объяснить, но парижане представляли себе толпу страшных бородатых людей в огромных меховых шапках и с длинными пиками. Этими «варварами» матери пугали детей, а светские дамы — друг друга, замирая от ужаса. Иногда, впрочем, сладкого ужаса: «патриоты» Франции уже успели поведать согражданам, что русская армия питается человеческим мясом и не пропускает ни одной женщины, моложе семидесяти лет. Довольно странные фантазии для самой просвещенной и образованной страны в Европе. Впрочем, верхушки французского общества это не касалось: в Париже, точнее, в Мальмезоне под Парижем, преспокойно оставались экс-императрица Жозефина, ее сын Евгений Богарнэ, по милости Наполе-

она — принц Франции, вице-король Италии, принц Венеции и великий герцог Франкфуртский, многие придворные и, конечно же, знаменитый и великий Талейран. В первый же день нового 1814 года русские войска переправились через реку Рейн близ города Базеля (в Швейцарии) и, вступив в земли Франции, стали с боями продвигаться в глубь страны, к Парижу. Учитель и предшественник А.С. Пушкина — К.Н. Батюшков, которому суждено было с войсками дойти до Парижа, 27 марта 1814 года писал Н.И. Гнедичу: «...Мы дрались между Нанжинсом и Провинс... оттуда пошли на Арсис, где было сражение жестокое, но не продолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезывать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от города Витри. На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывающих столицу и... проглотили. Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальонный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы — все досталось победителям, но и здесь французы дрались как львы». Весной 1814-го года русские войска, с союзными пруссаками и австрийцами, вступили в Париж. Поэт Константин Батюшков,

служивший адъютантом у генерала Раевского, свидетельствовал: «После окончательной победы... русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победой: «Слава богу! Мы увидели Париж со шпагою в руках! Мы отмстили за Москву!» То же самое повторяли и солдаты, которым, кстати, даже в голову не пришло отомстить за московский пожар пожаром парижским. Парадоксально, но победителям (офицерам, естественно) Париж казался центром мироздания даже после того, как он был ими завоеван. Из воспоминаний артиллериста И. Радожицкого: «Французы... едва верили, чтобы русские могли говорить с ними их языком... Парижане, воображая русских, по описанию своих патриотов, варварами, питающимися человеческим мясом, а казаков — бородатыми циклопами, чрезвычайно удивлялись, увидевши российскую гвардию, и в ней красавцев-офицеров, щеголей, не уступающих как в ловкости, так и в гибкости языка и степени образования первейшим парижским франтам». Жизнь Парижа продолжалась в том же размеренном ритме, как и до прихода русских войск — торговали лавки, шли театральные представления, толпы нарядных горожан заполнили улицы, разглядывая бородатых русских солдат и пытаясь с ними объясняться. Тут же возникла мода на все русское, включая элементы казачьего костюма. Но — главное! — вместо трактиров и кофейен в Париже по-

явились новые заведения — «бистро». По роду своей деятельности они ничем не отличались от своих предшественников, а вот названием обязаны русским солдатам, которые, вваливаясь в очередной трактир, кричали: — Быстро! Быстро!



Император Александр I

Понятно, что русская душа так же «горела» выпить в Париже, как и на родине, но парижане подхватили только словечко, не вдаваясь в его суть. Французы и по сей день заходят в многочисленные бистро, не подозревая об этимологии этого названия. Особенно запомнился парижанам парад союзных армий 31 марта 1814 года, на котором в полном блеске показали себя русские войска. Император Александр въехал в Париж во главе свиты из тысячи генералов и офицеров. В тот день под его седлом была лошадь по кличке Эклипс, некогда подаренная ему... Наполеоном. Такая вот «ухмылка судьбы». Воспоминания современников позволяют составить точную картину победного

шествия. Первыми шли несколько эскадронов кавалерии, затем Александр I, сопровождаемый прусским королем и австрийским фельдмаршалом Карлом Шварценбергом. За ними двигалась колонна, состоящая из отборной инфантерии, кавалерии и артиллерии императорской гвардии. Донской атаман Матвей Платов, находившийся в царской свите, отправил императрице Елизавете отчет об этом событии: «Торжества сего я не в состоянии описать; но верноподданейше доношу только, что в прошедших веках не бывало такого, и едва ли будет в будущих. С обеих сторон было неизобразимое радостное восхищение, сопровождавшееся восклицанием многочисленного народа жителей Парижа: Да здравствует Александр, устроивший благоденствие и мир целой Европы!» Парижане ликовали еще и потому, что опасность обошла их стороной. В тот момент, когда русская армия двинулась на Париж, город охватила паника. Зная о пожаре Москвы в 1812 году, горожане не сомневались, что столицу Франции ждет та же участь. Многие намеревались бежать, продав за бесценное свое имущество. Библиотеки, редкие произведения искусства, картины и скульптуры перекочевали из богатых домов в лавки старьевщиков. Однако в день капитуляции,



*Императоры Александр I
и Наполеон Бонапарт в Эрфурте*



*Наградная медаль, учрежденная Александром I
30 августа 1814 года «За взятие Парижа»*

принимая делегацию представителей Парижа, император Александр заявил, что город может рассчитывать на его покровительство. «Я люблю французов, — прибавил он, — я признаю среди них одного лишь врага — Наполеона. Лишь отборная часть наших войск вступит в пределы вашего города. Я хочу воздать добром за зло». Стоит ли после этого удивляться тому восторженному приему, который был оказан русским войскам? Французский мемуарист подтверждает, что донской атаман в своем донесении несколько не преувеличил радость толпы: «Самые бурные проявления чувств достались на долю императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым жен-

щинам, махал им рукою... Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия, оставляя всю славу царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн... Мы увидели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной». Самых же парижан идея сжечь город, дабы он не достался врагу, ни на секунду не посетила. Пламенная любовь к императору сменилась у них не менее пламенной ненавистью к «корсиканскому чудовищу» и желанием как можно скорее вернуть на престол уцелевших потомков Бурбонов. Тех самых, которых они же

двадцать лет назад травили, как дичь, и убивали фактически без суда и следствия. Франция и французы хотели восстановления монархии. Тут их мнения, однако, не совпадали с желанием союзников-победителей. Те как раз предлагали объявить императором Франции сына Наполеона — маленького короля Римского, при регентстве его матери — дочери австрийского императора. Увы! Императрице Марии-Луизе вместе с сыном пришлось спасаться бегством от собственного народа, но не вместе с низложенным императором, а самостоятельно, и в другом направлении. Республика отпадала по определению: французы на собственном опыте поняли, как быстро этот общественный строй превращается в свою противоположность. К тому же, Франция была просто не готова стать республиканской. Так что вопрос заключался лишь в том, кого из двух уцелевших Бурбонов выбрать: среднего брата казенного короля Людовика XVI или его младшего брата. Решением этого вопроса занялся вездесущий Шарль Морис Талейран, бывший министр иностранных дел Наполеона, во дворце которого, кстати, остановился сам русский император. Почему? Да потому, что предполагаемая резиденция монарха — Елисейский дворец — по слухам оказалась... заминированной. Ну, не в прямом смысле слова, ибо мин, как таковых, тогда еще не было, просто усиленно говорили о заложенной там бомбе. Впо-

следствии все это оказалось выдумкой, но цель была достигнута: Александр I поселился на втором этаже дворца Талейрана, а на третьем расположилась вся царская свита вместе со штабом. Удобно! Тем не менее один из «контактов» своего гостя Талейран элементарно проморгал. Точнее, не счел важным — и сделал ошибку, которую пришлось срочно исправлять самыми радикальными мерами. Но об этом чуть позже. Популярность парижан снискал не только русский монарх, но и его подданные. Наибольший успех имели казаки, которые, войдя в Париж, поставили свои биваки на Елисейских полях, в то время представлявших собой густые зеленые рощи с рассеянными среди них домиками. Стоит подчеркнуть, что казачий лагерь был разбит посреди города по распоряжению высшего начальства, пытавшегося таким образом исключить возможность мародерства. Сначала казаками любовались издали, пишет участник войны: «Они боялись, так как им натолковали, что мы — северные варвары, а казаки совершенно дикие, полунагие, с пленных сдирают кожу, а по деревьям, где им попадают малые дети, они их жарят и едят. Однако, удостоверившись, что они ничуть не звери, а, наоборот, кротки и обходительны, они стали поближе их рассматривать, и, видимо, любовались красотой и костюмами наших донских молодцов. Главным аттракционом, собиравшим

тысячи зрителей, было купание лошадей, которых казаки водили для этого на берег Сены». Надо сказать, что многие из солдат, бывшие до зачисления в армию крепостными, впервые почувствовали, что значит быть свободными людьми. На обратном пути выяснилось, что во Франции осталось 40 000 «невозвращенцев», которых французы не выдали, несмотря на просьбу императора Александра вернуть беглецов и заверения, что ни один из них не понесет наказания. Русские историки почему-то предпочитали обходить этот момент молчанием. Так же, как и то, что экс-императрица Жозефина и император Александр I еще при первой встрече в 1808 году в Эрфурте стали тайными любовниками. Немудрено, что, оказавшись в Париже, первый «официальный визит» Александр нанес мадам Жозефине в ее замке Мальмезон. Где был совершенно очарован дочерью своей любовницы — Гортензией Бонапарт, супругой брата Наполеона, и впоследствии убедил союзников дать ей титул герцогини. А русские офицеры, для большинства из которых французский язык был фактически вторым родным, изучали достопримечательности Парижа. Картинные галереи, мастерские художников, библиотеки были заполнены русскими. «Я ходил осматривать Лувр и музей, — пишет один из них в своем дневнике. — Один и другой многим обязаны Наполеону. Архитектура Лувра будет вечным па-

мятником этому необыкновенному человеку, и достопримечательные предметы, привезенные в последнее время из всех стран Европы, представляют все, что только есть на свете примечательного. Здесь я видел статуи Аполлона Бельведерского, Венеры Медицинской, Лаокоона, Преображение Господне Рафаэлевой работы и прочее.

Я любовался новейшими произведениями искусства и охотно провел бы весь день в созерцании всех этих прелестей, если бы не встретил нескольких приятелей, которые отвлекли меня от моего увлечения и потащили с собой в Пале-Рояль, более простое и чудесное, но не менее интересное место».

Это типичный «экскурсионный» маршрут русского офицера: из Лувра — в Пале-Рояль, центр запретных развлечений, где были и «дамы полусвета», и карточная игра, и рулетка, и ссудная касса — для тех, кто вышел за пределы своих финансовых возможностей. А таких было немало. Поскольку для русского офицера девятнадцатого века карточная игра являлась самым популярным способом проведения досуга, многие достойные люди оставили в игорных домах Парижа буквально все, что имели. Генерал Милорадович, например, лично просил императора выдать ему жалование за три года вперед, и почти все полученное проиграл в карты. Правда, этот способ приятного времяпрепровождения не нашел отражения в

стихах, написанных офицерами русской армии в Париже.

«... за наши грады

И за Москву — наш царь не мстил

И белым знаменем пощады

Столицу Франции покрыл.

И видел, что коня степного

На Сену пить водил калмык

*И в Тюльери у часового Сиял, к
ак дома, русский штык!»* —

восторженно отмечал Федор Глинка. Александр I тоже посетил в Париже все учреждения, посвященные наукам, искусствам, промышленности, включая и богоугодные заведения. Вот краткий рассказ об одном из таких посещений. «Осматривая приют для женщин, лишившихся рассудка... из-за любви, Его Величество пожелал знать, много ли там несчастных созданий, потерявших разум вследствие чрезмерной и плохо направленной чувствительности. При этом директриса якобы ответила ему: — Ваше Величество, до сих пор их было немного, но можно опасаться, что число их возрастет с той минуты, когда Вы вступили в Париж.

Нет, все-таки только французы могли создать такое уникальное богоугодное заведение! Ни в одной другой стране мира ничего подобного никогда не было и до сих пор не имеется».

К сожалению, кратковременный визит в Париж, даже в качестве освободителей, произвел на многих офицеров впечатление, на которое никто не рассчитывал. В Париж вернулись аристократы — прежние либералы

(хотя и роялисты), и в их вновь открывшихся гостининых зазвучали почти прежние речи о «свободе, равенстве и братстве». Но если для французов все это было уже игрой, то для русских, не привыкших к подобной свободе выражений, оказалось опасным ядом.

Особого парадокса в этом, впрочем, нет. Русская армия во главе со

*Прогон русских пленных по бульвару
Сан-Мартен в феврале 1814 года.*

Жан-Этьен Делеклюз



своим императором принесла народу Франции свободу. Ту самую свободу, которой так не хватало ее солдатам и офицерам на родине. Более того, перед тем как отбыть в Россию, Александр еще раз повлиял на ход французской истории — настоял на принятии и обнародовании Конституционной хартии 1814 года. Замечу, что первую русскую Конституцию пришлось ждать еще более 90 лет. Установить во Франции республику Александру I, повторюсь, не удалось. Зато он стал невольной причи-

ной смерти столь почитаемой и любимой им экс-императрицы Жозефины. Существуют почти неопровержимые свидетельства о том, что еще в бытность свою мадам де Богарнэ, вдовой казненного виконта, Жозефина принимала активное участие в организации побега дофина — сына казненного короля Людовика XVI, и впоследствии принимала (тайно) большое участие в судьбе теперь уже короля Людовика XVII, имевшего все права на французский престол. Но это никак



не устраивало его родных дядюшек, грезивших о французской короне после двадцати с лишним лет эмиграции. Путем сложных интриг удалось уговорить союзников возвести на трон брата казненного ко-

роля — Людовика XVIII. И тут совершенно некстати возникла Жозефина со своими разоблачениями и планами, коими она немедленно поделилась с императором Александром во время одной из их заду-

40 дней спустя на том же самом месте.

Вступление русской армии в Париж через Сан-Мартенские ворота.

Неизвестный автор



шевных бесед в Мальмезоне. А ведь Талейран уже успел стать главой Временного правительства и в этом качестве отправился встречать нового короля — Людовика XVIII. Более того, имел с ним продолжительную беседу, и, в результате, был назначен... министром иностранных дел. Французский историк Луи Блан писал: «После Реставрации, кото-

рая возвела на трон Людовика XVIII, факт существования и признания его племянника, Людовика XVIII, остановил бы весь ход событий и создал бы неисчислимые затруднения». Талейрану, изворотливому и опытному политику, было прекрасно известно об антипатии императора Александра к Людовику XVIII. Русский государь предлагал союз-



никам кандидатуры пасынка Наполеона Эжена де Богарнэ и даже маршала Бернадотта — шведского короля милостью Наполеона. А уж законный наследник трона, Бурбон и сын Бурбона, оказался бы вне конкуренции. Проклятая креолка могла разрушить все планы хитроумного политика. И он... послал ей роскошный букет цветов, ибо страсть Жозефины к цветам была общеизвестна. По словам Шатобриана, «...Талейрана никогда не смущали проблемы добра и зла, ибо он не отличал одного от другого». А цель в данном случае оправдывала средства: через три дня после появления в ее будуаре букета Жозефина скончалась от непонятной болезни в возрасте пятидесяти лет. Император Александр, узнав о смерти экс-императрицы, громко воскликнул: — Это дело рук Талейрана! Косвенным свидетельством того, что русский император считал нового министра иностранных дел Франции убийцей Жозефины, было то, что Александр покинул Париж, не попрощавшись с Талейраном. Тот был потрясен, пытался оправдаться в письмах, но ответа на них не получил. Император, ни под каким предлогом, не хотел общаться с ним, — и это пагубным образом сказалось на дальнейшем развитии отношений между Францией и Россией. 30 августа 1814 года манифестом императора Александра I была учреждена наградная серебряная медаль, на лицевой стороне которой помещено изображе-

ние Александра I в лавровом венке и в сиянии расположенного над ним лучезарного «всевидящего ока». На оборотной стороне, по всему обводу медали, прямая пятистрочная надпись: «ЗА — ВЗЯТІЕ — ПАРИЖА — 19 МАРТА — 1814». Медаль предназначалась для награждения всех участников взятия французской столицы — от солдата до генерала. Но... она не была им вручена. После восстановления династии Бурбонов русский император счел негуманным выпускать в свет эту медаль, которая бы напоминала Франции о былом крушении ее столицы. Честно говоря, не вполне понятная щепетильность и прямая неблагодарность по отношению к российским воинам. И только спустя 12 лет медаль была роздана участникам кампании 1814 года, по велению нового императора Николая I, который накануне годовщины вступления русских в Париж, 18 марта 1826 года, повелел освятить эту медаль на гробнице своего брата Александра. Выдача ее участникам началась 19 марта 1826 года и затянулась до 1 мая 1832 года. Всего было выдано более 160 тысяч медалей. Естественно, что на портретах героев Отечественной войны 1812 года, которые были написаны до 1826 года, эта медаль среди других наград отсутствует. Носили ее на впервые введенной комбинированной Андреевско-Георгиевской ленте. Она была обычной ширины, но состояла как бы из двух узких ленточек: Андреевской — го-

лубой, и Георгиевской — оранжевой, с тремя черными полосами. Двухмесячное пребывание русской армии в Париже имело еще одно последствие... для России. Вернувшись с войны офицеры начали создавать тайные общества, которые ставили своей целью освобождение крестьян и реформу государственного управления. 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге была совершена попытка государственного переворота, окончившаяся неудачей. Почти все его организаторы были участниками заграничных походов русской армии 1813–1815 года, и практически все они считали Францию своей «духовной родиной», мало что зная о настоящей родине — России. Увлечение русского высшего света французской культурой своими корнями уходит в XVIII век. К началу войны с Наполеоном стереотипные представления о Франции были уже очень широко распространены в русском обществе. 1812 год добавил новые штрихи к образу Франции. В результате, в начале XIX века Франция была не только географической, но и психологической реальностью в общественном сознании России. В том смысле, что значительной части образованных русских казалось, что они знают о Франции все или почти все. Русские дворянские офицеры вступали на территорию Франции с удвоенным интересом: не только наблюдать французскую реальность, но и выяснить, насколько она соответствует априори

сложившимся представлениям о ней. Во-первых, можно констатировать, что у русских происходила эволюция сложившихся у них ранее представлений о Франции под влиянием новых впечатлений. Большинство авторов, ожидавших найти подтверждения своему идеализированному представлению о стране как о «земном рае», были разочарованы, наблюдая разоренную деревню и толпы нищих в городах. Образ Франции эволюционировал, хотя и в меньшей степени, и в сознании тех, кто считал, что после 1789 года Франция вступила в период регресса. Эмоциональность тона записок и мемуаров, чувства разочарованности или удивления авторов свидетельствуют не только о процессе переосмысления сложившихся представлений о Франции. Можно говорить также и о разрушении стереотипа русских о самих себе — стереотипа о собственной эрудиции. Разрушилась убежденность мемуаристов в том, что они, зная французский язык, литературу и искусство, представляют жизнь французского народа. Во-вторых, в источниках отразился процесс формирования совершенно новых представлений о французском обществе. Мемуаристы удивляются противоречию между высоким уровнем техники прокладывания дорог и антисанитарией не только в деревнях, но и в городах Франции. Они единодушно приходят к выводу, что французам присуща «национальная привычка к неопрятности». Рус-

ские авторы отмечают недостаточную степень образованности не только низших и средних слоев населения, но и французской аристократии. Особенно разительным свидетельством этому были крайне скудные представления французов о России и населяющих ее «северных варварах». Необходимо отметить одну важную особенность. Чаще всего авторы делают те или иные выводы о наблюдаемой реальности на основе сравнения последней с русской действительностью. Так, например, анализируя тот факт, что

французский народ не оказал мощного и организованного сопротивления союзным войскам 1814 года, русские делают вывод, что французам не свойствен патриотизм как качество народного характера. Не упоминается главная причина подобной ситуации: истощенность моральных и материальных ресурсов Франции после двух с лишним десятилетий внутренних и внешних войн. С выводами о не патриотичности французов соседствуют сентенции по поводу того, что «Париж не Москва! Париж есть Франция, но Москва не есть еще Россия, и русские доказали сие последнее». Сдача Москвы свидетельствовала о нача-

*Капитуляция Парижа 31 марта 1814 г.
Неизвестный художник*



ле нового витка борьбы за освобождение России, а вход союзников в Париж ознаменовал окончательное поражение Франции. Таким образом, в своем анализе наблюдаемой действительности русские руководствуются не только реальными историческими обстоятельствами, но и сравнениями с Россией. Непосредственное знакомство русских с культурой французского народа в 1814–1818 годах произвело достаточно сильное впечатление на военных, которым они захотели поделиться и со своими потомками. Многочисленные материалы личного происхождения, порожденные эпохой 1812–1818 годов, дают возможность изучить не только представления русских о Европе, но и о самих себе, о том, что представляло из себя русское общество и государство в начале XIX века. Особой популярностью среди населения и у художников пользовались в Париже, в этом, по выражению декабриста князя Сергея Волконского, «нравственном Вавилоне новых времен», казаки. Без их участия трудно было себе представить тогдашнюю парижскую жизнь. В конце пребывания русских войск во французской столице было напечатано сочинение, написанное якобы от лица русского офицера, под названием «Прощание русских с парижанами»: «Прощайте, поля Елисейские, прощай, и ты, Марсово поле! Мы расположили на вас биваки свои, застроили вас хижинами, шалашами, будка-

ми и жили в них как в палатках. Нередко милые городские красавицы навещали кочующих соседей своих. Они не пугались ратного шума и прыгали зефирами по грудам оружия». В мемуарах, записках, а также переписке русских военных отразились различные процессы, происходившие в сознании русских, наблюдавших и осмысливавших французскую действительность с исключительным интересом и вниманием. Событие, произошедшее 31 марта — падение Парижа, — изменило лицо Европы. Кончилась эра Наполеона. Был установлен новый порядок взаимоотношений европейских держав, благодаря которому в течение сорока лет Россия играла ведущую роль в европейской политике. Но это же событие заложило и мину замедленного действия под политические процессы не только в Европе, но и в самой России. Через полтора десятка лет началась эпоха европейских революций. И начала ее — декабристы, большинство из которых побывало в Париже. P.S. Последним императором Франции в 1852 году стал внук Жозефины и внучатый племянник Наполеона, сын его младшего брата Луи. Наполеон Третий начал с того, что был избран депутатом, затем — президентом, а затем произвел государственный переворот и возложил на себя императорскую корону. Воистину, история повторяется: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. □

*Я — есмь. Ты — будешь.
Между нами — бездна...*

Молитва, М. Цветаева

Страсти по **М**арине



Ксения
Аносова

Душа нетленна, верю. Тело слишком быстро изнашивается, становится тяжелым, опухшим от разлук и неудач. Жить под монотонным гнетом смерти — неимоверная мука, хоть большинство людей и смиряются с ней слишком рано. Привыкнуть — значит, потерять самого себя. А это уже — безрассудное расточительство. Предательство от скуки... Тогда все было не так, но иначе: более мрачно и трепетно, звонко, честно, с гордостью и достоинством. Тогда иней безразличия покрывал только жухлую траву у наших ног, отчего она казалась перламутровой, сказочной пелериной.

Еще не тронутыми оставались наши сердца. Еще бился пульс и восторженно загорались глаза при виде чуда. Самая настоящая эйфория. Еще не пошлым выглядело наслаждение августом, с его ржавыми гроздьями винограда и рябины, с его звездными ливнями. И не удивляли никого еще бесцельные прогулки по серым московским улочкам, под грохочущим низким небом колоколен. Страсти выкипали до дна! Ох, уж эти чувства... Сколько тревог, сколько яркого низвержения вниз, все глубже и глубже! В кровавый смрад, в самую пропасть... Тогда не бывало покоя. Истесанные, чернеющие шрамы земли, лоснящееся зарево, румяная дымка до боли знакомого солнца... Надтреснутая скорлупа строчек, рифмы, слова засыхают на губах молочной пеной...

Я там. Проваливаюсь в колодезь Ее воспоминаний. Как приятно, как легко лететь рядом с Ней в этой крошечной неизбежности. То, что было, то, что никогда не повторится более. Теперь и я причастна к этой тайне. Негоже начинать с начала, тем более, когда начало — есть лишь точка зарождения конца. Обреченно и чуть менее торжественно. Поэтому мы в Болшево, где промозглая, голодная осень стучится в окна, где скрипучие листья вихрем залетают в комнату, стоит только приоткрыть дверь, где пахнет яблоками и отсыревшим деревом. Мы там. Она стоит у окна, оцепеневшая в страхе. Озноб скручивает Ее руки, ломает тело. Она чует смерть, как собака, побитая хозяином. И одиночество, жуткое предчувствие чего-то необратимого, будто Ее кару, Ее крест, взвалили на плечи чужого человека. Она словно, наконец, очнулась ото сна и вдруг осознала, что незримый гений, заложником которого Она стала, зовет Ее по другую сторону Реки, и нет пути назад. Мы

стоим посреди избы. За мутными стеклами копошится ночь. Вся жизнь мелькает перед глазами. Как великолепно понимать — Ей есть, что воскрешать, как отчаянно признавать — есть, что терять... А в далеком прошлом — детство, которое, по Ее словам, «лучше сказки». За то ли она просила смерти в семнадцать лет? За Наденьку Иоловайскую, за тихую гавань пансиона в Тарусе, за музыку, перед которой заставляли благоговеть, будто это так легко сделать, как по щелчку пальцев? Или, может, за чересчур поспешное принятие своей особенности, своей гордыни и неизменно-го одиночества? За слияние со своим ближайшим соратником, со своим по-настоящему единственным другом — чертом? Ей было чуть меньше двадцати, когда любовь и поэзия застали ее врасплох, обрушились на нее заснеженным комом мыслей, импульсов, иллюзий. Земля горела под ногами, вот уж правда! И хотелось жить, что есть мочи, с ума сходить от этих рифм и вздохов.

Разгуливать свободно, двумя пальцами придерживая гневное своеволие на цепи. Ведь теперь, Вы — поэт, Марина! Вам впредь к лицу любящая гримаса. Но любовь, или то, что Она желала за нее принимать, неумолимо ласкало ее чувства, порождало строчки, до сих пор витающие в голове: «Как правая и левая рука — твоя душа моей душе близка...» Вот и я теперь понимаю, что у Ее ангела есть лицо: серьезное и слегка насмешливое, в обрамлении лихих русских вихрей. Я узнаю его — это Сергей Эфрон. Стоит только заглянуться на Нее, — на хрупкий облик, плывущий под ударами его горячих глаз, — как нас тут же вышвыривает наружу, в тот день... Допросы сестры, детей... Их забирают по очереди, по одному. Она делает вид, что испугана, но я-то вижу, что причина тому не угроза жизни близким и не грубое обращение. Она читает свои стихи, — строфа летит за строфой. Она уже не здесь, ее великая мощь расплзается за пределы убогой каморки. Мы опять несемся дальше. Любить без страха, любить без боли... Что ж, это не сложно. Марина, Вы даже любовь сумели превратить в искусство. Сколько их было? Десятки, сотни? Тех, кто хоть на короткий миг, но снимали ожидание смерти с Вашей непокорной головы. ...Обязанной и зависимой Она себя признавать не любила. Жаждала столь многого, но отдавала, впрочем, гораздо больше. «Держите, это так необходимая вам бла-

годарность за мою любовь, за искренность, за страдания!..» Она платит лишь тем, что имеет в избытке. Не слезами, не тоской, не молитвой — стихами.

«...Спасибо вам и сердцем и рукой За то, что вы меня — не зная сами! — Так любите: за мой ночной покой, За редкость встреч закатными часами...» В поисках Сергея Эфрона она вырвалась в Берлин. Сейчас, в этой череде писем и биографий, мы находим и эту страницу. Она потускнела от времени, но еще можно отыскать фотографию, заложенную между листов: людная площадь, невысокие старинные здания, экипажи, заслоняющие своими грузными телами мостовую и витрины магазинов. Одним словом, европейская столица! Нет, здесь нельзя останавливаться! Здесь слишком спокойно, как-то не по-людски комфортно. Надо спешить дальше. Мимо проплывает Прага, затем Париж. Она знает, что все это временно, что пейзажи с открыток канут в неизвестность, и есть только одно непреходящее — ее черт, ее гений. Потом она напишет: «Моя неудача в эмиграции — в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда...» Лететь, куда Бог пошлет, вслед за неистовыми глазами Сергея. Но помыслами, сердцем быть уже совершенно в ином месте. Всегда Она так — опережает отведенное часами время... Рождение Мура — очередная возможность подтолкнуть

себя еще чуть ближе к пропасти. Как там было?.. «Мой прокурор...» Да, Ей вечно требовался судья и каратель. И хотя вся жизнь Ее была направлена на сокрушение системы, дерзкое сердце все-таки нуждалось в ловком дрессировщике. Париж отторгнул ее, и она вновь возвращается в СССР. Опять неубранные комнаты особняка в Болшево, опять сквозняки и тревожный шепот желтых листьев над головой. Все решено. Вернее, давно уже было понято и описано. В стихах, в суровом выражении лица.

..Умирая, не скажу: была.
И не жаль, и не ищущи виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов
любовных.

Ты — крылом стучавший
в эту грудь,
Молодой виновник
вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь!
Я — не выйду из повиненья.

А дальше, по наклонной: Борис Пастернак, со своим черным юмором, Елабуга. Скука, холод, страх.... Она все знала. Смерть не стала для Нее неожиданностью. Родиться с осознанием тщетной экспрессии своего существования — тяжелая ноша. И эта боль от собственного эгоизма и бесплодных попыток любить жизнь. Потери, разбитые мечты и страсти, снедающие все вокруг. Страсти по Марине.

Марина Цветаева

Стихи к Блоку

*Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.*

*Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.*

*В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.*

*Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижимых век.
Имя твое — поцелуй в снег.*

*Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим сон глубок.*

** * **

*Руки даны мне — протягивать каждому обе, —
Не удержать ни одной, губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.*

*А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это — кто знает? — не знаю, — быть может, —
 должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле.*

** * **

*Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательное пасть.*

*Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.*

*С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.*

** * **

*Бренные губы и бrenные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.*

*Рокот божественной вечности — глуше.
Только порою, в предутренний час —
С темного неба — таинственный глас:
— Женщина! Вспомни бессмертную душу!*

** * **

*Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О, милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.*

*И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленатых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.*

*Нет, выпростаю руки, — стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.*

*И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть, —
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвествь! □*



R

Константин
Паустовский



СНЕГ

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой.

Маленький дом — всего в три комнаты — стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за облетевшим садом, белела березовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь.

«Какая я дура! — думала Татьяна Петровна. — Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино — там не было никаких налетов, — а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!»

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах — их было несколько в городке — и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые. Река долго не замерзала, от ее зеленой воды поднимался пар.

Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зеленым сукном стояла модель крейсера «Громобой», на котором он плавал. Варе не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын-моряк, что он сейчас на Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей все казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на нее спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: «Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?»

— Нет, не помню, — тихо отвечала Татьяна Петровна.

— Мама, с кем ты разговариваешь? — кричала из соседней комнаты Варя.

— С роялем, — смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходиться письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.

Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запорошил стекла.

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня — он даже не вздрагивал. Потом осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

«Милый мой старик! Вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая. И вообще она заживает. Ради Бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!

Я часто вспоминаю тебя, папа, — читала дальше Татьяна Петровна, — и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи — те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра

к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальной». Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но вот и этот ее, маленький и самый милый для меня, уголок — и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рощи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди».

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, и думала, что вот, со дня на день, может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек, и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна сказала Варя, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Беседка была совсем ветхая. Деревянные ее колонки поседели, заросли лишаями. А сама Татьяна Петровна исправила колокольчик над дверью. На нем была отлита смешная надпись: «Я вишу у дверей — звони веселей!» Татьяна Петровна тронула колокольчик. Он зазвенел высоким голосом. Кот Архип недовольно задергал ушами, обиделся, ушел из прихожей: веселый звон колокольчика казался ему, очевидно, нахальным.

Днем Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старика настройщика, обрусевшего чеха, занимавшегося починкой примусов, керосинок, кукол, гармоник и настройкой роялей. Фамилия у настройщика была очень смешная: Невидадь. Чех, настроив рояль, сказал, что рояль старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он ушел, она осторожно заглянула во все ящики письменного стола, нашла пачку витых толстых свечей и вставила их в подсвечники на рояле. Вечером зажгла свечи, села к роялю, и дом наполнился звоном.

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло сладким дымом, как бывает на елке.

Варя не выдержала.

— Зачем ты трогаешь чужие вещи? — сказала она. — Мне не позволяешь, а сама трогаешь? И колокольчик, и свечи, и рояль — все трогаешь. И чужие ноты на рояль положила.

— Потому что я взрослая, — ответила Татьяна Петровна.

Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на нее. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светилась и была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфельку во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Вале.

Еще в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придется пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала все время.

Поезд пришел в городок днем. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад, и что в их доме поселилась молодая певица из Москвы.

— Эвакуированная, — сказал начальник станции.

Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры в ватниках, в валенках. Голова у него кружилась.

— Да, — сказал начальник станции, — хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

— Когда обратный поезд? — спросил Потапов.

— Ночью, в пять часов, — ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: — Вы у нас перебудьте. Старуха моя вас чайком напоит, накормит. Домой вам идти незачем.

— Спасибо, — ответил Потапов и вышел.

Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой.

Потапов прошел через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землей наискось летел редкий снежок. По унавоженной дороге ходили галки. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал из глаз слезы.

«Ну что ж! — сказал Потапов. — Опоздал. И теперь это все для меня чужое — и городок этот, и река, и дом».

Он оглянулся, посмотрел на обрыв. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в березовую рощу.

Потапов медленно пошел в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, быть может, заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растревлять себе сердце, уехать и забыть о прошлом!

«Ну что же, — подумал Потапов, — с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг».

Он в сумерках подошел к дому, осторожно открыл калитку, но она все же скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал.

Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошел в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, мутно розовело небо, — должно быть, за облаками поднималась луна. Потапов снял фуражку, провел рукой по волосам. Было очень тихо, только внизу, под горой, бренчали пустыми ведрами женщины — шли к проруби за водой.

Потапов облокотился о перила, тихо сказал:

— Как же это так?

Кто-то осторожно тронул его за плечо. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

— Наденьте фуражку, — тихо сказала женщина, — вы простудитесь. И пойдемте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вдохнуть. Женщина так же тихо сказала:

— Это ничего. И вы, пожалуйста, не стесняйтесь. Сейчас это пройдет.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботинок. Тотчас в сених отозвался, зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вздохнул, перевел дыхание.

Он вошел в дом, что-то смущенно бормоча, снял в прихожей шинель, почувствовал слабый запах березового дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

— Пойдемте! — сказала Татьяна Петровна и провела Потапова в кухню.

Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся, сняв китель. Смущение Потапова еще не прошло.

— Кто же твоя мама? — спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

— Она думает, что она взрослая, — таинственно прошептала девочка. — А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

— Почему? — спросил Потапов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живет в легком, но очень прочном сне. Все в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты на рояле, те же витые свечи, потрескивая,

освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя — лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась уже высоко. В ее свете слабо светились березы, бросали на снег легкие тени.

А потом, поздним вечером, Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

— Мне все кажется, что где-то я уже видела вас.

— Да, пожалуй, — ответил Потапов.

Он смотрел на нее. Свет свечей падал сбоку, освещал половину ее лица. Потапов встал, прошел по комнате из угла в угол, остановился.

— Нет, не могу припомнить, — сказал он глухим голосом.

Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять ее.

Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шепоту Татьяны Петровны — она о чем-то говорила с нянькой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, — Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадался: она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну.

В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова. Он зашевелился.

— Пора, вам надо вставать, — сказала она. — Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город. После второго звонка они попрощались. Она протянула Потапову обе руки, сказала:

— Пишите. Мы теперь как родственники. Правда?

Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

«Я вспомнил, конечно, где мы встречались, — писал Потапов, — но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнувшее небо, бледное море. Я шел по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, шестнадцать. Она увидела меня, вста-

ла и пошла навстречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руках раскрытую книгу. Я остановился и долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и чувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но все же не двинулся с места. Почему — не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я снова вас встретил. И если все окончится хорошо, и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только отблагодарить вас издали».

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном и сказала:

— Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь какое-нибудь значение? И стоит ли разуверять его? И себя!

Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел и никак не мог погаснуть неяркий закат.

1943 год. □







У ЖИН При свечах

Совещание у руководства затянулось, но Лара со своего рабочего места ни видеть, ни слышать этого не могла. Да и не до того ей было. Работа, такая привычная, знакомая до самых мелких деталей, сегодня почему-то буксовала. Аккуратные стопочки бумаг, которые она разложила на своем столе, чтобы хоть как-то упорядочить предновогодний аврал, уменьшались очень медленно. А ведь завтра новые задачи предстоит решать... Рабочий день давно закончился, большинство сотрудников разошлись по домам, а Лара все пыталась преодолеть намеченный еще утром рубеж. Поэтому, наверное, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, она не сразу подняла глаза от документов. А на пороге ее комнаты стоял Юра. Стоял, смотрел на нее и улыбался. Затем подошел к столу и сел напротив.

— Ты как?

— В порядке. Работаю.

Они не виделись уже чуть больше года, а знакомы были лет двадцать, не меньше. Мир ведь очень тесен. Так получилось, что работала Лара в компании, входившей в огромный холдинг, руководителем и, практически, владельцем которого был Юра. На работу ее устроил муж, Женька, друживший с Юрой, как говорится, со школьной скамьи. Затем ребята вместе учились в институте, а в начале 90-х они и еще несколько энтузиастов создали небольшую фирму. Юра стал директором, а Женька возглавил отдел. Фирма росла. Постепенно ей становилось тесно в рамках одной организации. Появился холдинг. И, когда в новом, только что организованном предприятии холдинга, образовалось вакантное место, Женька предложил кандидатуру своей жены. После испытательного срока отпали все вопросы. Она заме-

чательно подходила для этой должности, да и ей все очень нравилось. Зарплата была немаленькая, что тоже имело значение.

Два года назад случилась беда. По дороге на работу, в метро, Женька почувствовал себя плохо. Успел присесть на лавочку, но «Скорой помощи» уже не дождался. Сердце. Потемневшая от свалившегося на их семью горя, безучастная ко всему, Лара отказывалась верить в случившееся. Умом понимала, а душою принять не могла. Но надо было как-то жить дальше. Ведь их сын еще только на третьем курсе института учился, а дочь, и вовсе, — школьница. И надо было платить за обучение в институте, за курсы для дочки, за репетиторов... Теперь работа, а, главное, зарплата стали иметь для нее гораздо большее значение.

Ответственность Лару не пугала. В их семье она и так была негласным лидером, но вот с пустотой такого уютного раньше дома смириться не смогла до сих пор. И еще появилось чувство незащищенности, которое так и не прошло со временем...

Но жизнь постепенно налаживалась: работа, дом, работа. Раньше они с Женькой обязательно, как минимум, два раза в год, куда-нибудь уезжали, отпуск для этого брали частями. Когда были моложе, отдыхали всей семьей, с детьми, а последний раз — только вдвоем. Это были райские каникулы... Но в этом году Лара никуда не поехала. Магия дальних стран без Женьки испарилась очень быстро. Только в самом конце прошлого года она была в санатории, куда ее почти насильно отправил все тот же Юра, нервную систему в порядок приводить, даже путевку оплатил.

Ее продолжали приглашать их общие друзья на редкие праздники, но без Женьки как-то не хотелось нигде появляться, и Лара отказывалась, находя вежливый предлог. Друзья все понимали и не настаивали. Таким образом, она, незаметно для себя, постепенно осталась в полном одиночестве, к которому неосознанно стремилась. Вот только Юра...

И вот, он сам, собственной персоной, сидит напротив нее и улыбается. Глаза теплые, немного усталые... Она многое про него слышала — больше плохого, чем хорошего. Говорили о его крутости, жесткости, что бывает груб с подчиненными, может орать на сотрудника так, что оконные стекла дрожат, причем на женщин орет так же, как и на мужчин, скидок слабому полу не делает. Многие называли его просто хамом. Правда, очень тихо называли, шепотом, и только за спиной, где-нибудь в дальнем-дальнем уголке. Но все, и друзья, и враги, не могли не признавать исключительной Юриной преданности работе. Отдыхал он очень редко, далеко не каждое воскресенье, субботы вообще были рабочими, а в отпуск стал ездить только последние несколько лет, и то лишь на две недели. Ну а Лара не знала Юру-начальника, ни разу не слышала грозного «рыка», и даже не

представляла себе его в такой ужасной роли. С ней, с самой первой минуты их знакомства, он был как-то особенно внимателен, нежен. Тогда, двадцать лет назад, когда Женька представил их друг другу, с первого взгляда, с первого мгновения протянулась между ними удивительная, незримая ниточка взаимопонимания, что ли, а, может быть, это было другое...

— Ты еще долго? — кивнул на бумажные горы, украшающие ее стол, Юра.

— Нет, собираюсь уходить. Не клеится что-то сегодня ничего. Устала, а толку нет.

— Я тебя не видел больше года.

— А я тебя видела, ты же приезжаешь к нам иногда.

— Это не то, совсем не то! — Юра задумался. — Слушай, а пойдём в кафе. Поговорим. Расскажешь о себе, о детях.

— В кафе? — Мысли ее заметались, как зверек, пойманный в клетку: «Так, макияж, причёска — все в порядке, брючки, свитер — может быть, и не шикарно, но достаточно стильно, все по мне. Как угадала!» — В кафе? — удивленно взмахнула она ресницами. — Конечно, я очень рада. Ведь сейчас такие дни, Новый год совсем скоро!

Собралась она быстро. Почему-то так вдруг захотелось поехать в это кафе! Она все боялась, что сейчас кто-нибудь придет или позвонит, Юра помчится «разруливать» очередную проблему и забудет про нее... Но ничего аврального не произошло. Они вдвоем вышли из подъезда, спустились по маленькой лестнице, и Юра открыл перед Ларой дверь своей машины восхитительно-представительского класса. Она нырнула в салон, отделанный кожей, почувствовала мягкость сиденья, теплоту воздуха и какой-то особенно приятный запах, не имеющий ничего общего с дешевыми ароматизаторами.

— У тебя прекрасная машина!

— Да, я сам все заказывал, лично. Только вот ехать, боюсь, придется долго. Москва сейчас в центре почти не движется.

О! Это Лару совсем не беспокоило. Ей нравилось сидеть в этой чудесной машине, с мягким, почти бесшумно урчащим двигателем, нравилось смотреть через слегка затемненные стекла на празднично украшенную Москву, нравилось ощущать тепло салона, нравилось, что рядом с ней Юра...

Кафе оказалось рестораном, небольшим, но очень уютным, и, наверное, очень дорогим. Их встретили вежливо, словно постоянных посетителей, проводили к столику, который, оказывается, уже был заказан. И элегантный, похожий на сказочного пажа, юноша-официант зажег на их столике свечи. Не маленькие свечки в металлических шайбах, а настоящие свечи в подсвечниках, стилизованных под старину. Это все было похоже

на чудо. Лара, успевшая забыть, что бывают на свете праздники, радовалась совсем как ребенок. А Юра смотрел на нее своими добрыми светлыми глазами и улыбался так, что ее сердце замирало, а затем начинало стучать гораздо сильнее, чем следует, когда беседуешь просто со старым другом...

Конечно, он отвез ее домой. Было уже совсем поздно, и машин на улицах значительно поубавилось. Доехали они, увы, быстро. Дети, которым Лара позвонила еще из офиса и предупредила, что задержится, уже спали. А вот она долго не могла уснуть... Какое-то совершенно необъяснимое радостное чувство мешало закрыть глаза и погрузиться в сон. Восторг, желание петь, скакать на одной ножке — ну что за глупость! Глупость? Нет, просто она была счастлива. Почему? Она не спрашивала себя ни о чем. Просто лежала и жмурилась, свернувшись в клубок, как котенок...

А чудесная машина, которой совсем недавно так восхищалась Лара, только что вырвалась из тесных московских объятий и понеслась по темному ночному шоссе. Головное предприятие холдинга находилось не в самой Москве, а в так называемом Наукограде, до которого по шоссе от МКАДа ехать было минут сорок, если, конечно, без «пробок». Только разве можно в Москве без «пробок»? Ну, если только ночью, да и то не всегда. Юра отдыхал. В салоне машины еще витал тонкий, почти неуловимый аромат Лариных духов, а его мысли уже привычно вернулись к работе. Год подходил к концу. «А ведь какой успешный получился год!» — думал он. Его империя росла, набирала силу — это главное, это самое главное в жизни. Цель, поставленная двадцать лет назад, была выполнена, но останавливаться он не собирался. Да, Юра знал, конечно, что многим не нравился его авторитарный подход к руководству компанией, не нравилась его резкость в обращении с людьми, а порою и просто грубость. Но и его, в свою очередь, слишком часто раздражало, что очевидные, как ему казалось, шаги приходилось объяснять, доказывать, тратить драгоценное время... Ведь это его предприятие! Только его! Он отдал ему столько сил: рабочий день, не ограниченный ни личными интересами, ни здоровьем, ни здравым смыслом, бессонные ночи, рабочие субботы, праздники! Жена, семья — все стали почти чужими. Никто не посмеет упрекнуть его в узурпации власти. Не посмеет... Юра незаметно задремал и не заметил, как машина аккуратно свернула с трассы к Наукограду.

На следующее утро Лара проснулась такая же счастливая. По офису не бегала — порхала, словно Дюймовочка с цветка на цветок. Глаза ее излучали тот особенный внутренний свет, который превращает самую обычную женщину в неземное прелестное создание. А дел за утро она переделала столько, что за весь вчерашний рабочий день не смогла. И так

легко, с улыбкой, будто не работала, а играла. Усталость подкралась незаметно, когда она пришла в корпоративную столовую на обед. А вместе с усталостью и тихий внутренний голос, ее голос:

« — Что же ты такая счастливая, глупышка? Неужели из-за одного ужина?

— Нет. Просто я теперь точно знаю, что нравлюсь ему. Все двадцать лет нравилась.

— Ну и что? У него своя жизнь: семья, работа. Тебе в ней места нет.

— А мне и не надо ничего. Просто так приятно нравиться...

— А дальше что?

— Да, ничего! Вполне достаточно, что я теперь знаю...

— Ну, и будешь ты со своим знанием грязь месить от метро до дома и обратно. Работать, семью поднимать. И так каждый день, неделю за неделей, год за годом... А кареты с теплым кожаным салоном уже нет, ведь часы пробили двенадцать, а ты и не заметила! И принц твой слишком занят, чтобы тебя разыскивать.

— Молчи! Молчи! Ну не надо портить праздник, пожалуйста. Ведь все еще может быть!

— Какая же ты глупая маленькая девочка! Хоть и взрослая женщина... Ничего не может быть...»

Окончательное отрезвление наступило вечером. С работы Лара, уставшая вдруг до полного изнеможения, ушла ровно в 18.00. А как доехала до дома, почти не помнила. От метро шла долго, как никогда. Снег, налипавший на сапоги, делал каждый шаг невыносимо трудным, словно и не снег это, а какая-то тяжелая белая масса. Поднялась на свой этаж (хорошо, что лифт работал), открыла дверь, села прямо в куртке в коридоре. Тупая усталость подавила все чувства и эмоции. Вот таким безмолвным недвижимым изваянием просидела минут двадцать, а то и полчаса. Детей дома не было, так что не надо притворяться, играть, сил на это все равно не хватило бы. Затем, поднявшись и сбросив куртку и совсем промокшие сапоги, Лара прошла в свою комнату, достала альбомы с фотографиями и опустилась на пушистый ковер. Они с Женькой обязательно печатали фотографии и раскладывали их по альбомам, а не оставляли в компьютере, как сейчас делают очень многие их знакомые. Вот их последний отдых на Сицилии... Женька, Женька... Он жил для нее и детей. Для нее, кажется, даже больше, чем для детей. Никто и никогда не будет любить ее так. Никто и никогда... А Юра... Из всех друзей, коллег, знакомых, пожалуй, лишь с ним она ощущала себя не только Женщиной, а Прекрасной Дамой, блоковской Незнакомкой. Он понимал ее без слов, порой поражая предупредительностью. Наверное, только он один и мог разрушить ту стену одно-

чества, что она старательно возводила вокруг себя. Юра... Он приоткрыл ей дверь в такую защищенную, уютную жизнь, полную любви и заботы, о которой она тосковала, но не пустил ее туда. И не пустит. Он преданно служит одной королеве и имя ее — РАБОТА.

Когда часа через два вернулись домой дети, они увидели Лару, спящую прямо на ковре, с заплаканным лицом, даже во сне крепко прижимающую к себе маленький альбом с фотографиями.

И побежали дни, последние дни старого года... Лара возвращалась с работы привычным путем. Поворот, затем вдоль длинного многоподъездного дома, еще поворот, дальше, дальше... Снегопад, начавшийся еще утром, к вечеру только набрал силу. Давно уже не дарила природа людям такой снежной зимы! Ветер кружил белыми хлопьями, и она, наклоняя голову, безуспешно пыталась спрятаться от вездесущего снега...

А рядом, прямо над ее головой, на крыше высотного дома сидели двое — один, на вид почти мальчик, второй — постарше, с серьезным лицом. Похоже, снегопад их вовсе не пугал, а белые крылья у них за спиной были незаметны на фоне разыгравшейся снежной бури.

— Смотри, какая несчастная женщина, — сказал младший.

— Ну, что ты, она не несчастная. Просто сейчас ей очень тяжело.

— Ты ее охраняешь?

— Да. Хочешь, посмотри ее судьбу, а то ты совсем обленился, мой милый. Не бойся, ничего ужасного с ней не будет. Сможешь?

— Да... Нет, не буду... Лучше сам скажи. Она будет счастлива, любима? Замуж выйдет?

— Да, она будет счастлива, но замуж не выйдет. Счастье, дружок, оно ведь разное бывает. У нее был прекрасный муж, и больше она никого не захочет пускать в свою жизнь так близко. Хотя, поверь, могла бы. У нее есть дети. И, как говорят люди, хорошие дети. Ее дочь, пока еще ребенок, через пять лет станет красавицей. Вот она-то и выйдет замуж, если не за принца, то почти за принца. По человеческим понятиям, это будет очень удачное замужество. И, знаешь, на юбилей дочка и зять подарят маме очаровательный домик на берегу моря. Всего-то часа три самолетом. Королевский подарок, правда? Она бросит свою работу и будет жить в основном там. Дети, конечно, будут прилетать к ней. Сначала одни, затем с внуками. Не соскучишься! Но именно в тихие часы спокойного одиночества, отдыхая от шумных и веселых визитов своей семьи, она начнет писать новеллы, и ее будут печатать. Поначалу, конечно, поможет «денежный» зять, но ее проза окажется настолько необычной и свежей, что незамеченной не останется. Вот видишь, мой юный ученик, какая интересная жизнь! А ты говоришь: «Несчастливая... Замуж бы...»

— Ну, ну... Ладно тебе... Но все же ты что-то не договариваешь. Я ведь ясно вижу рядом с ней мужчину. Кто это? Ведь он что-то значит для нее. Я не могу так ошибаться!

— Просто сейчас она очень много думает о нем, и он о ней — иногда. Они, и, правда, будто созданы друг для друга...

Младший, встрепенувшись, чуть не слетел с крыши.

— Так что же мы здесь сидим?! Давай запутаем ему дорогу, приведем сюда! Да шевелись же ты! Летим!

— О, сколько пыла! Милый друг, да, они созданы друг для друга, но, поверь мне, мужчина, которого ты видишь рядом с нашей прелестной дамочкой, ничего не может в жизни делать, кроме как работать. А ведь любить женщину — это требует и времени, и сил, душевных и физических. Да и много чего другого. А смысл всей его жизни — служение РАБОТЕ! Если не веришь, полетели, увидишь сам.

Юра же в это самое время, откинувшись на мягкую спинку сиденья своего автомобиля, смотрел на заснеженные деревья, мелькающие за стеклом, и тщетно пытался «отключиться» от только что проведенных, невыносимо тяжелых, и, главное, безрезультатных переговоров. Отдохнуть бы... Но не получалось никак. Снег снаружи становился все плотнее. «Как похоже на белые крылья, — неожиданно подумал Юра и тут же возмутился: — Какие крылья? Что за глупости?..» Неожиданно он улыбнулся и прошептал: «Лара...»

Тогда, двадцать лет назад, Юра и сам был удивлен чувству, возникшему при первой встрече с Ларой. Оно возникло с первого взгляда и никак не уходило. Признающий в бизнесе только те правила, которые были удобны ему самому, в вопросах личных Юра был на удивление старомоден, поэтому никогда не пытался ухаживать за Ларой. Изменять своей жене с женою друга — низость, недостойная их обоих. Да и не поняла бы его Лара, стала бы презирать... Одно время у него, как сейчас говорят, совсем «крышу снесло», только и думал о ней. Потом прошло вроде, даже злился на себя и на Лару, конечно, тоже. А после случайной встречи в офисе снова накатило... «Уже почти два года Ларочка живет одна. Повернуть бы машину, и к ней...» Снег за окном становился все гуще... «Эх, Лара! Бросить бы все, помчаться на другой конец Москвы, к тебе. Наверное, если бы ты была со мной, то и крылья белые я смог бы увидеть, и иные чудеса». Но в то, что это и впрямь были крылья, а не снег, Юра никогда бы не поверил. Ни при каких обстоятельствах, даже самых фантастических, такого быть не могло!

А обладатели этих самых крыльев неслись вместе с его машиной по темному шоссе, и младший все пытался разглядеть через затемненные стекла мужчину, что виделся ему рядом с милой женщиной, охраняемой

его наставником. Мужчина ему не очень нравился. Полноватый, даже крупный, лет пятидесяти, лицо усталое, очки снял, положил рядом на сиденье, волосы светло-русые, уже седесть начали... Что она в нем нашла? Так, посмотрим мысли... О! Ужас! Лары в них почти не было... Все мужики какие-то орут, лаборатории, цеха... Опять орут! Младший ангел взвился в небо, тут же стремительно спикировал вниз, к машине, приник к окну и стал путать, путать мысли... Мужчина вдруг улыбнулся, и его усталые глаза засветились нежностью. «Лара, Ларочка... Уже в 7.30 завтра начальники цехов придут, я им назначил. Совещание с заместителями в 8.00. Накопилось многое, решать надо. А в 9.00... Да что там мечтать...» Юра отвернулся от окна и, кажется, задремал. Машина неслась в Наукоград.

— Почему он не поехал к ней?! Ведь хотел же, так улыбался... Этого не может быть!

— Не переживай так. Ты просто не знаешь еще, что люди часто проходят мимо друг друга, даже не подозревая, что прошли мимо своей половинки. А знаешь, чем чаще всего заканчиваются прекрасные начинания? Не триумфом, не катастрофой, а просто ничем. Так уж устроена жизнь у людей. Мы их охраняем, но не имеем права навязывать жизненный путь. Его они выбирают только сами.

— Но я не согласен! Нет! — закричал младший ангел. И спросил, уже тихо: — И что, они больше никогда не встретятся?

— Ну, почему же, встретятся несколько раз, ведь работают же вместе. Мир тесен.

— Это не то! Это совсем, совсем не то!!

— Ну, хорошо. Я не хотел, но все же расскажу тебе еще немного. Просто герои наши, они особо тонкого душевного устройства, как ты, наверное, успел заметить. Слушай. Тебе уже известно, что через несколько лет жизнь нашей очаровательной дамы коренным образом изменится. У нее появятся новые знакомые, дела... Но очень редко, только один-единственный день в году, где бы она ни была, в какой стране, на каком континенте, именно в этот день, незадолго до новогодних праздников, она обязательно будет ужинать одна, и при свечах. Такая вот у нее появится традиция. А мужчина, которого ты видел в машине, будет по-прежнему много работать и... стареть... Империя жива, пока жив император. Но иногда он будет заезжать в один маленький ресторанчик в центре города, заказывать только один определенный столик и долго смотреть на пламя свечей, порою даже не притрагиваясь к еде. О чем его мысли или о ком? Никто и никогда этого не узнает... □

МИОМЫ

История эта произошла на Карловом мосту в Праге.

Обгоняет нас с товарищем высокая красивая девушка с необыкновенно прекрасной фигурой. Все в обтяжку. Красота неопишущая! Глаз и... вообще радуются.

— Посмотри, — говорю другу. — Хотя бы из чисто эстетических соображений. Какая стройная фигура! Оцени с помощью математики идеальность круглых форм.

А он мне в ответ:

— Не могу смотреть на женщин. Потерял всякий интерес.

— А «Виагру», — спрашиваю, — пробовал? Только водой надо запить и подождать полчаса...

— Нет, — отвечает друг, — не в этом дело. После просмотра передач российского телевидения про здоровье я теперь всех женщин вижу как бы без белья — как на рентгене все их устройство, даже спайки...

Откровенно сказать, я ему даже позавидовал. Я-то только мысленно дорисовывал...

Дома с нетерпением включил ТВ и стал ждать передачу о здоровье. И тут как раз тема подвернулась, ну, как вам сказать... пикантная. Вынесли на сцену огромного размера ... в общем, как женщина устроена. После подробных объяснений сказали: все женские болезни в основном от воздержания! Но вылечить можно. И рассказали, как именно. А чтобы совсем понятно было, раскидали в розовых фаллопиевых трубах макета с десятка черных мохнатых подушечек. И спрашивают далее: «Кто хочет быть добровольцем?»

Публика мнется, никак не решается, наконец, двое мужчин все же отважились: один дедуля престарелый и подросток старшего пионерского возраста. Подросток, естественно, опередил дедулю.

А ведущая программы ему и говорит: ступайте обследовать фаллопиевы трубы, соберите все миомы-подушечки и мне принесите.

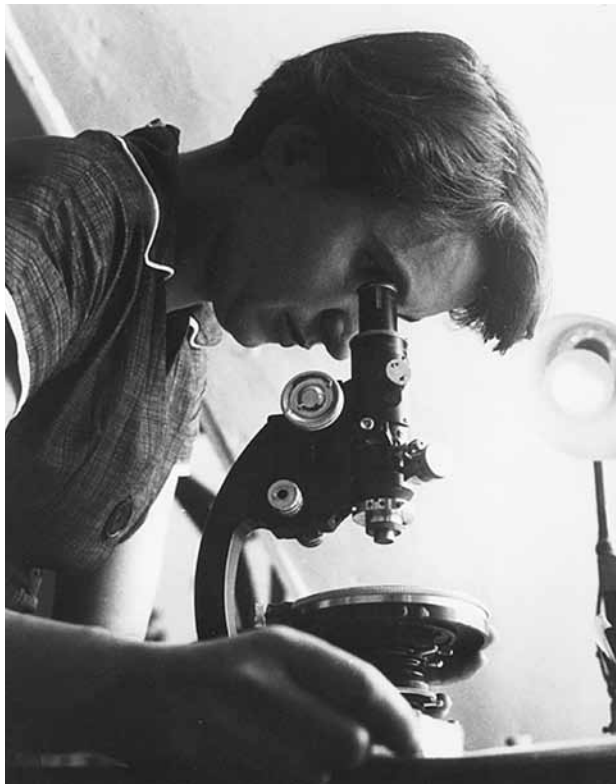
Долго он там бродил — то ли заблудился, то ли еще что...

Наконец вышел из... стесняюсь сказать, откуда, но, в общем, вы поняли... Принес охапку миом.

А ведущая и говорит: «... ..»

...Нет. Дальше писать я не могу... Стесняюсь сильно... □

Игорь
Опарин



Леди ДНК

Женщинам, решившим посвятить себя науке, всегда приходилось доказывать мужчинам, что они, женщины, тоже что-то могут, и что мозги их устроены не хуже, чем у мужчин, а порой и лучше. С мужским шовинизмом сталкивались многие представительницы прекрасного пола. К при-

меру, мадам дю Шатле, подруга Вольтера, написав диссертацию «О природе и распространении пламени», не получила премию Французской академии, двери этого почтенного учреждения были закрыты для прекрасной половины человечества еще более ста лет.

И, казалось бы, уж кто более заслуживал признания, чем Мария Склодовская–Кюри, за свои открытия радия и радиоактивности, но и ей не удалось стать членом Академии — вместо нее выбрали чистокровного француза и посредственного ученого Эдуарда Бранли.

Такая же участь постигла и другую невероятно талантливую женщину — Розалинд Франклин, сыгравшую важнейшую роль в открытии строения ДНК, и при этом почти полностью заслоненную в общественной памяти своими коллегами-мужчинами...



Розалинд Франклин родилась в Лондоне, 25 июля 1920 года. Ее отец, весьма успешный банкир Эллис Артур Франклин, пользовался большим авторитетом в лондонском финансовом мире, а мать, Мюриэль Фрэнсис Уэйли, вполне соответствовала по духу своему умному, ироничному супругу. В их

большой сплоченной семье росло пятеро детей — Розалинд была вторым ребенком и старшей дочерью. Клан Франклинов играл большую роль в британских политических кругах и по праву гордился своими выдающимися представителями. Дядя отца Розалинд, Герберт Самуэль, в 1916 году занимал пост мини-

стра внутренних дел и стал первым Верховным комиссаром Великобритании в подмандатной Палестине. Тетя Розалинд, Хелен Кэролин Франклин, была замужем за Норманом де Маттос Бентвичем, генеральным прокурором Великобритании в Палестине. Сама же леди Хелен, активный член профсоюзной организации, боролась за предоставление женщинам равно с мужчинами избирательного права, а позднее стала членом Совета Лондонского графства. Отец Розалинд преподавал по вечерам в колледже для рабочих электричество, магнетизм и историю Первой мировой войны, а потом стал заместителем директора колледжа... Наверное, он много и увлекательно рассказывал о науке и своим детям, недаром Розалинд со школьных лет полюбила точные науки. Вот в такой семье, где

главным считалось служение родине, просвещение и гуманитарные ценности, росла будущая ученая, участвовавшая в открытии ДНК...

Франклины-старшие понимали, как важно дать хорошее образование своим отпрыскам, а потому маленькую Розалинд отправили учиться в престижную школу Святого Павла — учебное заведение для юных аристократок. Это была удивительная школа, совсем непохожая на большинство тогдашних школ для девочек. Тут акцент делался не на рисование, музыку и домоводство, а на науки, причем преподавали их не простые учителя, а настоящие профессионалы, умевшие увлечь своим предметом даже самые ленивые умы. Окончив эту школу, Розалинд поступила в другое элитное заведение — лондонскую Коллегиальную школу. Там она проявила способно-



Фрэнсис Крик



Джеймс Уотсон



Морис Уилкинс

сти в латыни, спорте и естественных науках. И там же поняла — больше всего в жизни ей интересны физика и химия, ведь они дают возможность понять, как устроен мир...

В 1938 году она поступила в Ньунхем-колледж в Кембридже, который закончила в 1941 году с отличным дипломом, но — без академической степени. В те времена девушкам ее не присуждали, несмотря даже на то, что многие выпускницы были частенько достойны степени гораздо больше, чем многие выпускники.

1941 год. Мир был охвачен самой страшной войной в истории человечества, и Розалинд, достойная дочь своих родителей, считала, что ее долг — сделать что-то на благо родины. Одной из самых важных проблем и тогда была проблема топлива. И Розалинд поступила на работу в Британскую исследовательскую ассоциацию по использованию угля в Кингстоне-на-Темзе. Она с увлечением изучала, под руководством будущего нобелевского лауреата Р.Г.В. Норриша, пористую структуру угля. Ее исследования в дальнейшем помогли при создании высокопрочного углеродного волокна, а кроме того, легли в основу ее диссертации: «Физическая химия твердых органических коллоидов на примере угля и связанных с ним материалов».

На конференции осенью 1946 года Адриенна Уэйл, одна из кембриджских учителей Розалинд, представила ее Марселю Матье, дирек-



Розалинд Франклин

тору парижского Национального Центра научных исследований, и тот помог Розалинд получить место в лаборатории Жака Меринга в парижской центральной химической лаборатории.

То были первые послевоенные годы. Париж, несмотря на разруху и всяческие лишения, изо всех сил старался забыть войну. Юная, очаровательная, темноволосая и темноглазая Розалинд, хотя и немного по-английски замкнутая, быстро расцвела в обществе галантных французов, стремившихся возместить все радости бытия, что были упущены за

годы войны. Получая щедрые субсидии от родителей, она могла не отказывать себе в радостях жизни: увлекалась плаванием в бассейне, каталась на горных лыжах, посещала показы мод, тщательно выбирала туалеты, осваивала кулинарное искусство и устраивала вечеринки, на которых демонстрировала свои успехи. И, конечно же, много и плодотворно работала.

Меринг занимался рентгеновской кристаллографией. Именно он научил Розалинд, как исследовать структуру кристаллических и аморфных веществ с помощью рентгенов-



ского излучения — вместе они изучали углерод в его различных модификациях.

В январе 1951 года Розалинд вернулась в Лондон. Хорошо известный в научных кругах Джон Рэндолл пригласил ее в Кингз-колледж, где под его руководством пара молодых ученых — Морис Уилкинс и студент Раймонд Гослинг — уже занималась исследованием структуры ДНК.

Бренда Мэддокс, автор биографии Франклин, пишет, что Розалинд

довольно трудно приспособилась к чопорному Лондону после вольной атмосферы Парижа.

Лондон того времени был, по выражению Мэддокс, «городом работающих мужчин, игроков в шары, мужских клубов и мужских портных».

И университеты тоже были миром сугубо мужским, немногочисленные женщины, работавшие там, не имели никаких условий для исследований. Ученые дамы ютились в убогих каморках, зато мужчины даже утренний кофе вкушали в просторных залах, а после работы шли обсуждать полученные результаты в пивные, куда

женщинам ходить считалось крайне неприлично.

И вот в этот мужской мир ворвалась «парижская штучка», привыкшая к совершенно иной жизни и иным отношениям. Восхищение, которое окружало умную и хорошенькую Розалинд в Париже, независимость, которой она там пользовалась, — все это вмиг осталось в прошлом. Дело усугублялось еще и тем, что ее не представили как самостоятельного исследователя! Рэндолл,

чрезвычайно занятый и озабоченный множеством дел, забыл это сделать, и Уилкинс решил, что она будет ему подчиняться, а Розалинд считала, что именно она — главный человек в группе. Из-за этого недо-разумения отношения их сразу же не сложились.

В те годы в исследованиях ДНК шло в некотором роде соревнование: одновременно в этой области работали две группы: одна — под руководством Рэндолла, а вторая, в Кембридже, — под руководством Фрэнсиса Крика и Джеймса Уотсона. И каждая группа стремилась к победе.

Розалинд всегда внимательно и нежно относилась к своим родственникам, но, насколько известно, в ее жизни не было увлечений, романтических отношений, романов. При желании она могла бы стать потрясающей красавицей, покорительницей мужских сердец, но это было ей совершенно не нужно. В ее сердце жила лишь одна страсть — наука. Розалинд мечтала быть выдающимся ученым, а не светской львицей, женой и матерью.

Не отличалась она и приятным характером, порой ей очень не хватало мудрости и терпимости. Все знавшие ее говорили, что она совершенно не выносила глупцов. Трагедией и для нее, и для Мориса Уилкинса стало то, что как раз его она считала серой посредственностью.

Острая, ироничная, уверенная в себе, вспыльчивая, резкая, Розалинд ужасно раздражала коллег-

мужчин, которые не очень-то верили, что в ее темноволосой головке могут рождаться здравые идеи, и что она вообще на что-то способна — в плане науки, разумеется... Розалинд попытались завалить лаборантской, нудной, неинтересной работой, она, конечно же, всячески сопротивлялась, злилась — и вполне справедливо. Открытый конфликт между ней и Уилкинсом начался весной 1951 года, сразу после того, как Уилкинс провел в Кембридже семинар, на котором рассказал о том, как они с Гослингом изучают ДНК с применением рентгеновской дифракции. Прослушав его доклад, Розалинд пришла в ярость. Она подошла к Уилкинсу и в резких выражениях заявила, что рентгеновским исследованием ДНК занимается она и ассистирующий ей студент, Гослинг, а вовсе не он, и приказала ему вернуться к изучению ДНК под ультрафиолетовым микроскопом.

Услышав этот категорический приказ, исходивший от новоиспеченной научной сотрудницы, которая, казалось бы, пришла, чтобы помогать ему или, по крайней мере, сотрудничать с ним, Уилкинс, по его собственным словам, просто оторопел, ведь он был не только старше Франклин по возрасту, но и занимал пост заместителя директора всего отдела биофизики!

Однажды Рэндолл все-таки прояснил ситуацию в их группе, но отношения уже были безвозвратно испорчены. Уилкинс и его сотруд-

ники неоднократно жаловались на высокомерие Розалинд, говорили, что вокруг мисс Франклин всегда «холодная аура превосходства». Кстати, у Розалинд были все основания чувствовать себя если не умнее, то, по крайней мере, не глупее своих коллег. А еще она была страшно одинока. Если ее сотрудники после работы могли пойти в паб выпить пивка и поговорить о последних результатах, Розалинд всего этого была лишена. Ее-то никто никогда не приглашал посидеть за кружкой пива и обсудить планы завтрашнего эксперимента или просто поговорить «за жизнь»...

Конечно, ее это обижало, но она не впадала в отчаяние, ведь все это так не важно по сравнению с их главной задачей — разгадать тайну жизни, понять, как же все-таки устроена эта ДНК, несущая в себе всю наследственную информацию.

У колледжа были деньги, и, по настоянию Розалинд, Рэндолл приобрел уникальную рентгеновскую установку, на которой она стала получать великолепные дифрактограммы. Как-то Уилкинс, человек в целом мягкий и деликатный, спросил Розалинд, как ей удается получать такие замечательные снимки, она же, вспомнив, как он совсем недавно посылал ее мыть химические колбы, ответила ему что-то довольно резкое. Теперь уже навсегда обиженный Уилкинс более не пытался с ней сблизиться. Зато он дружил с Уотсоном и именно с

ним обсуждал все результаты, полученные в их группе.

Узнав, что в ноябре 1951 года Франклин должна выступить с докладом о своих рентгеновских исследованиях ДНК, Уотсон спросил Уилкинса, можно ли присутствовать на заседании. Уилкинс заверил его, что тот будет желанным гостем.

Уотсон действительно пришел на доклад, но ничего не записывал, и поэтому неправильно запомнил рассчитанные Франклин показатели содержания воды в молекуле ДНК. Опираясь на то, что ему удалось запомнить, и, не принимая во внимание принципиально важные данные о соотношении пуринов и пиримидинов, уже опубликованные Эрвином Чаргаффом, Крик и Уотсон спешно построили предполагаемую модель молекулы ДНК и с гордостью продемонстрировали свое детище — шедевр, якобы достойный Нобелевской премии. Розалинд потребовалось всего несколько минут, чтобы заявить: вы, ребята, построили какую-то ерунду. Позора можно было бы избежать, если бы Уотсон правильно запомнил содержание воды в молекуле. И конечно же, объясняя ошибки модели, Франклин не стеснялась в выражениях и нисколько не щадила самолюбие ее создателей.

Уже было ясно, что ДНК существует в двух формах — кристаллической (А) и гидратированной (В). Розалинд получила прекрасную дифрактограмму гидратированной формы, на кото-



рой ясно прочитывалась спиральная структура ДНК (эта картинка вошла в историю науки как «Фотография 51»), а вот получить дифрактограмму кристаллической формы, на которой читалась бы спираль, все никак не удавалось, и Розалинд не спешила опубликовать результаты.

Примерно через три месяца после того, как была сделана фотография, она разослала сотрудникам отдела биофизики открытки с жирной черной рамкой. Надпись на открытках гласила:

С большим прискорбием сообщаем о смерти СПИРАЛИ ДНК (кристаллической), последовавшей в пятницу, 18 июня 1952 года... Наде-

емся, что д-р М.Х.Ф. Уилкинс произнесет надгробное слово в память о покойной СПИРАЛИ.

Сочиняя этот жесткий текст, Франклин все же указала, что спиральной структурой не обладала именно кристаллическая, А-форма ДНК. Ведь Розалинд уже знала, что В-форма, безусловно, имела спиральную структуру.

В конце 1952 года Рэндолл все-таки решил установить мир в своей лаборатории. Он предложил Франклин уйти и передать все полученные ею результаты Уилкинсу. Она нехотя подчинилась. Лишь тогда Уилкинс увидел «Фотографию № 51», безого-

ворочно подтверждавшую существование спирали. Он был потрясен — ведь если бы Франклин была добрее и показала ему фотографию полгода назад, они вдвоем уже разгадали бы загадку структуры ДНК! (Правда, говорили, что Уилкинс еще раньше просто выкрал у Розалинд ее результаты и передал Уотсону и Крику).

Так или иначе, в январе 1953 года Уилкинс показал «Фотографию № 51» Уотсону. Увидев спираль на фотографии, Уотсон сразу же все понял («Во мне что-то словно щелкнуло!» — позже вспоминал он) и вместе с Криком быстро создал модель молекулы ДНК.

Д. Уотсон, Р. Франклин, М. Уилкинс

Именно тогда Крик получил от Уилкинса письмо следующего содержания:

Мой милый Фрэнсис!

Спасибо за письмо по полипептидам. Думаю, тебе будет интересно узнать, что наша темная леди (т.е. Розалинд Франклин) на следующей неделе оставляет нас, и значительная часть трехмерных данных уже находится в наших руках. Теперь я свободен от других обязательств и начал генеральное наступление на тайные оборонительные сооружения Природы по всем фронтам: с применением моделей, теоретической химии и интерпретации данных, кристаллографических и сравнитель-



ных. Наконец-то палубы свободны и мы все можем откачивать воду!

Осталось недолго.

Всем привет.

Неизменно твоей, М.

Незадолго до этого Уилкинс получил текст статьи Крика и Уотсона, которую они собирались послать в журнал «Nature». Прочитав статью, Уилкинс отправил Крику письмо, начинавшееся так: «Думаю, вы оба — мошенники, но в вас что-то есть». Там же он предложил, чтобы его группа, а также Франклин и Гослинг, тоже написали статьи, которые могли бы быть напечатаны вместе со статьей Уотсона и Крика. Он закон-

Но статья Уотсона и Крика была напечатана первой, что позволило Уотсону и Крику называть две другие работы «последующими публикациями». Так и получилось, что приоритет открытия достался Уотсону и Крику.

Понятное дело, Розалинд было тяжело работать в Кингз-колледже, и, по предложению Рэндолла, она перешла в колледж Биркбек, где занялась исследованиями вируса табачной мозаики. Здесь все складывалось хорошо — у нее была собственная группа, которой она руководила и которой сама ставила задачи. Ее директором был выдающийся ученый Дж. Бернал, кстати, известный ирландский коммунист. Он без



чил письмо фразой: «Как предатель предателю — удачи!»

Статья Уотсона и Крика о ДНК поступила в журнал третьего апреля 1953 года, в тот же самый день, что и еще две статьи на ту же тему — авторами одной были Уилкинс, Стоукс и Уилсон, авторами второй — Франклин и Гослинг. Двадцать пятого апреля все три статьи появились в журнале под общим заголовком «Молекулярная структура нуклеиновых кислот».

предубеждений относился к ученым дамам, и с ним Розалинд было спокойно и надежно. Она знала — он ее в обиду не даст.

Позже Розалинд и ее сотрудники занялись исследованием РНК, не менее важной молекулой, чем ДНК. Оказалось, что многие вирусы представляют собой именно молекулу РНК в белковой оболочке. Розалинд и ее коллеги внесли большой вклад в вирусологию.

Казалось бы, обиды в прошлом, она работает, и рядом с ней — умные, талантливые люди. Но... Летом 1956 года во время командировки в США Розалинд впервые почувствовала нелады со здоровьем. Застегивая юбку, она вдруг обнаружила большую опухоль внизу живота. Приговор врачей был неутешителен. Рак! В том же году ей сделали операцию, но процесс остановить не удалось. Страшная болезнь постепенно и неуклонно отбирала у нее жизнь. Но Розалинд, посвятив столько лет и сил науке, свято верила, что ученые обязательно, и очень скоро, придумают новое лекарство, которое ее непременно спасет. Дружный клан Франклинов окружил Розалинд заботой. Она поселилась в доме брата — жить в родительском доме и видеть, как страдает мать, было невыносимо. А вот племянницы и племянники развлекали свою любимую тетку и поднимали настроение.

Будучи уже тяжело больной, Розалинд продолжала работать и руководить своей группой. Результаты потрясающие — 7 опубликованных работ в 1956-м и 6 в 1957 годах! Активность группы была отмечена и в 1957 году, ученые получили дополнительные субсидии от Министерства здравоохранения США на исследования вируса полиомиелита.

Розалинд изо всех сил старалась трудиться, игнорируя болезнь. Но... 30 марта 1958 года ее состояние

резко ухудшилось, и 16 апреля она скончалась. Ей было всего 37 лет! Читая заключение врача о причине смерти — бронхопневмония, вторичный канцероматоз и карцинома яичника, — можно только диву даваться, как эта женщина могла столь долго и столь продуктивно работать! И кто знает, возможно, именно ее работа, связанная с рентгеновским облучением, привела ее к столь скорому концу...

В 1962 году Крик, Уотсон и Уилкинс получили Нобелевскую премию за открытие структуры ДНК. Если бы в 1958 году Розалинд Франклин не умерла от рака, премию, скорее всего, присудили бы и ей. Но эту награду, самую престижную в мире науки, не вручают посмертно и не делят более чем между тремя лауреатами. Однажды в интервью Крик открыто признал, что в 1953 году они с Уотсоном не смогли бы построить модель ДНК без результатов, полученных Франклин, а когда спросили Уотсона, кто стал бы лауреатом Нобелевской премии, если бы Франклин дожила до 1962 года, он без колебаний ответил: «Крик, я и Розалинд Франклин».

На мраморном саркофаге с гробом Розалинд Франклин когда-то яркие бронзовые буквы уже потускнели, но при желании все-таки можно прочесть:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
РОЗАЛИНД ЭЛСИ ФРАНКЛИН
ГОРЯЧАЯ ДАЧЬ
СТАРШАЯ ДАЧЬ
ЭЛЛИСА И МЮРИЭЛЬ
ФРАНКЛИН.
25 ИЮЛЯ 1920 — 18 АПРЕЛЯ 1958.
УЧЕНЫЙ.
ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ
ВИРУСОВ ПРИНЕСЛИ
ОГРОМНУЮ
ПОЛЬЗУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Вклад Розалинд Франклин в выдающееся достижение биологии XX века — открытие структуры ДНК — не был признан даже после ее смерти. Однако ей воздали должное за то, что было для нее самым важным — за ее жизнь в науке. □

DNA: Franklin, Crick & Watson
1953





Ричард Смит

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ

НА УЭСТ-РИДЖ-РОУД

— Да... прихватчу что-нибудь по дороге домой.

Разговаривая по мобильному телефону, я, не отрываясь, смотрю на красные габаритные огни проезжающих мимо машин. В это утро движение просто ужасное. К 9.30 мне нужно попасть на деловую встречу, однако, судя по сложившейся обстановке, этому не суждено свершиться. Ремонт шоссе, и этим все сказано.

Моей подруге хочется обсудить меню сегодняшнего ужина, но, честно говоря, я слушаю ее невнимательно. Куда больше меня интересует, каким образом вовремя добраться до офиса.

— Может быть, мне заpastись пончиками?.. Не стоит?.. Тогда возьму французский багет.

Из-за ремонтных работ шоссе впереди сужается до размеров одной полосы, и машины проезжают по очереди, группами, а движение регулирует временный светофор. По идее, я должен проскочить в составе следующей партии: моя «тойота» стоит второй в начале очереди.

— Ну сколько можно?.. Нет, это я не тебе, а светофору.

Встречное движение замирает. Теперь уже осталось недолго. Я бросаю взгляд на часы на приборной панели: 09:22.

Люси спрашивает, как насчет пары бутылок вина.

— Я не против — выбор за тобой.

Двое дорожных рабочих хозяйничают за красно-белым барьером: один крушит отбойным молотком асфальтовое покрытие, другой ему помогает. Наверное, приятная работенка. Никаких стрессов, никакой спешки, всегда на свежем воздухе... Левая сторона шоссе свободна от транспорта, но на светофоре по-прежнему горит красный сигнал. Ничего, скоро наша очередь.

09:23. Ну, давай же!

— Как скажешь... Да, отлично... Послушай, Люси — мне скоро ехать... Да, это будет замечательно... Нет, не забуду.

Нас обгоняет коренастый темноволосый мужчина лет сорока с очень бледной кожей. У него весьма потрепанный вид, будто он ночевал на скамейке или где-нибудь под мостом. Я замечаю его, поскольку он — единственный пешеход. Вся обочина забита дорожной техникой, и мужчина вынужден идти прямо по проезжей полосе, но, похоже, его это совершенно не тревожит, ибо, судя по торопливой походке, он явно куда-то спешит.

Внезапно с боковой дороги на бешеной скорости выскакивает старенький «камаро» и, вырулив на шоссе, несется прямо на пешехода. У него на лице появляется удивленная гримаса, и он застывает на месте. А еще через пару секунд передний бампер машины подбрасывает его в воздух.

— О, Господи!

«Камаро» резко тормозит, и тело несчастного, соскользнув с капота, словно тряпичная кукла, несколько раз беспорядочно перекувыркнувшись, врезается в каменную ограду на противоположной стороне шоссе и застывает на асфальте.

— Какой кошмар! Только что у меня на глазах машина сбила человека. Слушай, мне надо бежать. Я тебе перезвоню.

Я даю отбой и расстегиваю ремень безопасности. В прошлом году наше начальство специально записало нас на курсы по оказанию первой помощи, так что я знаю, как быть в подобной ситуации.

— Черт возьми! — бормочу я. — Ну и ну...

Пробегая мимо впереди стоящей машины, кричу водителю, так и застывшему за рулем:

— Вызовите «скорую»!

Мой телефон остался в «тойоте» (а ключи — в замке зажигания), но возвращаться за ним некогда.

«Камаро», сбивший человека, стоит посреди дороги. За рулем сидит женщина и смотрит прямо перед собой сквозь ветровое стекло. Как же так вышло, что она его не заметила? Впрочем, сейчас не до вопросов. Главное — оказать помощь пострадавшему.

Не знаю, чем уж я смогу ему помочь, но присаживаюсь перед ним на корточки, пытаюсь вспомнить, с чего начать. Его шея неестественно вывернута, а между головой и каменной стенкой медленно расплывается лужа крови.

— Эй, вы меня слышите?

Я пытаюсь нащупать его пульс, но... Плохо дело!

Я стискиваю руль с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Сердце стучит, как бешеное, и я дышу, судорожно втягивая в себя воздух. Такое ощущение, будто кто-то мягко колотит мне по вискам маленькими резиновыми молоточками.

Сквозь паутину трещин на ветровом стекле я в упор смотрю на тело сбитого мной человека, и во мне бушует целое море эмоций: шок, страх, смутное чувство паники, но, в первую очередь, — восторг, или, по крайней мере, чувство злобного удовлетворения.

Однако постепенно злоба вытекает из меня, словно грязная вода, уходящая в сливное отверстие, оставляя лишь невыразимую усталость и безропотную покорность своей будущей участи.

Все кончено.

Должно быть, самой судьбе было угодно, чтобы наши пути пересеклись вновь. Незадолго до этого он куда-то исчез, поскольку не попался мне на глаза целую неделю, а то и дольше. Несколько дней подряд я рыскала по всему городу, а сегодня утром решила съездить к его дому — просто так, на всякий случай. Увы, меня ждало разочарование. И вот сейчас, когда я, утратив последнюю надежду, уныло возвращалась домой, совершенно неожиданно заметила его — прямо перед собой, как ни в чем не бывало шагающего по Уэст-Ридж-роуд!

Надеюсь, он мертв. Прежде чем сбить его, я разогналась до сорока миль в час, не меньше, так что навряд ли он выжил. Мне отчаянно хочется в этом убедиться, но я боюсь к нему приближаться, поэтому продолжаю сидеть в машине и ждать... не сводя с него глаз. Вдруг удастся заметить что-нибудь... подозрительное? Я должна быть уверена до конца.

Если его не смогла остановить полиция, значит, это должен был сделать кто-нибудь другой. Они считают меня сумасшедшей, теткой «с приветом», свихнувшейся от перенесенных страданий. Конечно, они будут допытываться, зачем я это сделала, и тогда придется пересказывать им все в очередной раз. Я знаю, что им ничего не стоит посадить меня в тюрьму или в психушку, но мне все равно — я с самого начала отдавала себе отчет о возможных последствиях.

— Чтоб ты сгорел в аду, мерзкий подонок! — шепчу я и, наконец, у меня на глазах выступают слезы облегчения.

Поскольку день выдался пасмурный, и солнце спряталось за густыми облаками, я решаюсь идти пешком. Даже не помню, когда я в последний раз выходил на солнечный свет, так как лучи этого ненавистного раскаленного огненного шара причиняют моей коже невыносимую боль.

Я возвращаюсь в дом Куинна после продолжительной отлучки, ибо мои отчаянные поиски пищи завершились успехом лишь прошлой ночью. Это оказался городской пьянчуга, решивший заночевать под мостом. Теперь его останки покоятся на дне реки.

Я устал, и мне позарез нужен отдых. Голова раскалывается от боли, все плывет перед глазами, сосредоточиться невозможно...

От железнодорожной станции до дома всего две мили по отличному шоссе, но вскоре я натыкаюсь на огромное скопище машин — настоящую автомобильную «пробку». Рабочие уже взломали отбойными молотками дорожное покрытие на обочине, поэтому мне приходится шагать прямо по проезжей части. Я не обращаю ни на кого внимания. Неожиданно справа от меня — там, где расположен выезд с боковой дороги — на шоссе, оглушительно ревя мотором, вылетает машина. Я продолжаю идти — ведь по правилам водитель обязан пропустить пешехода, однако этот почему-то не останавливается.

Все происходит слишком быстро. Так и не успев решить, то ли рвануться вперед, то ли отскочить назад, я тупо застываю на месте, но машина не тормозит, а, наоборот, увеличивает скорость. Я смотрю на лицо сидящей за рулем женщины и вспоминаю, что когда-то мы с ней виделись, чуть ли не целую жизнь назад. На мгновение наши глаза встречаются, а затем передний бампер таранит меня в правую ногу, подбрасывая мое тело в воздух, и я ударяюсь головой о ветровое стекло. Меня отшвыривает назад, и я, соскользнув с капота, качусь по дороге, чувствуя, как трещат кости черепа и ломаются ребра. Когда я с разгона врезаюсь затылком в каменное ограждение, раздается громкий хруст позвонков, и моя шея изгибается под причудливым углом.

Машина останавливается, и вокруг наступает тишина. Взглянув на небо, вижу там солнце, от которого всегда пытался спрятаться... и умираю.

Я перестаю ощущать ход времени. Ко мне подбегает какой-то молодой человек и о чем-то спрашивает, но я не в состоянии ему ответить. Слишком поздно.

Он пытается нащупать мой пульс, но пульс отсутствует. Этот парень уже ничем не может мне помочь.

Раньше мне никогда не приходилось иметь дела с покойниками. Заглядываю ему в глаза, но они пусты, как две ледышки. Очень хочется чем-нибудь его накрыть, но я решаю дожидаться прибытия медиков. Пусть убедятся окончательно.

Оглядываясь по сторонам, вижу водителя, которого я просил вызвать «скорую». Он стоит возле своей машины и возбужденно тараторит в трубку мобильного, машинально показывая пальцем на покойника. Рабочие, побросав инструменты, бегут к нам. Откуда-то из «хвоста» автоколонны доносятся нетерпеливые гудки.

Невероятно! Только что погиб человек, а их больше беспокоит непредвиденная задержка.

Меня колотит мелкой дрожью. Надо что-то срочно предпринять, взять себя в руки. Поговорить с хозяйкой «камаро», выяснить, все ли с ней в порядке. Один из рабочих подходит к сбитому пешеходу.

— Не трогайте его, — предупреждаю я, — просто побудьте рядом.

Он кивает, хотя, по-моему, считает его покойником, а его напарник идет за мной следом к машине. Женщина по-прежнему сидит, вцепившись в руль и глядя на свою жертву.

— Как вы себя чувствуете? — спрашиваю я.

У нее покрасневшее, залитое слезами лицо, и безвольно потухшие глаза.

— Оставьте меня в покое, — всхлипывает она, не сводя взгляда от застывшего на асфальте тела.

— «Скорая» уже выехала, — пытаюсь я ее утешить.

— Он мертв?

— Во всяком случае, досталось ему изрядно.

— Надеюсь, он мертв, — тихо произносит она. — Он убил мою дочь.

Я даже не представляю, что на это сказать. Неужели она сбила этого бродягу нарочно?

Рабочий делает шаг назад.

— Не волнуйся, дорогуша, все будет о'кей, — покровительственно басит он, а затем, покосившись на меня, шепчет: — У нее револьвер на пассажирском сиденье. — И начинает тихонько пятиться, таща меня за собой.

— Вы не знаете, что он натворил! — кричит нам вслед женщина. — Он заслужил смерти! Это не человек, а чудовище!

Она всхлипывает вновь, и мне кажется, что сейчас за этим последует целое море слез, но ей удается сдержаться. После чего хозяйка «камаро»

словно забывает о нашем существовании и продолжает наблюдать за неподвижным телом.

Мертвое тело Куинна — моя безжизненная оболочка. Я — ничто. Солнце постепенно поджаривает меня, своими смертельными лучами высасывая силу. Оно старается завладеть мной, и я отчаянно нуждаюсь в убежище.

Я вижу вещи такими, каковы они есть на самом деле. Слишком много света. В этом мире все связано между собой.

Насколько я помню, женщину в машине зовут Стелла. В прошлом году я убил ее дочь, а она как-то об этом узнала. Мне кажется, она способна видеть мою суть.

Тогда меня звали Бишоп, но, несмотря на то, что настоящий Бишоп умер в тюрьме, она так и не успокоилась. Продолжала следить за мной.

Я прикидываю, не захватить ли ее, но чувствую, что дух ее сломлен, и она так же бесполезна, как Куинн. Когда я проникаю в ее ауру, она вскидывает голову и смотрит на меня в упор. Да, я — ничто, но она меня видит!

Я собираю остатки энергии в комок, ибо времени — в обрез. Стелла не может причинить мне вреда, но солнце... Тело рабочего слишком изношено, но парень из машины вполне сгодится. Выбрав подходящую точку на его теле, я из последних сил наношу удар и чувствую, что проникаю в него. И вижу, как его вышвыривает из собственной оболочки — он, недоуменно выпучив глаза, корчится и подскакивает, словно рыба, выдернутая из воды.

А затем его душа, словно подхваченная ветром, начинает уплывать вдаль. Его утаскивает в сторону солнца — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Да, парня ждет долгое путешествие.

Его тело падает на землю, и я ощущаю внутренний толчок. Все. У меня появилась новая оболочка, а что станет с его душой... Какая разница?

Я перешептываюсь с дорожным рабочим, который утверждает, что «скорая» вот-вот прибудет вместе с полицией. Мы договариваемся, что, если женщина попытается сбежать или еще каким-то образом покинуть место происшествия, ее придется задержать силой.

Внезапно она выскакивает из машины. Я оборачиваюсь к ней и вижу искаженное от ужаса лицо. Заходясь в крике, она смотрит в пространство, указывая на нечто невидимое пальцем, пока он... не упирается в меня.

В тот же миг на меня накатывает темнота, а в голове взрывается фонтан нестерпимой боли. Я падаю.

И вижу ослепительный свет! Все вокруг испускает невыносимо яркие переливающиеся лучи. Я словно парю в воздухе, вижу место происшествия откуда-то сверху — даже себя самого, распластанного на асфальте.

Все предметы, ранее имевшие четкие очертания — деревья, дорога, машины, — неожиданно превращаются в размытые, истекающие золотистым светом силуэты.

Люди, машины, птицы на ветвях деревьев — все испускают ослепительное сияние, будто превратившись в неисчерпаемые источники энергии, подобные миниатюрным солнцам. Куда ни кинь взгляд, отовсюду брызжут истекающие золотом лучи, словно задавшиеся целью сплавить все в единое целое. Я чувствую, как эта убийственная солнечная энергия подхватывает меня и безжалостно втягивает в себя, чтобы положить мне конец.

Я прекрасно вижу, что происходит. У меня врожденный дар на такие вещи. Я всегда была способна видеть духов. Даже когда я была ребенком, мне довелось наблюдать, как моя бабуля отошла в мир иной. Ясное дело, нормальный человек на подобное не способен. Уходящая душа подобна темному облачку, похожему на предгрозовую тучу, поначалу почти невидимую, которая, извиваясь, зависает над телом усопшего, подобно корчащемуся в агонии, в невыносимых муках, клубу дыма, испускающему длинные колеблющиеся завитки. До чего же мерзкое зрелище! Я наблюдала это, стоя над умирающим Бишопом, а сейчас, оцепенев от ужаса, смотрю на Куинна, который, оставив свой медленно остывающий труп, плывет по воздуху прямо ко мне.

Он приближается неторопливо, но я бьюсь в истерику. Однако своей жертвой он выбирает не меня, а пришедшего на помощь молодого человека. Я вижу, как он умирает — как отчаянно сопротивляется его душа, но, не выдержав давления, покидает тело, которое падает на землю. Теперь это порождение тьмы, чудовище, завладело им и ожило вновь.

Но я знаю, что нужно сделать.

Я... Макс. Да, теперь я — Макс.

Я притоптываю ногами, расправляю плечи — в общем, примеряю его тело. И чувствую себя отлично.

Я завладел его мозгом, вижу его глазами, мысленно просматриваю его воспоминания, как свои собственные. Я ожил. А он умер.

— С вами все в порядке? — спрашивает один из рабочих.

Прежде чем я успеваю ответить, Стелла бросается на меня с револьвером, но он успевает схватить ее за руку. Я отпрыгиваю в сторону, а тем временем этот здоровяк с помощью своего товарища валит ее на асфальт.

Они считают меня сумасшедшей. Мне хочется вопить и визжать, но они навалились на меня всем скопом — так, что мое лицо буквально

вдавлено в асфальт, а руки завернуты за спину. Если бы они знали, как это больно!..

Я прекрасно отдаю себе отчет, что проиграла. Издалека доносится вой сирен. Разумеется, ни одна живая душа мне не поверит, и меня засадят за решетку — не сомневаюсь, что надолго.

Но я должна использовать свой последний шанс. Вскинув голову, я пытаюсь освободиться от их хватки, и мне остается лишь одно — кричать от невозможности остановить этот кошмар.

Я слышу крики этой женщины — Стеллы — у себя за спиной, пока возвращаюсь к машине Макса. Точнее, к своей машине. В этот момент начинает звонить его мобильный телефон. Судя на надписи на дисплее, это его подруга Люси. Впрочем, отныне — моя подруга.

Я отвечаю на звонок. Она спрашивает, что случилось.

— Типичный несчастный случай, — отвечаю я. — Какой-то пешеход попал под машину и скончался.

Я сосредотачиваюсь, и у меня перед глазами, как на карте, всплывает дорога к его дому.

— Не волнуйся, — ласково говорю я Люси. — Со мной все в порядке. Просто надо немного полежать, отдохнуть после такого потрясения. Я возвращаюсь домой... так что скоро увидимся. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

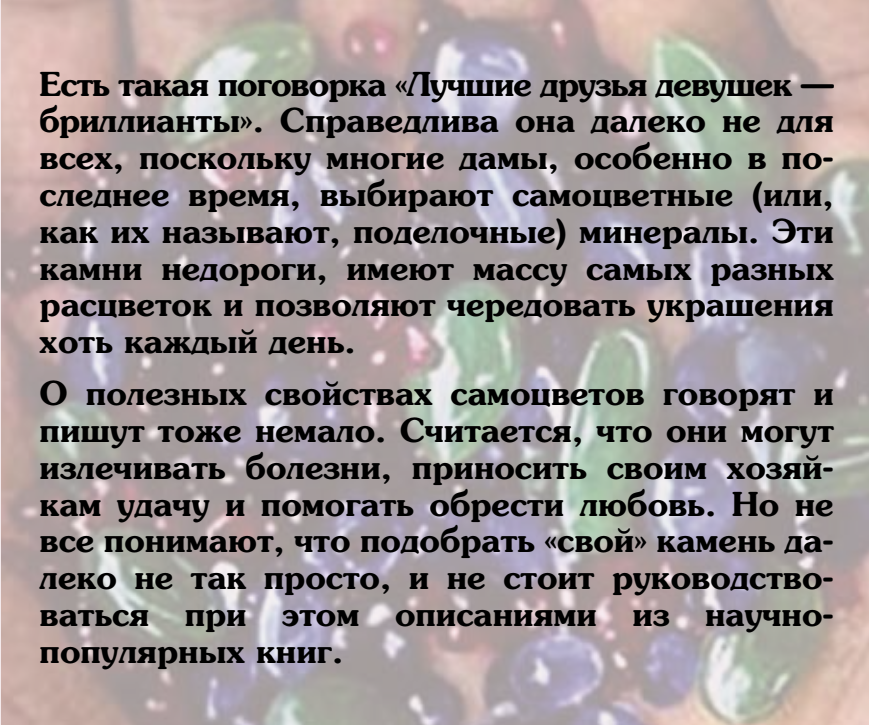
Магия

Екатерина
Постникова



*Цветок из драгоценных
камней, подарок
императору Австрии
Францу Иосифу
от супруги
Марии Терезии*

САМОЦВЕТОВ



Есть такая поговорка «Лучшие друзья девушек — бриллианты». Справедлива она далеко не для всех, поскольку многие дамы, особенно в последнее время, выбирают самоцветные (или, как их называют, поделочные) минералы. Эти камни недороги, имеют массу самых разных расцветок и позволяют чередовать украшения хоть каждый день.

О полезных свойствах самоцветов говорят и пишут тоже немало. Считается, что они могут излечивать болезни, приносить своим хозяйкам удачу и помогать обрести любовь. Но не все понимают, что подобрать «свой» камень далеко не так просто, и не стоит руководствоваться при этом описаниями из научно-популярных книг.

...На день рождения моей подруге Наталье коллеги преподнесли кольцо с красивым древовидным агатом. Камень был молочно-белым, а тончайшая паутинка «древесных» разводов — светло-коричневой. Однако буквально за неделю агат посерел, как от пыли, а «веточки» сделались почти черными. Но это полбеды: за тот же срок счастливая обладательница украшения ощутила ухудшение самочувствия и настроения, у нее стало отекать лицо, начались ноющие головные боли, нарушился сон.

Поначалу Наташа не связывала эти проблемы с подарком, ей казалось, что камень испортился от его плохого качества, либо коллегам подсунули подделку. Но с каждым днем ей становилось хуже, и однажды дело кончилось «скорой». Врач увидела на полке злосчастный кулон.

— Скажите, он всегда был таким?

Наталья рассказала историю странного камня.

— Понятно. Лучше выкиньте или продайте, — посоветовала врач. — Я понимаю, как это звучит, но у камня очень плохая энергетика. Он не «ваш», и подарили его вам с недобрыми чувствами.

Выбрасывать подарок Наташа не стала, просто сунула его в дальний ящик и забыла. Через полгода случайно наткнулась — агат вновь был белым, но надеть кулон она так и не решилась. А здоровье восстановилось, хоть и не сразу, но довольно быстро.

Другая знакомая, Светлана, рассказала мне, как старинные прабабушкины серьги с аметистами испортили ей свадьбу. Весь день, вместо того, чтобы искренне радоваться празднику, девушка испытывала приступы непонятного сильного раздражения на жениха, гостей и даже на горячо любимых родителей. Ее не покидало ощущение, что все идет не так, мешает шикарное платье, жмут туфли, слишком громко играет музыка. И только вечером, сняв сережки, она смогла «выдохнуть». Позже выяснилось, что прабабушка, от которой досталась драгоценность, всю жизнь промучилась в несчастливом браке — а серьги были у нее любимыми.

Такие истории наверняка слышали многие. И со мной подобное случилось пару лет назад, хотя я не ношу украшений, а делаю их: большой сердолик цвета вареной сгущенки за пару дней стал густо-медовым, и оставался таким, пока не попал к заказчице. У нее он снова приобрел свой привычный цвет.

Вот что мне удалось узнать о самых популярных минералах:



По сути, камень с таким красивым названием — это разновидность кварца с вкраплениями железной руды, гематита, слюды, вулканического стекла. Окраску может иметь любую, легко поддается имитации. Народная молва приписывает ему способность

излечивать кожные болезни и аллергии.

Свое название авантюрин оправдывает тем, что почти не «заряжается» отрицательной энергией. Это камень удачи, жизненной силы, смелости. Однако он совершенно не подходит людям мягким, склонным к одиночеству и меланхолии. У них камень может вызывать нервозность, бессонницу. Говорят, свое украшение с этим камнем нельзя отдавать подруге, вместе с ним уйдет уверенность в себе.



Считается одним из самых загадочных камней. В основе этого минерала лежит халцедон, образующий сложную структуру слоев. Расцветок много, после шлифовки камень иногда приобретает яркий стеклянный блеск, из-за чего в продаже масса его подделок. Лечить якобы может самые разные болезни, от неврастении до кариеса, самое главное, носить его как можно ближе к больному месту. Агаты теплой окраски улучшают деятельность сердца, холодные — эндокринной системы.

Что касается особых свойств этого камня, то агат достаточно капризен в выборе владельца. Если хозяйка ему «нравится», он дарит ей хорошее настроение, улучшает зрение, память, приносит удачу в личной жизни и даже может служить талисманом. Если же нет, женщина становится плаксивой, отекает, теряет силы.

Проверить, «нрависься» ли ты агату, легко. Если его цвет изменился, стал неприятным, грязноватым, значит, его энергия не сочетается с энергией владелицы, и от камня надо избавляться. Если цвет остался прежним или стал более ярким, то все в порядке.



Несмотря на то, что это тоже кварц, только с ионами железа, аметист очень отличается от всех камней аналогичной структуры. Этот красивый фиолетовый минерал, которому приписывают способность укреплять иммунитет и зрение, увы, просто рекордсмен по накоплению негативной энергии. Древние египтяне и римляне называли его «апостольским камнем» и верили, что он однозначно приносит удачу, дарит покой и даже может прекратить войну. Но не все так просто: например, с его помощью можно приворожить к себе человека, даже если он любит кого-то другого. Будучи подаренным на свадьбу, аметист может охладить чувства влюбленных. Если он подарен с завистью в сердце, то может помешать в делах. И, наконец, нежелательно носить аметисты, принадлежавшие умершим родственникам — возможна депрессия.



По химическому составу это гидратированный фосфат алюминия

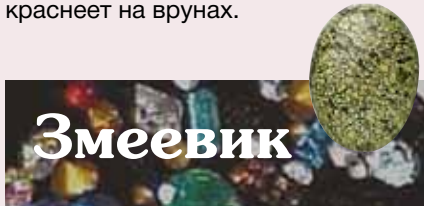
и меди. Сейчас натуральной бирюзы почти не осталось, а тем более голубой, с тонкими черными прожилками, а ведь именно такая считалась когда-то камнем красоты и процветания. Наши предки верили, что бирюзовое украшение привлекает к хозяйке внимание мужчин, помогает обрести друзей и богатство. Но есть у нее также свойство усиливать все эмоции. Кроме того, бирюзу нежелательно носить при беременности, поскольку этот камень «ревнивый», и ребенок может родиться слабым.



Бычий глаз

Красивый поделочный камень, обработанный кварцем с оксидом железа. Окраска от темно-красной до почти черной с шелковистым переливом, который придает ему сходство со зрачком.

Можно сказать, из самоцветов это наиболее нейтральный. Кроме красоты, не имеет почти никаких свойств, хотя некоторые верят, что он помогает разоблачить ложь — краснеет на врунах.



Змеевик

Получил свое название от того, что похож по окраске на змеиную

шкуру. Литотерапевты (специалисты по лечению камнями) считают, что он помогает при головных болях и может ускорить сращивание костей.

Классический камень-талисман, предохраняющий хозяйку от несчастного случая. Он же якобы усиливает способности к чтению мыслей и даже к излечению других людей, поэтому когда-то змеевик называли «камнем ведьм», и дамам благородного сословия не советовали его носить.



Лазурит

Алюмосиликат натрия и кальция с ионами серы. Окраска ярко-синяя, сине-фиолетовая, голубая. Используется не только в ювелирном промысле, но и как натуральный краситель («ляпис-лазурь»). Рекомендуются при психических расстройствах, неврозах, мигрени, радикулите.

В древности изделия из лазурита дарили в знак искренней дружбы и желания мира. Это очень «добрый» камень, считающийся во многих странах символом дипломатии.

Есть у него и другое полезное свойство — отсеивать нежелательных знакомых. Хотите понять, насколько человек порядочен с вами? Подарите ему хотя бы маленький камешек лазурита, причем сделайте это от чистого сердца. Если человек не «ваш», в очень короткий срок ваша дружба сойдет на нет. Этот камень не прощает лжи.



Полупрозрачный голубовато-серебристый полево шпат с красивым «огоньком» внутри. Ему приписывают возможность лечить почки, нервы, успокаивать эмоции.

Камень этот поистине мистический. Говорят, что на его поверхности появляется белое пятно, растущее по мере «роста» Луны. Он очень хорош для «сов», творческих людей, мыслителей, поскольку усиливает интуицию и работоспособность по ночам. Лунный камень подходит и материалистам с сильной волей, любящим пробовать все новое, и даже карьеристам — он помогает им собраться с мыслями.

К этому минералу следует относиться осторожно. У ранимых женщин он может ухудшать настроение, сбивать менструальный цикл и даже вызывать кошмары в полнолуние.

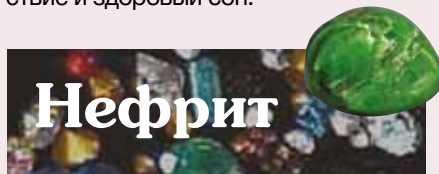


Содержит в основе карбонат меди, за счет чего имеет красивый оттенок от бирюзового до изумрудно-зеленого и даже почти черного. Из-за четкого выразительного рисунка очень популярен для изготовления украшений и предметов интерьера. Носить его

советуют при болезнях сердца, поджелудочной железы и селезенки.

С малахитом связано интересное предание: считается, что подаренная от чистого сердца вещь из этого камня может исполнить желание хозяина. Всего одно, но самое заветное и «выстраданное». Поэтому поговорка «бойся своих желаний» относится к нему напрямую.

Светлый малахит, положенный под подушку, может подсказывать человеку во сне ответы на вопросы, а кольцо с малахитом, подаренное беременной женщине, дарит ей спокойствие и здоровый сон.



Полупрозрачное соединение кремнезема с примесями магния, железа, никеля, хрома и ванадия. Цвет в основном зеленый с различными оттенками, желтый, иногда белый. В Китае нефрит считался национальным камнем и ценился настолько высоко, что из него изготавливали бляшки, равные по ценности монетам, а парные пластины из нефрита служили паспортом для посланцев императора. Этот камень трудно подделать. Китайцы считали, что он продлевает жизнь, усиливает мужество, развивает ум, успокаивает нервы и стимулирует сердце.

К необычным свойствам нефрита можно отнести его способность

очищать мысли и успокаивать хозяина. Подержите камень на ладони, полюбуйтесь его блеском, и на душе сразу полегчает. Нефрит может быть талисманом, но только у человека с добрыми помыслами — злу он не служит, теряет окраску и может даже при всей своей прочности треснуть.



Быстро остывшее вулканическое стекло, принадлежит к новейшим горным породам. В романах фэнтези его часто называют «драконовым стеклом». Цвет может быть черный, коричневый, серый, желтый и красный. Лечебных свойств почти не имеет, зато это настоящая находка для снятия негативной энергии. Его даже использовали как детский оберег. Обсидиан предохраняет владельца от дурных мыслей, отводит от него людей с плохими намерениями, помогает лучше понять себя, наполняет человека силой.

Хотя этот камень традиционно считается камнем Скорпиона, подходит он всем, и держать дома вещи из него в любом случае полезно.



Разновидность агата с полосками разного цвета, от микрон до несколь-

ких миллиметров. Ценность оникса определяется количеством и толщиной полос. Помогает повысить потенцию, улучшить слух и память, развивает интуицию. А кроме того, это настоящий камень-психолог! Энергия, живущая в нем, не дает человеку «зависать» в нерешительности, убирает неприятные эмоции, помогает понять свои мотивы и причины проблем. Если долго держать оникс в руках, он становится теплым, как живое существо, и словно вливает в мысли такое же теплое чувство. Его полезно носить как талисман, брать с собой на важные встречи, экзамены. И, чем дольше его носишь, тем острее становится воздействие.



Твердый гидрогель оксида кремния, по составу близкий к кварцу. Окраска зависит от примесей. Существуют три вида опалов: переливающиеся благородные опалы (с так называемой «опализацией»), огненные и широко распространенные обычные.

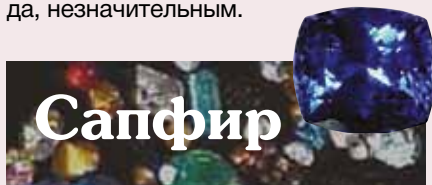
Камень помогает при болезнях сердца, нервной системы, инфекциях, облегчает роды, улучшает зрение. В старину воду, настоянную на нем, пили как лекарство.

Опал — очень «верный» камень, его не стоит никому отдавать, помогает он только владельцу. Это давно известный талисман против черной

магии, невезения, несчастных случаев, воров, пожара и молнии. Один из сильнейших камней, но только в руках честного порядочного человека. Золото усиливает его свойства.



Представляет собой окись алюминия, второй в мире по твердости после алмаза. Цвет красный, иногда коричневатый. Способствует излечению болезней крови, дыхательных путей, позвоночника. Кроме того, это камень истинного лидера, помогающий человеку верить в свои силы. О рубине говорят: «Он дает силу льва, бесстрашие орла и мудрость змеи». Он может предупреждать об опасности изменением цвета, правда, незначительным.



Любая, кроме красной, разновидность корунда с включением рутила. В народной медицине используется для лечения болезней почек, мочеполовой системы, сердца, уха, кожи.

Лучший камень для молодой девушки, дающий ей скромность, чистую совесть и стремление к правде. Некоторые предания говорят, что кольцо с сапфиром может помочь

отличить правду от лжи. Сапфировые обереги иногда дарят молодоженам как залог долгого брака.

Есть у камня и недостатки — он не «любит» толпы и может вызвать головную боль.



Полупрозрачная разновидность кварца с оксидами железа. Окраска от желтой, оранжевой до темно-красной. Есть ошибочное мнение, что камень имеет повышенную радиоактивность и за счет этого стимулирует клетки. На деле цвет сердолика восстанавливает нервную систему, улучшает эндокринную, лечит цитовидную железу.

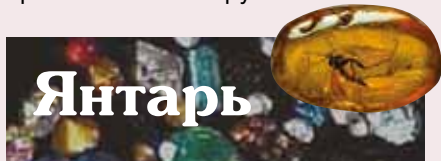
Это один из мощнейших энергетически заряженных камней. Древние верили, что он охраняет от сглаза, недоброжелательства, подлостей, дает хозяину бодрость и позитив — словно создает вокруг себя ауру здоровья и безопасности. Кроме того, в руках «выбранного» человека он может заметно менять цвет, а если человек болен, камень светлеет.



«Аспидный камень», черный минерал, содержащий 93–98% углерода

да и до 3–4% соединений водорода, кислорода, азота, серы, воды. В шунгитовой золе содержится ванадий, молибден, никель, вольфрам, селен. Камень имеет массу лечебных свойств, включая выведение радиации, поглощение вредных веществ, восстановление почек, кожи, нервной системы. Ученые считают этот минерал уникальным.

Шунгит действует и на энергетическом уровне, снижая вред электромагнитных излучений, которыми пронизано все вокруг.



Ископаемая смола возрастом несколько миллионов лет, всех оттенков белого, желтого и оранжевого. В древности люди считали камень магическим, и вещица из него стоила целое состояние. Например, есть предание, что найти кусок янтаря с насекомым внутри — к скорой уда-

че, а вода, в которой несколько дней лежал янтарь, приобретает способность лечить лишай, лихорадку и даже проказу.



В основе этого минерала — халцедон с примесями тонко рассеянного красящего вещества (в том числе оксидов железа и алюминия). Вариантов окраски много, особенно ценятся узорчатые, «пейзажные» типы. В старину считалась талисманом алхимиков, ученых, путешественников, и отличным оберегом дома от посторонних, ею даже выкладывали полы в тайных помещениях храмов.

Человек, который хочет, чтобы в его жилище не появились нежелательные гости, обязательно должен завести себе пару предметов из этого камня.

Кроме того, яшма помогает женщине быть спокойной, выравнивает настроение, улучшает зрение и слух.

И, наконец, несколько советов для тех, кто хочет обезопасить себя от ненужных воздействий:

- купленные или полученные в подарок камни лучше пару дней подержать в емкости с водой, так они «очистятся»;
- если камень поменял цвет или треснул, стоит обратить внимание на свое здоровье и окружение, откуда-то исходит негатив;
- если же камень меняет цвет только при ношении, а при хранении возвращается к первоначальному, увы, он просто не «ваш»;
- и последнее — если с камнем все в порядке, но что-то мешает вам носить его, лучше тоже избавиться, потому что на нем явно остался чужой «след», и не самый лучший.

Можно верить во все эти вещи, можно сомневаться, главное — слушать свое сердце, и тогда самоцветы будут всю жизнь радовать и украшать вас. □

А

Бездомный скиталец

Анатолий Зверев

Ирина
Опимах



В ноябре исполнилось восемьдесят лет со дня рождения великого русского художника Анатолия Зверева, уже давно ставшего легендой советского искусства. «Каждый мазок его кисти — сокровище. Художники такого масштаба рождаются раз в сто лет», — говорил о нем Роберт Фальк. Неустроенный скиталец, бездомный гений, находивший приют у своих друзей, пьянчуга, но и работника, оставивший после себя огромное количество работ, часть которых украшает лучшие собрания в мире, он навсегда остался в истории — рядом с Модильяни, Ван Гогом, Пиросмани. Сегодня на рынке крутится множество фальшивых «зверевых» — а это знак истинной подлинности его искусства, ведь подделывают только настоящее.



Анатолий Зверев родился 3 ноября 1931 года. Отец — инвалид гражданской войны, мать — из рабочих. Жизнь была непростая, «сытой» ее не назовешь. Но однажды маленький Толя увидел картины Леонардо да Винчи и настолько был ими впечатлен, что даже начал изучать его трактаты и, неожиданно для всего своего семейства, решил стать художником. «Когда я читал трактаты великого Леонардо — уже теперь моего друга, — я был поражен одинаковостью в выражении мыслей наших», — писал он в своей автобиографии.

Мальчик рос болезненным, слабым — как все дети, взрослевшие в трудные военные и послевоенные годы. В школе учился неровно — то двойки, а то пятерки. Несмотря на трудную ситуацию в семье, ему все-таки удалось закончить семь классов, чем он потом очень гордился. Уже тогда Толя знал — лучше всего у него получается рисовать. Однажды, когда ему было только пять лет, родители взяли его в избирательный участок на голосование. Пока взрослые голосовали за очередного «верного коммуниста-ленинца», ребенку



дали карандаш и бумагу — порисовать. И маленький Толя столь выразительно изобразил улицу и машины, что все были потрясены. А позже, уже в школе, попав в пионерский лагерь, он записался в кружок рисования и однажды так изобразил куст шиповника, что руководитель кружка воскликнул: «Шедевр!»

Началась война, и будущий художник, вместе с сестрами и родителями, оказался в Тамбовской области. Тут, в эвакуации, было уже не до рисования — выжить бы...

В Москву они вернулись еще до победы, после смерти отца, — «простудившись и жестоко отморозив ноги, он заболел и скончался на сорок третьем «ходу» своей печальной жизни, на Новый год, в пять утра...»

В Москве тогда жили голодно, по талонам, семье было очень трудно,

но Толя, окончательно поняв, что путь его — это творчество, продолжал заниматься любимым делом, используя все, что оказывалось под рукой, рисовал, лепил, выжигал. Он поступил в художественное ремес-

ленное училище, посещал иногда — хоть «мимолетно, понемногу», и художественные студии для взрослых, а позже даже стал студентом Художественного училища 1905 года, но уже с первого курса его отчислили — из-за внешнего вида. Видно, преподаватели сочли, что будущий художник должен быть элегантным, а Зверев был слишком беден, чтобы иметь просто приличную одежду. «Мое материальное положение решило исход моего там пребывания», — писал он.

И Анатолий пошел работать — после ремесленного художественного училища он смело мог трудиться маляром, что и делал — к примеру, в парке Сокольники. «Повсюду мне не везло, но рисование и живо-

пись остались неизменным занятием...» Теперь у него среди художников, помимо Леонардо, появились новые «друзья» — Ван Гог, Рембрандт, Рубенс, Веласкес, Гойя, Ван Дейк, Рафаэль, Врубель. Рублев, Ге, Иванов, Малевич, Кандинский, Боттичелли, Гоген, Констебль. У одних он учился рисунку, у других — чувствовать цвет, у третьих — строить композицию. Зачем ему какие-то другие преподаватели, зачем ему другие художественные школы, когда у него и так есть у кого учиться...

И, как и они, он обрел в искусстве абсолютную свободу. Были у него холст и краски или нет, — он всегда находил способ творить. Скупал по дешевке портреты воз-





дей и писал на обратной стороне, краски разводил не на палитре, а в огромном тазу, а если не было красок, писал пеплом, свеклой, помидорами. И быстро шел к своей манере, своему стилю — потрясающей выразительности, экспрессивности, глубине. При этом скорость создания картин была невероятной — в лучшие годы он мог выдавать по десятку картин в день. Свидетели его

творческого процесса говорили: «Писал все равно, что кровью». Дмитрий Плавинский рассказывал, как, «вооружившись бритвенным помазком, столовым ножом, гуашью и акварелью, напевая для ритма: «Хотят ли русские войны, спросите вы у сатаны», он буквально бросался на лист бумаги, обливал ее, пол, стулья грязной водой, швырял в лужу банки гуаши, размазывал тряпкой, а то и ботинками, весь этот цветовой кошмар, шлепал по нему помазком, проводил ножом две-три линии — и на глазах возникал душистый букет сирени!»

Внешние обстоятельства бытия его вообще не заботили. Ходил черт знает в чем — похожий на бомжа, с нечесаной бородой, в вытертой тельняшке или дырявых рубашках. Мастерской у него не было, а был угол в квартире в Свиблово, где еще жила его сестра со своим семейством. В маленькой квартире от красок было не продохнуть, поэтому родственники любили, когда он вдруг исчезал, и надолго. А он, в свою очередь, любил скитаться по приятелям, поклонникам, людям, не всегда хорошо знакомым. Там и работал, часто, чтобы просто как-то отплатить за уют, за еду и — выпивку, которая становилась ему все больше и больше нужна. Многие пользовались его неустроенностью и за копейки скупали его работы.

Водка постепенно становилась необходимым атрибутом его существования. Этот бич русских талан-



ясь до первоначального смысла. Таким образом, обычный разговор начинал обретать поэтическое звучание: рождалась не обыденная речь, но стихи Зверева. Стихи были то короткие, мгновенно возникшие по ритмическим и звуковым ассоциациям, то витиеватые, где слово цеплялось за слово в поисках точности описания увиденного вдруг знака жизни — столь любимого им знака «Дзен». Мощь, широта его натуры порой просто ошеломляла, причем всех и по-разному».

«Двери лучших московских ресторанов открывались настежь при

тов вносил дополнительные краски в его жизнь — приводы в милицию, вытрезвитель, а потом и заточение в «психушку». Но при этом его незаурядность, мощь личности проявлялись все заметнее. Однажды Зверев оказался у Фалька. Они провели вместе несколько часов. Потом Фальк говорил: «Я ценю Зверева как художника. Но после бесед с ним понял, что философское видение и переосмысление окружающего мира — это дар мыслителя Зверева художнику Звереву».

Лингвист Галина Маневич вспоминала: «Разговор с Анатолием Зверевым никогда не был тривиальным житейским общением. Он любил выражаться иносказательно, играл односложными предложениями, вращая корневую структуру слова, вытягивая через фонетику его самооценку, как бы добира-





его появлении, — рассказывал художник Валентин Воробьев. — Швейцар получал червонец в зубы, официантка — за пазуху. Зверев жил одним днем, не заглядывая вперед. Утро начиналось шампанским, день — пиршеством, вечер — пьяной дракой. Всегда находились молодцы твердых правил и с толстыми кулаками. Они били художника до полусмерти, как самого ядовитого гада, и сдавали в милицию на очередную обработку. Свой гнев Зверев вымещал на гражданах с зачатками человечности. И этим, не

растерявшим совести, доставалось больше всего оплеух и разбитых стаканов».

Владимир Немухин, известный коллекционер и художник, очень трогательно относился к Звереву, помогал ему в критические моменты, ссужал деньгами. Он, как и многие, попал под его обаяние. Позже

Немухин вспоминал: «Конечно, он родился чрезвычайно одаренным человеком, просто невероятно одаренным. Он родился гениальным музыкантом. Я слышал, как он играет. Это был не просто стук кулаками по клавишам. Он играл, великолепно играл. Я помню, как в одном доме он сел за фортепьяно, и я поразился: передо мной сидел настоящий профессиональный пианист. А скульптор какой он был! Я видел его лошадок, он делал их из серой глины... Я еще хотел договориться с хозяевами, чтобы отлить их в бронзе. И шашистом он был прекрасным. Знаменитый Копейко говорил, что, если бы не рисование, он был бы чемпионом по шашкам». Но иногда и Немухин не выдерживал. Однажды — это уже было незадолго до смерти Зверева — совершенно пьяный художник пришел к Немухину, уже ранее получив хорошую сумму, и снова потребовал деньги. Немухин возмущился и выставил его за дверь, сунув в руки пачку картин. Зверев вышел на улицу и тут же отдал картины первому встречному за «мерзавчик», столь необходимый ему в тот момент.

А другой коллекционер, Александр Глезер, вспоминал, как Зверев — тогда они были еще плохо знакомы — забрел в его квартиру и, подмигнув, сказал: «Говорят, ты балуешься грузинской водкой. Нельзя ли попробовать?» Глезер поставил на стол стакан чачи и стакан воды. «Что это?» — спросил худож-

ник, показав на стакан с водой. «Вода, запивать», — ответил Глезер. Зверев был возмущен: «Кто же, старик, запивает чачу водой? Чачу запивают только чачей!» Потом сел на диван, снял грязные носки и бросил их на пол: «Пусть твоя жена стирает!» А когда разозлившийся Глезер швырнул носки ему обратно, проговорил: «Ладно, не сердись. Давай я тебе что-нибудь лучше нарисую. Краски есть?» И за пару минут акварелью на листе ватмана нарисовал своего фирменного петуха.

С ним было невероятно интересно — о чем бы он ни говорил, это оказывалось всегда оригинально, парадоксально, глубоко. Он не любил Пушкина, считал его официальным поэтом, зато Лермонтова обожал и много иллюстрировал. Дмитрий Плавинский рассказывал, что однажды Зверев его спросил: «Знаешь, почему Пушкин — посредственный поэт? Ему никогда не приходило в голову, что поэзия должна быть неожиданной. Вот, к примеру, Пушкин пишет: «Мороз и солнце, день чудесный». А надо бы: «Мороз и солнце, дерутся два японца».

В 1960-е годы его заметил один из самых известных московских коллекционеров Георгий Костаки и взял Зверева под свою опеку. Опеку довольно жесткую. Но Зверев в какой-то момент взбунтовался и ушел от грека. Тот разозлился и решил отомстить неблагодарному художнику. Стал всем говорить,



Автопортрет

что Зверев иссяк, исписался и уже ни на что не способен. Поначалу ему поверили — он был высшим авторитетом в московском художественном мире, но потом поняли, что мнение Костяки слишком предвзятое...

В 1965 году Зверева узнали в Европе — в Швейцарии и во Франции прошли его выставки. Вся жизнь художника сопровождалась легендами. Ходила и такая байка. Говорили, что, когда до органов дошли сведения об этих европейских выставках, власти поручили разобраться с ним тогдашнему министру культуры Фурцевой. Она приказала своим сотрудникам привезти к ней художника. С большим трудом они

отыскали его в одном из многочисленных домов, где он иногда проводил ночи. Узнав, что с ним хочет встретиться «сама министерша», Зверев облачился в невероятное рванье, облил себя водкой — чтобы был соответствующий «аромат», взлохматил волосы и бороду, обернул ноги газетами, всунул их в калоши и в таком виде отправился на прием к Фурцевой. Увидев его и ощутив все эти «ароматы», Фурцева смогла

только лишь прошептать: «Вы кто?» «Я — Зверев», — гордо сказал художник и, вытащив из кармана газету (между прочим, «Советскую культуру», весь спектакль был тщательно



продуман!), громко в нее высморкался, осторожно свернул и положил обратно в карман. «Идите, идите с Богом!», — только и смогла сказать Фурцева.

Так закончилась встреча Зверева с властью. Но говорили, что с тех пор за ним стало следить КГБ. Михаил Кулаков вспоминал: «Зверев признавал только один вид общественного транспорта — такси. На пути следования нежелательны встречи с мили-

цией в любом виде и работниками КГБ, которые были заняты подробной слежкой за Зверевым. В таких обстоятельствах такси — наилучший способ улизнуть из-под органов. План прост: как можно быстрее добраться до очередного знакомого, где можно скрыться от враждебного мира, выпив и закусив».

Несмотря на неухоженный, неопрятный вид, пьянство и бесшабашность, Зверев пользовался невероятным успехом у женщин. Много лет в Москве говорили о его романе с Оксаной Асеевой — вдовой поэта Николая Асеева. У них была большая разница в возрасте — более тридцати лет. Когда они встретились, ей было за семьдесят, а ему — сорок, но это обстоятельство ничуть им не мешало. Их многое роднило — и он, и она относились к жизни, как к некоему приключению. И им не было дела до сплетен, которые ходили тогда о них в Москве. Про Асееву рассказывали, что в двадцатые годы, когда она была молода и хороша, вместе со своими двумя сестрами и с одним приятелем они вышли на Гоголевский бульвар совершенно нагими, правда, на груди молодого человека была завязана лента с надписью: «За свободу нравов!» Прогулявшись по бульвару, «четверка отважных» села в трамвай, чем привела пассажиров в полное изумление. Вот так в те времена боролись с обыденной жизнью и с общепринятыми приличиями.

А знакомство их произошло так. Однажды Зверев с приятелями шел

мимо ее дома, упал и вывихнул ногу. Кто-то в компании вспомнил про старушку Асееву, и художника, который не мог идти, занесли в ее квартиру. Наверное, надеялись пристроить его у одинокой старушки хотя бы на время. А он остался там надолго. Конечно, ей было с ним трудно — приходилось терпеть его дебоши, буйство, пьяные скандалы. Она-то терпела, а ее соседи — не всегда. Они вызывали милицию, и, когда его забирали, Ксения Михайловна очень нервничала и умоляла: «Товарищи милицоэры, будьте с ним осторожней. Он великий художник, не делайте ему больно. Пожалуйста, берегите его руки!» Когда его отпускали, он возвращался к ней и снова рисовал ее. На этих восхитительных портретах она была молода и прекрасна — он не замечал ни ее морщин, ни ее старости. Летом она вывозила его на дачу — там он меньше пил, больше работал — писал натюрморты, пейзажи, портреты. Так продолжалось до ее смерти. Полина Лобачевская, хорошо знавшая их обоих, рассказывала: «История его взаимоотношений с Оксаной Михайловной Асеевой — история преданной любви, осветившей и жизнь Толи, и жизнь Оксаны Михайловны. Она, благодаря своему опыту и высочайшей культуре, сумела, несмотря на грубость Зверева, по достоинству оценить и душевные качества Толи, и его талант. Многим казалась странной и смешной любовь художника к очень

пожилой женщине. Но ведь это была любовь и тяготение не только к конкретной женщине, но к целой эпохе, к Серебряному веку русской культуры... Не случайно в то время он писал множество стихов, вступая в соревнование с председателем Земшара Велимиром Хлебниковым».

Однажды судьба свела Зверева с Натальей Шмельковой. Дочь всемирно известного ученого, советского академика, она и сама была талантливым геохимиком и часто ездила в экспедиции. Где она только не побывала — и на Камчатке, и в Хибинах, и на Таймыре, и в Средней Азии. Иногда сочиняла стихи, когда было настроение, и занималась живописью, впрочем, не питая никаких иллюзий по поводу своих талантов. А когда встретила Зверевым, то, как и многие до нее, сразу попала под его обаяние. Объясняя, как она могла так долго общаться с этим очень непростым человеком, Шмелькова говорила, что с ним было интересно, в нем поражал не только художник, он и мыслитель удивительно. Они часто бывали вместе — в гостях, на выставках. Какое-то время Зверев жил в ее доме. Она стала своего рода посредником в его общении с самыми разными людьми. Все эти годы Наталья Шмелькова собирала личный «зверевский» архив, в котором хранила целую коллекцию каталогов, буклетов, статей, фотографий, дневников... Именно к ней обратились за помощью организаторы самой круп-

ной посмертной выставки художника. Нужен был человек, который бескорыстно возьмется собрать лучшие картины Зверева, разбросанные по десяткам московских квартир и частных собраний. И Наталья Шмелькова взялась за дело, почти забыв о своей геохимии. Именно благодаря ее усилиям состоялась та выставка, ставшая невероятно важной в истории советского искусства. А потом она, собрав воспоминания о художнике, подготовила книгу, посвященную его жизни и творчеству...

В последние годы своей жизни Зверев увлекся одной казашкой, такой же бесшабашной, как и он сам. Его друзья уже привыкли подкармливать художника, но содержать двоих — было уже слишком. Она быстро его покинула — видно, надоело нищенское, бездомное существование. И он сломался — тосковал, страдал. А потом умер — от разрыва сердца. Умер в своей квартире, в Свиблово, которое часто, и не без оснований, называл «Гиблово».

Искусствоведы до сих пор спорят, к какому течению отнести его творчество. Но вот насколько это важно? Ведь главное — то, что он, как и другие гении прошлого, его друзья и учителя, сумел сотворить свой мир. И этот его мир — мир красоты, страстей, сильных чувств, полный света, и цвета, прелести мимолетного мгновения — и сегодня с нами, стоит лишь только погрузиться в это необыкновенное и самобытное искусство, искусство Зверева. □



УТОНУТЬ
РАДИ

ЛЮБИМОЙ

Восьмому чемпиону мира по шахматам Михаилу Талю, всеобщему любимцу, самому популярному гроссмейстеру за всю историю шахмат в ноябре 2011 года исполнилось бы 75 лет. Поединки «кудесника из Риги» всегда проходили с приключениями, были очень бурными и увлекательными, такими же, как и его личная жизнь

У Талья было три официальных жены. Не уверен, правда, стоит ли учитывать представительницу славного города Тбилиси, которая в начале семидесятых стала его супругой буквально на несколько дней. Очаровательную грузинскую девушку Ирину Михаилу сосватала его мать. Невеста оставляла впечатление истинного ангела: чистая, возвышенная, навещала Талья в тбилисской больнице, где ему делали операцию, дарила ему свои стихи. И Таль с размахом отгулял свадьбу, пышную и помпезную, ее даже показывали по грузинскому телевидению. Молодожены сразу улетели в Москву,



*Михаил Таль с первой женой
Салли Ландау*

где остановились в гостинице. И тут выяснилось, что новобрачная вышла замуж за шахматного гения с одной-единственной целью: отомстить своему другу-грузину, известному спортсмену-борцу, которого несколько лет любила, а тот не отвечал ей взаимностью. Но, узнав о свадьбе возлюбленной с Талем, гордый грузин прилетел в Москву, примчался в гостиницу, где разместились молодожены, и заявил, что, если Ирина не будет принадлежать ему, он наложит на себя руки. Естественно, она поки-

нула столицу со страстным кавказцем, а Таль остался холостым. Это было его единственное поражение на личном фронте, и он не любил о нем вспоминать.

Две другие жены Талья: первая — Салли, и последняя — Ангелина, обе рижанки (Салли провела детство в Литве, но затем перебралась в Юрмалу), обе принесли волшебнику шахмат наследников: Салли родила ему мальчика Геру в 1960-м, а Геля — девочку Жанну, спустя пятнадцать лет. Общим супругам Таль доставлял в жизни немало неприятностей, что, однако, не мешало им любить этого светлого человека до конца его дней. А Салли даже издала книгу об их любви, которую так и назвала «Любовь и шахматы». Разумеется, в ней не было ни одного шахматного хода, только «любовные».

Салли Ландау и Михаил Таль были очень эффектной парой. Они любили друг друга, но каждый вел жизнь независимую, самостоятельную, и поэтому их брак в конечном счете распался. Салли, как и ее родители, была актрисой — сначала Русского драматического театра в Вильнюсе, а затем известный режиссер Павел Хомский пригласил ее в рижский ТЮЗ. К тому же, она еще и пела, выступала в популярном ансамбле Эдди Рознера, работала и с Раймондом Паулсом.

У зеленоглазой красавицы Салли волосы были огненно-рыжего цвета, и однажды Таль сказал ей: «Такие волосы бывают только у

инопланетянок». А в другой раз признался: «Жена Рембрандта Саския была такая же рыжая, как ты. Пусть и у меня будет моя маленькая Саська». Так всю жизнь он и называл ее — Саськой.

Познакомились они в новогоднюю ночь 1958 года. Будущий чемпион мира влюбился в Салли с первого взгляда и сделал все, чтобы она стала его женой. Окончательно Таль покорила певицу, когда сел за рояль и вдохновенно сыграл ей Шопена. А ведь у него от рождения был физический ущерб — отсутствовали три пальца на правой руке.

В те годы Михаил всегда брал с собой портрет Салли, и она смеялась: «Как Алехин свою кошку». Кстати, на турнире претендентов в Кюрасао этот портрет украл у него Фишер. «Хочу иметь сто пятьдесят костюмов, три дома и такую жену, как у Талья», — признался Бобби.

Когда Салли перебралась к чемпиону, она попала в теплую домашнюю атмосферу, но, вместе с тем, сразу почувствовала, что у семьи есть какая-то тайна, раскрыть которую удалось не сразу...

Ида Григорьевна, мать Талья, жила тогда с мужчиной по имени Роберт. А в самой большой комнате их квартиры на видном месте висел портрет Нехемия Талья, который год назад умер. Он был замечательный врач, один из лучших в Риге. Поженились они после длительного бурного романа, и вскоре у них родился сын Яков, старший брат Михаила, копия отца.

Увы, после рождения Яши доктор Таль перенес тяжелое вирусное заболевание, которое привело к неизлечимой импотенции. В таких случаях семьи часто распадаются. Однако Ида с Нехемием вели себя так, будто никакой трагедии не произошло, окружающие даже ни о чем не подозревали. Но Ида была еще молодой, энергичной и жадной до жизни женщиной. И вот из Парижа в Ригу после долгого перерыва вернулся Роберт Папирмайстер, с которой она была знакома, когда еще совсем юной девушкой жила во Франции. Он был умен и очарователен, и неудивительно, что Ида влюбилась в него. Потерял голову и Роберт. В результате, возник любовный треугольник. Но все трое были весьма тонкие натуры, слишком интеллигентны, чтобы устраивать сцены. Ничего не афишировалось, но ничего и не скрывалось. Роберт остался в доме Талей, и доктор воспринял это событие, касающееся любимой женщины, достойно, по-мужски.

В 1936-м у Роберта и Иды родился сын Михаил. В Риге все были убеждены, что это у Талей появился второй ребенок. Ходили разные слухи, но они не принимались в расчет. Для всех, включая Роберта, отцом Миши считался Нехемий Таль. Тема эта считалась в семье запрещенной, а отношения у всех оставались добрыми и сердечными. Михаил безумно любил Нехемия, кстати, научившего его играть в шахматы, но, конечно, внешне и даже манерой го-

ворить был похож на своего отца Роберта, к которому тоже относился с необычайной нежностью, называл его Джеком.

Вот такой фантастический сюжет. Выходит, великий шахматист мог быть не Михаилом Нехемьевичем Талем, а Михаилом Робертовичем Папирмайстером...

Жена Таля Салли даже ради него не хотела жертвовать своей артистической карьерой и не собиралась покидать сцену. Что же касается Талья, то вскоре обнаружилось, что он далеко не однолюб. Так как Салли была женщиной очень гордой, она быстро нашла утешение на стороне — просто от отчаяния и унижения. Салли не привыкла и не хотела быть на вторых ролях, к тому же, многие мужчины сходили по ней с ума.

Шахматный король и его королева ревновали друг друга, но менять свои привычки не собирались. Родственники Талья были убеждены, что Салли — его собственность, а сам он принадлежит всему человечеству. Жена же считала, что должно соблюдаться равенство: если Салли принадлежит только Михаилу, то и он — только ей.

Кто же первым нарушил «брачный договор»? Разлад начался с того, что одна завистливая актриса написала матери Талья письмо, в котором говорилось много нелюбезного о Салли, типа «ваша невесточка — обыкновенная уличная девка». Оно попало к Михаилу, он сразу поверил анониму и решил

«отомстить». Стал чаще, чем обычно, отлучаться в шахматный клуб. Придумывал разные причины, но вскоре Салли сообщили имя ее соперницы, затем еще одной. И хотя Салли тогда была беременной, и они по-прежнему любили друг друга, в их отношениях возникла трещина. Увы, жизнь — не шахматная партия, ход назад взять невозможно...

Впрочем, чувство юмора супруги никогда не теряли. Вот один смешной эпизод того периода. В 1967 году Ботвинник написал жене Талья письмо, в котором выразил беспокойство о его здоровье и предложил хотя бы немного пожить в Москве, подлечиться в столичной больнице. Прочитав послание «патриарха», Таль был срезан лишь мгновение, а потом рассмеялся и объяснил Салли его суть:

— Все понятно! — воскликнул он. — Ботвинник просто влюблен в тебя и хочет перетащить в Москву. Но сама посуди: стоит ли менять одного экс-чемпиона на другого?!

Шутки шутками, но дело дошло до того, что Таль однажды привел в дом свою очередную пассию и занял с ней одну из комнат (во второй жили его родственники, а в третьей — жена с сыном). Ситуация была ужасная, но гению Талю прощалось все, любые его поступки, даже такие «своеобразные». Правда, судьба этой девушки сложилась неудачно: она пыталась покончить с собой, а когда выжила, Таль оставил ее.

Все эти «жизненные зигзаги» сильно действовали на Салли, и она не раз порывалась уйти из дома, а возвращалась только благодаря Иде Григорьевне, которая относилась к ней как к своей дочери и умоляла не оставлять Михаила.

...Писателю Юрию Перову в романе «Прекрасная толстушка», кажется, удалось раскрыть секрет, почему Таль проиграл матч-реванш Ботвиннику. Разумеется, без дамы сердца тут не обошлось!

Как выяснил Перов, у юного чемпиона мира как раз в 1961 году возникли романтические отношения с красавицей Марией, действительно «прекрасной толстушкой». В конце февраля, за две недели до поединка, вместо того, чтобы усиленно готовиться к нему, Михаил на три дня улетел с Марией в Сочи.

Они остановились в шикарном санатории, где был бассейн с морской водой. В то время там тренировались прыгуны в воду, члены сборной страны. И вдруг Таль поспорил с кем-то, что сумеет прыгнуть с десятиметровой вышки не хуже этих мастеров. Девушка отговаривала его изо всех сил, но молодому чемпиону очень хотелось блеснуть перед ней, и он все-таки прыгнул. Первый раз в жизни, совсем не умея плавать. Увы, прыжок оказался роковым для Талья: он сломал себе ребро и изрядно отбил внутренности. (Правда, Михаил упросил санаторского врача и Марию, чтобы они никому не проговорились о его неудачном «полете», и



Михаил и Салли

поэтому в течение сорока лет об этом никто не знал). А уже 14 марта Ботвинник и Таль сели за доску. Легко понять, в каком состоянии играл чемпион мира.

Этот сюжет, скорее, юмористический, а вот следующий, несмотря на детективный характер, вполне серьезный.

Таль всегда нравился женщинам, а когда начинал ухаживать за ними, блистая остроумием, они и вовсе теряли голову. Среди его поклонниц в середине 1960-х были известные дамы: солистка ансамбля «Березка» Мира Кольцова, пианистка Ээла Давидович, киноактриса Лариса Соболевская.

С Соболевской, когда-то неплохо игравшей в шахматы, красавицей и звездой советского кино («Большая семья», «Возвращение Будулая», «Девушка с гитарой» и еще десятка полтора популярных фильмов) у Таля был бурный роман, причем оба не скрывали этого: Лариса — она была лет на десять старше Михаила — называла себя гражданской женой гроссмейстера и говорила, что скоро они зарегистрируют свои отношения.

Сейчас кажется удивительным, но связь Талья с киноактрисой стала предметом обсуждения в ЦК КПСС. Власти в советские времена сильно заботились о нравственности знаменитостей, и однажды его вызвали в высокие инстанции и потребовали определиться: или он вернется к жене, или официально разведется с ней и узаконит связь с любовницей. Гений шахмат ответил, что не потерпит вмешательства в личную жизнь, и в результате такой дерзости стал «невыездным». Чтобы помочь сыну, мать пошла на уловку: уговорила Мишу подать на фиктивный развод. После этого Талья пустился на межзональный турнир, но не успел он улететь, как заявление было аннулировано.

Кстати, КГБ использовал сексапильную Ларису Соболевскую в своих интересах (в органах она имела кличку «Лора»). Все было построено как в детективном фильме: актриса «случайно» познакомилась с послом Франции в СССР господи-

ном Дежаном, и их отношения быстро прогрессировали. Однажды, когда «влюбленные» находились в квартире Лоры, в нее ворвался подставной муж, по легенде КГБ, неожиданно вернувшийся из экспедиции геолог, к тому же, болезненный ревнивец (а на самом деле, профессиональный убийца, и, по странному стечению обстоятельств, тоже Михаил). Застав Дежана на месте «преступления», он начал избивать иностранца и кричал, что подаст на обидчика в суд. В конце концов «муж» согласился замять дело, а посол попал на крючок к нашим доблестным органам. Блестящая победа! Интересно, знал ли господин Дежан, что пострадал из-за дамы, которой всерьез увлекался шахматный король?

Именно благодаря Соболевской и ее подруге молодости Нонне Мордюковой Таль стал своим человеком в компании актерских знаменитостей, например, часто встречался со звездной супружеской парой Рыбникова и Ларионовой, легко тратил свои огромные гонорары на развлечения в светском обществе. Зная о любовных похождениях Михаила, строптивая Салли не удерживала мужа-гуляку и в любой момент готова была дать ему развод. Однако «первая любовь» тогда снова победила, и Таль сделал все, чтобы Салли осталась. Постепенно Лариса исчезла из жизни гроссмейстера. Ее дальнейшая артистическая карьера тоже сложилась не лучшим

образом: помешало увлечение алкоголем, которым она злоупотребляла — и сама, и вместе с Талем. В мире кино о ней давно забыли. В канун 70-летия ее бывшего возлюбленного автор этих заметок позвонил Мордюковой (она еще была жива), чтобы узнать телефон Соболевской. Выяснилось, что та чувствует себя вполне сносно, но говорить о Тале категорически отказывается. Так что заполучить желанный номер не удалось...

Хотя история Таля и Соболевской вполне правдивая, вместе с тем и несколько сюрреалистическая. А мы вернемся к реальности. Настоящий развод Михаила и Салли состоялся только в 1971-м. Они прожили в браке почти тринадцать лет, но родными людьми оставались до самой смерти Таля — часто встречались в разных городах и странах, постоянно перезванивались. Когда они были совсем молодыми, Салли как-то спела Талю песню, которая начиналась так:

Я сказал тебе не все слова —
Растерял на полпути.
Я сказал тебе не те слова —
Их так трудно мне найти...

И первая строчка стала их паролем на всю жизнь. Когда они были вместе, да и много лет спустя, Таль неожиданно звонил ей откуда-нибудь из Буэнос-Айреса и всякий раз напоминал: «Я сказал тебе не все слова...» Салли до сих пор кажется, что в их жизни он сказал ей не все слова...

В 1979-м, используя в качестве трамплина Израиль, Салли с сыном оказались в Германии. Но без немецкого паспорта Георгий не мог поступить в медицинский институт и через год решил вернуться в отчий дом, чтобы закончить образование. К тому же, в Риге его ждала невеста, вскоре ставшая его женой. Таль, обожавший сына, приложил немало усилий, чтобы добиться желанного разрешения (ему пришлось дойти до самого Андропова). Тем не менее за два года до смерти отца Георгий снова уехал на «историческую родину», в Израиль, и с тех пор уже много лет успешно работает стоматологом в Беер-Шеве. Он отец троих детей, причем младшая дочь Мишель названа в честь Таля, дома ее часто называют Мишей. Увы, недавно Георгий развелся со своей женой, неужели пошел по пути отца?..

В 1981-м Салли вышла замуж за бельгийского ювелира Джо Крамарза, с которым в Антверпене ее познакомила подруга. Он был крупным знатоком часов, прежде всего, шахматных, увлекался и самой игрой, причем кумиром его многие годы был Таль. Когда он узнал, что перед ним экс-жена экс-чемпиона мира, он был потрясен. Иногда Салли даже казалось, что Джо женился на ней только потому, что она прежде носила фамилию Таль.

А вскоре Михаил и Джо подружились. Они часто общались в Европе на турнирах, где Таль играл, а

Салли приезжала поболеть за него со своим мужем. Она была счастлива в новом браке, но спустя восемь лет Крамарз умер от рака. Однако жене досталось немалое наследство, и за будущее Салли можно было не тревожиться.

Со своей третьей женой Ангелиной, которая была на восемь лет моложе Талю, он познакомился при следующих обстоятельствах. В 1970-м после долгого перерыва экс-чемпион приехал в Ригу, чтобы сыграть в очередном чемпионате СССР. Но латвийский спорткомитет лишил его такой возможности, последовали и другие наказания. И все из-за того, что рижский волшебник шахмат решил якобы поменять Латвию на Грузию — так «испорченный телефон» донес до начальства ту самую тбилисскую историю с женитьбой. Талю предложили стать комментатором чемпионата в Юрмале, и он согласился.

Машинистка, которой Михаил диктовал отчеты после туров, делала много ошибок, и он попросил найти кого-нибудь пограмотнее. В редакции рижского журнала «Шахматы» работала привлекательная и опытная девушка, перворазрядница Геля Петухова, она и взялась в свободное время помогать Талю. Геля и Михаил были знакомы и раньше, но на этот раз у них вспыхнул роман, и каждый их вечер заканчивался кафе-мороженым. Через два года состоялась свадьба, а в 1975-м на свет появилась дочь Жанна.

В отличие от Салли, Геля целиком посвятила себя семье и некоторое время держала непредсказуемого мужа в ежовых рукавицах. Она делала все, чтобы побороть его болезни, много раз вытаскивала с того света, была ангелом-спасителем для Михаила. Но шахматный король не мог усидеть в четырех стенах. Что поделаешь, Таль не был рожден для семейного очага. Да и в быту он был как ребенок. Вспоминая недавно об отце, Жанна написала, как однажды, когда ей было лет восемь, они решили сварить макароны. Она знала, как включить газ, а папа прочел в кулинарной книге, что макароны надо бросать в кипяток. Сварили, а вот как достать макароны из кастрюли, в книжке не было ни слова. Отец придумал сливать воду через кухонное полотенце. Так они и сделали. А когда вернулась мама, она показала на дуршлаг, который висел прямо у них перед носом.

В конце концов Геля тоже решила эмигрировать, тем более что в Риге возникли проблемы. На квартиру Талей посягнул ее бывший владелец (разумеется, досоветского периода), и самому знаменитому человеку в республике было предложено либо перебраться в более скромные апартаменты, либо выкупить свою жилплощадь за пятнадцать тысяч долларов, в то время очень большая сумма. Но ведь Таль никогда не копил денег...

Геля с Жанной предпочли Германию и поселились неподалеку от

Кельна, в доме немецкого шахматного энтузиаста Эрнста Эймарта, горячего поклонника Таля. Впрочем, все пути в Европу лежат через Германию, и Таль часто заезжал к жене и дочери, всячески поддерживал семью. А когда его не стало, для Гели наступили тяжкие времена, ее материальное положение сильно пошатнулось.

Через пять месяцев Эймарт умер, и тут оказалось, что он завещал свой дом Талям. В сложившейся ситуации Геле разумно было продать его, но дом требовал серьезного ремонта. В запущенном состоянии никто не желал его приобретать, а привести его в надлежащий вид не хватало денег. Получался такой замкнутый круг. Примечательно, что в эти нелегкие дни Геле и Жанне очень помогала Салли. Правда, в дальнейшем они резко высказались по отношению друг к другу, и дружба оборвалась.

Одаренная Жанна училась музыке, но из-за недостатка средств ей едва не пришлось уйти из гимназии. Чтобы прокормить себя и дочь, Геля не отказывалась от самой черной работы. В результате, дочка поступила в консерваторию в Бонне, которую, впрочем, бросила из-за конфликта с преподавателем. Впоследствии их материальные дела улучшились. Жанна переориентировалась на компьютеры, а Геля, овладев немецким языком, работала сразу в нескольких местах. И, главное, ей, наконец, удалось продать дом, после чего они



*Михаил Таль со второй женой
Ангелиной (Гелей Петуховой)*

поселились в двух приличных квартирах, и все денежные проблемы остались позади.

Жанна сумела получить актерское образование и дипломы Высшей театральной школы и курсов повышения квалификации у лучших профессоров по вокалу и театральному искусству, пять лет играла в театре. Прожив в Германии много лет, она стала все чаще появляться в Риге, создала «Фонд Михаила Таля», ежегодно проводит детские турниры, посвященные памяти отца. А несколько лет назад она неожиданно решила совсем вернуться на родину, где прошли ее лучшие годы с отцом.

С помощью юристов вместе со своим сводным братом Георгием Жанна зарегистрировала торговую марку «Михаил Таль». В Риге она дает уроки всего, чем овладела сама, — актерского мастерства, фортепьяно, вокала и немецкого языка, делает переводы. Жанне нравится, что театральная жизнь здесь богаче, чем в Германии. Теперь и ее мать подумывает о том, чтобы перебраться в Ригу, на чужбине она чувствует себя одиноко.

О большинстве талевских подруг, скрашивавших его существование, можно сказать, что ими владела «одна, но пламенная страсть». Поочередно они буквально преследовали

с цирком в Сочи и перед очередным спектаклем решила поплескаться в море. Заплыв метров на двадцать, она вдруг заметила на берегу Талья.

— Миша, я здесь! — крикнула она. — Иди ко мне!

Таль обрадовался и ринулся на встречу циркачке. Но море в тот день штормило, и, сделав несколько шагов, Таль взмахнул руками и скрылся под водой. Девушка смертельно перепугалась и изо всех сил стала звать на помощь: «Быстрее сюда! Таль тонет!» Плавающие неподалеку мужчины нырнули поглубже и вмиг вытащили тонущего человека. Гроссмейстер немного хлебнул воды, но



*Михаил
Таль*



*Салли
Ландау*

гроссмейстера и редко упускали тот счастливый миг, когда их избранник получал солидный чек за победу в турнире, всегда оказывались тут как тут. Правда, бывали и исключения.

Когда-то Таль увлекся одной циркачкой-акробаткой. Потом они расстались и не виделись много лет. Однажды девушка гастролировала

быстро пришел в себя. Случайные спасатели не поверили своим глазам: «Смотрите, и, правда — Таль...» Наконец он встретился взглядом со своей подругой и улыбнулся:

— Как я рад тебя видеть!

— Мишенька, милый, зачем же ты вошел в такое беспокойное море, если не умеешь плавать?

— Дорогая, но ты же меня позвала...

В начале 1990-х с Талем неотлучно находилась ленинградка Марина Филатова. Ко многим приключениям Михаила на любовном фронте его друзья (а кто не считал себя его другом?!) относились снисходительно, но Марина, кажется, вызывала всеобщий протест. Да, вкусы и пристрастия гения шахмат иногда удивляли окружающих. Однако в трагические месяцы 1992-го Марина вела себя безукоризненно, берегла и спасала больного Таля, а в последние дни взяла на себя самые трудные обязанности, с которыми не справилась бы ни одна медсестра. После смерти любимого человека она вышла замуж и родила сына, которого, естественно, назвала Мишей. И почти сразу после родов покинула своего мужа. Больше он ей был не нужен: теперь у нее снова появился Мишенька, в нем и сосредоточился весь смысл ее жизни. Эта история настолько трогательна, что похожа на святочный рассказ.

У Таля еще в юном возрасте обнаружился целый клубок болезней. Но беречь свое здоровье было не в его правилах. Наоборот, он делал все, чтобы погубить себя: не выпускал из рук сигарету, много пил, о чрезмерных увлечениях прекрасным полом мы уже не говорим. Умер Таль в одной из московских больниц, ему было всего пятьдесят пять (как и Петросяну, ушедшему на

восемь лет раньше). Марина была единственной женщиной, находившейся рядом в его последние минуты. Геля, прилетевшая в то же утро из Кельна, металась по Москве в поисках лекарств, которые уже не могли помочь. (О том, что ее бывшему мужу совсем плохо, ей сообщили лишь за два дня до смерти). У Георгия возникли какие-то осложнения с визой, и он появился в Москве спустя три часа после смерти отца. Он позвонил матери, которая не сразу поверила в то, что ее любимого Таля больше нет. Она тоже прилетела на похороны, которые состоялись в Риге, куда перевезли гроб с телом шахматного короля. Так обе жены Таля — и первая, и последняя — оказались вместе, обе у себя на родине. Марины при этом, естественно, не было.

Однажды, когда Салли и Михаил были еще молодыми, Таль пошутил: «Если я когда-нибудь умру, то памятник на мою могилу придется ставить тебе». Поразительно, но все получилось именно так, как он предсказал. Приехав через шесть лет после смерти Миши в Ригу и посетив еврейское кладбище, Салли пришла в ужас: на могиле Таля, кроме горстки земли, ничего не было. «Куда же делись его многочисленные друзья, ведь многие из них давно разбогатели?» — с горечью подумала она. И в 1998-м именно Салли поставила памятник гению шахмат. □



*Екатерина
Ермолаевна Керн,
Михаил Иванович
Глинка.*

*Портреты работы
Виктора Ома*



Чудное мгновение...



*... А печаль, а печаль
Как же она подступает сюда?*

Классическая китайская поэзия

... Любовные истории рассказываются с тех самых пор, как люди научились общаться друг с другом. С тех самых пор поют, пишут и рассказывают о властительнице сердец человеческих. Только тема от этого нисколько не умаляется — она прибывает. Маленькие ручейки историй о любви вливаются в безбрежный океан, но не исчезают, не растворяются в нем и не пропадают.

И не одна из них не повторяется!

Я давно собирался побывать в родовом гнезде «русского гения» на все времена — выдающегося композитора Михаила Ивановича Глинки, в селе Новоспасском, помня историю несбывшегося счастья Михаила Ивановича. И когда мне это удалось, здесь, в его имении, среди атмосферы, которой дышал великий музыкант, все зазвучало по-иному...

Вспомнилось древнее японское изречение — «Прекрасное всегда печально, а печальное — прекрасно!»

Они любили, но не могли соединиться — он был женат. Пришлось преодолевать житейские и светские условности, сносить злобность, ненависть, тайные козни злопыхателей и завистников.

С первых шагов эта хрупкая любовь оставалась неудовлетворенной, убивала самое себя...

Михаил Иванович навсегда запомнил тот тягостный вечер, ставший роковым для него, но — подаривший Катеньку!

Какой удивительный поворот судьбы! Он, вернувшись тогда домой, хотел увидеть жену и быстро прошел на ее половину. Ей с утра нездоровилось, и, удивившись, что комната ее пуста, он решил, что Мария Петровна ушла к своей матушке, которая проживала в этом же доме, и направился туда.

Хотя дверь была плотно прикрыта, Михаил Иванович услышал голоса, глухо раздававшиеся из комнаты, и замер, не в силах сдвинуться с места. Как же была права его мать! Не зря она так ругала его за непостижимую для истинного мужчины терпимость и за мягкий характер, граничащий с отсутствием воли вообще... И вот, похоже, итог отсутствия этих самых качеств не заставил себя долго ждать. Прямо в его доме эта гнусная сводня — теща, договаривалась с каким-то мужчиной о свидании с его женой.

Глинка давно уже замечал, как заглядывалась Мария на «блестящих» молоденьких офицеров, как вспыхивали ее щечки, как теряла она дар речи перед сановниками и власть имущими.

Как же они оказались далеки друг от друга!

Он витал в «облаках», в своих музыкальных грезах, и был полностью погружен в бесконечно меняющиеся образы.

А она? Она — молодая, красивая, прекрасно образованная — жаждала наслаждений, блеска, всеобщего поклонения и феерической любви. Была ненасытной в плотских и светских утехах. А музыка... если и представляла для нее некий интерес, то только с одной стороны — как источник славы и денег.

Именно денег ей и мамаше требовалось все больше и больше. Это уже была не жадность, а настоящая алчность, с постоянными упреками, капризами и скандалами.

Деньги требовались жене на неисчислимое количество нарядов, на роскошную квартиру, на бесконечные светские развлечения. Но, оказывается, алчность и бездуховность — еще не самое страшное. Намного страшнее хладнокровный цинизм, ложь, измена и предательство.

Михаил Иванович был буквально оглушен тем, что услышал, но огромным усилием воли заставил себя не ворваться в ту комнату и...

«Нет-нет — прошептал он, едва сдерживаясь. — Это унижение перед ними, плебейство... так поступают только психопаты и молоденькие кур-систики. А я — зрелый мужчина!»

Теперь нужно взять себя в руки, собраться с мыслями и... разводиться. Да-да, незамедлительно! Навсегда забыть эту грязь, забыть этот кошмар, который опустошает сердце, мучает и, главное, расстраивает высокий строй души, необходимый для творчества.

Стиснув кулаки так, что они побелели, Михаил Иванович резко повернулся и вышел из дома...

Он направлялся, идя по вечернему Петербургу, к дому своей сестры, которую тоже, по иронии судьбы, звали Машенькой. Это родное существо он любил больше всего на свете. Сестра тоже обожала Мишеля, верила в его необыкновенный талант и относилась к нему с материнской лаской. Главное же — была такой искренней и родной... Машенька была замужем за Дмитрием Степановичем Стунеевым, работавшем в Смольном институте благородных девиц.

У Машеньки и Дмитрия были гости. Сестрица, бегло взглянув на брата, сразу поняла, что он не в себе, увела его в дальнюю комнату, принесла ужин. И пока он изливал свою горечь, всю боль своей души, сидела напротив и жалостливо, по-матерински, смотрела на него. А он, выговорившись, почувствовал себя намного лучше.

Быстро поужинав, Михаил Иванович вышел в гостиную, где уже собрались гости, и... увидел Ее... С виду ей было всего лет двадцать. Хотя она не отличалась ослепительной красотой, он сразу почувствовал некий магнетизм, исходящий от нее, и не мог отвести взгляда от девушки. Фигура, жесты, движения, голос — все было наполнено особого рода достоинством. И еще — необыкновенные, очень выразительные глаза!

У них завязался непринужденный разговор. Глинка был буквально сражен. Он сразу оценил незаурядный ум, душевную тонкость и искреннюю любовь к музыке, понимание ее, как чего-то возвышенного и божественного...

Подошедшая Машенька представила девушку Михаилу Ивановичу:

— Екатерина Ермолаевна Керн — наша классная дама...

— Керн?! — изумился Глинка. И вмиг в сознании пронеслось давнее знакомство с прекрасной женщиной, воспетой Пушкиным. Он смутно помнил и ее дочь — девчужку лет семи-восьми. Неужели это — она?!.

Михаил Иванович внимательно посмотрел на нее. В облике дочери не было той материнской «чистой красоты», но некое сходство присутствовало — и не только в «милых чертах», а, скорее, в грации, обаянии и подкупающей непосредственности...

«Она же дочь генерала, почему же зарабатывает на жизнь, служа в обычной и не очень богатой семье?.. Что-то не так...подобное случается редко и только при особых обстоятельствах», — подумал Глинка.

Оказалось, что родители Катеньки давно вели бракоразводный процесс. Михаил Иванович не знал об этом, он вообще многого не замечал, что выходило за рамки его музыкальных интересов. В свете сплетничали, что этот процесс больше похож на военные действия, чем на обычную юридическую формальность. Слухи дошли и до императрицы. Будучи весьма сердобольной, она решила оградить девочку от «воюющих» супругов и устроила Катюшу на казенное воспитание в Смольный. Училась Катенька блестяще — была круглой отличницей. А после окончания учебы ей предложили это место классной дамы. Она сразу согласилась, поскольку по характеру была девушкой самостоятельной, свободолюбивой, жаждущей материальной независимости.

И вот они встретились. Глядя на их оживленную беседу, Машенька радовалась, в глубине души надеясь, что благодаря этой девушке несчастья брата, наконец, исчезнут. После знакомства с Катей Глинка стал жить у своего давнего друга либреттиста Нестора Кукольника, но теперь часто приходил в дом сестры, чтобы встретиться с прелестной Катенькой...

Узнав, что чувство его взаимное, он буквально зацеловал сестру и, кружа ее по комнате, приговаривал:

— Как она мила — божество — неземное создание!..

Любовь к Катеньке — поэтичной, умной, чувственно-трогательной, была полной противоположностью домашнему аду. Так неожиданно пришло настоящее очищение от боли и разочарований.

Однажды, во время очередного посещения сестринского дома, он подошел к Катеньке, протянул ей нотный альбом и тихо попросил:

— Пожалуйста, пока не открывайте!

Она взволнованно взяла в руки альбом и мельком прочла: «Екатерине Керн посвящается». Покраснела и влюблено посмотрела ему в глаза.

Взоры их встретились. Они несколько мгновений так и стояли в полном молчании, скованные своим чувством и возникшей неловкостью.

Наконец Михаил Иванович, будто опомнившись, бросился к спасительному роялю. Слегка, дрожащими пальцами коснулся клавиш и запел выразительным, мягким, чувственным голосом:

«Я помню чудное мгновенье;
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...»

Катенька замерла от неожиданности. Ведь стихи эти, написанные Пушкиным, были посвящены ее матери, Анне Петровне Керн. А теперь их дарили ей, дочери. Дарили не только эти замечательные слова, но и изумительную мелодию, звуки которой поднимали над прозой бытия, над обыденностью...

Она слушала, прижимая к груди нотный альбом, и по лицу ее текли горячие слезы благодарности. В альбоме оказались еще две вещи композитора, преподнесенные ей с посвящением, — ноктюрн «Разлука» и романс «Если встречу с тобой», написанный на слова поэта Алексея Кольцова.

— Боже, — шептала Катенька, — какой подарок! Сколько нежности и страстности в его сердце...

Когда растаяли последние звуки, композитор обернулся и молча посмотрел на нее, восхищаясь девичьей непосредственностью и счастьем, осветившим ее лицо.

... Но счастья миг неуловим. И любовь их — чистая, горячая, искренняя, — не успев вспыхнуть, мгновенно подверглась беспощадным испытаниям жесткого, холодного, буднично-тягостного бытия...

Анна Петровна Керн, уже не Керн, а Маркова-Виноградская, жила тогда на грязной улочке в Петроградской стороне. Не думала она, конечно, что придется и готовить, и убираться в доме, и даже научиться варить варенье, но никогда не жаловалась — все это неважно, если рядом любимый муж — добрый, внимательный, любящий. Она обрела покой и надежную опору. Переживала только за Катеньку. Материнское сердце чувствовало — много испытаний и страданий ждут дочь в любви ее к Мишелю Глинке. Катюша без ума от него — и есть от чего. Потрясающий талант, успешный композитор, со связями и хорошей репутацией в свете... И мужчина — обаятельный и симпатичный... Но он — женат!

Его жена — наглая, дерзкая, эксцентричная и сумасбродная под всяческими предложениями оттягивала развод и устроила настоящую травлю на композитора.

В тот вечер Анна Петровна пригласила влюбленных к себе на ужин. Хотелось поговорить, поддержать, дать понять, что она, мать, всегда будет на стороне их светлого чувства. Но Михаил Иванович не пришел. Случилось непредвиденное — умер его младший брат Андрей.

Убитый неожиданным горем Глинка уехал на Смоленщину, в Новоспаское. Пока оплакивал брата, пришло известие из Петербурга — тяжело занемогла Катенька. Он бросился обратно в столицу. Увидев, в каком состоянии Катенька, Михаил Иванович сразу же заявил, что увезет ее лечиться за границу. Но тут его решению сразу воспротивилась вся родня, и Катенькина, и Мишеля. Мать композитора считала, что этот поступок окончательно погубит его репутацию.

Совместная поездка за границу так и осталась только в мечтах...

Но оставалась и болезнь. Врачи настаивали, что Катеньку нужно лечить, и непременно рекомендовали юг. Было решено поехать для поправки здоровья в Лубны, на Украину.

Вот что записал в те трудные дни сам Михаил Иванович.

«Матушка выслала деньги на имя Соболевского. Я держал втайне свое намерение. Получив 7000 руб. ассигнациями, не теряя времени, приступил к делу: купил карету для Е.Е. и ее матери. Заказал дорожную коляску и для себя — я хотел уехать из Петербурга, поэтому собрание романсов и названо «Прощание с Петербургом».

В начале августа все было готово к отъезду дам в южную Россию.

9 августа Кукольники устроили для меня прощальный вечер, а 11 августа я выехал из Петербурга. В Гатчине мы съехались с Е.Е. и ее матерью. Я проводил их до Катежны. Они поехали на Витебск, а я на Смоленск».

Предполагалось, что Катя с матерью поедут в родовое имение Тригорское, а Михаил Иванович, побывав в Новоспасском, присоединится к ним.

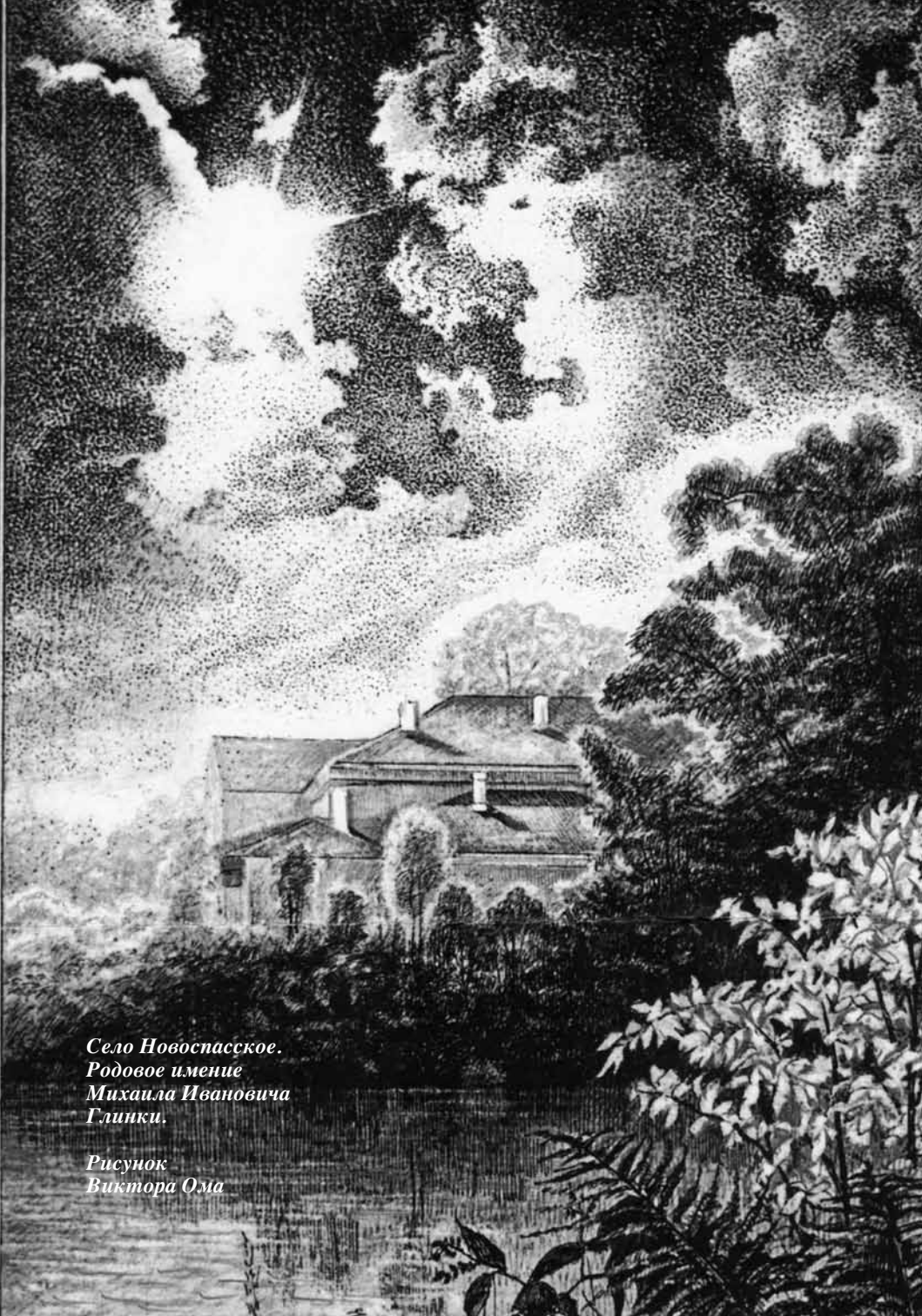
Но и этим планам не суждено было осуществиться...

Михаил Иванович заболел. Его свалила жесточайшая горячка. А после мучительного и долгого выздоровления сразу навалилась неотложная работа. Потребовалось его присутствие в Петербурге, он должен был написать музыку к новой трагедии Нестора Кукольника «Князь Холмский». Прибыв в столицу, Глинка сразу же оказался в невыносимой атмосфере. В самом разгаре был его бракоразводный процесс, и до него доходили самые нелюбезные слухи. Светские злопыхатели упивались невероятной новостью: жена Глинки, Мария Петровна, еще не разведенная с ним, обвенчалась с камер-юнкером Васильчиковым.

Композитора донельзя изматывала вражда завистников и непонимание близких. Он был на пределе человеческих сил, ужасно страдал, но продолжал работать. Иногда силы совсем покидали его, и хотелось только одного — спрятаться от всех, исчезнуть, забыться...

Катенька была далеко, а разлука для любви часто оказывается губительной.

Глинка с нетерпением ждал ее писем, но в них все чаще, наряду со словами любви и желания поскорее свидеться, вплетались ядовитые змейки упреков и раздражения. Михаил Иванович негодовал, не мог понять, откуда эти упреки, эта глупая, бессмысленная ревность? Он подозревал, что виной всему этому Катенькины родственники. Это они нашептывали ей всяческие небылицы и беспардонно вмешивались в их отношения. Он подолгу сидел в тягостном оцепенении над ее письмами, чувствуя, как невыносимая боль охватывает душу...



*Село Новоспасское.
Родовое имение
Михаила Ивановича
Глинки.*

*Рисунок
Виктора Ома*

И вот наступил момент, когда они снова встретились. Выздоровевшая и окрепшая Екатерина Ермолаевна вернулась в столицу. Он в первый же день поехал к ней. И... о, ужас! Это был по-настоящему страшный день. Они стояли, глядя друг на друга и чувствуя, что вся прежняя поэзия чувств неожиданно испарилась...

Михаил Иванович смутно помнил, о чем именно они говорили в тот вечер. Это был полный крах их любви!

Глинка еле добрался до своего дома. Сердце его сдавливала невыносимая боль, он никак не мог смириться с тем, что любовь умерла.

Катенька испытывала те же чувства... Все дни после свидания сидела у рояля, почти ни с кем не разговаривала, и все наигрывала мелодию дорожного ей вальса-фантазии, ставшего отблеском умершей любви — единственной и несравненной...

...Наступил час их последней встречи в этой земной жизни.

Он неожиданно появился на пороге ее дома. Катенька испугалась, ощущая одновременно и сильный озноб, и жар, когда они оказались рядом. Он виновато поздоровался и, как всегда, чуть смущенно сказал, что пришел проститься, так как уезжает в Европу. Явно волнуясь, шепнул ей, что едет без особой цели и без предмета... Но, надеется, что Париж, Мадрид, Вена и Варшава сами по себе способны одарить яркими впечатлениями и дать новый толчок для вдохновения. Ведь музыка — единственно верная спутница его жизни.

Не подозревал Михаил Иванович, что слова его окажутся пророческими — в Россию он больше не вернется. Из жизни уйдет далеко от Родины и от единственной своей любви — Катеньки Керн. Умрет в Берлине, среди совершенно чужих людей...

После разлуки с Глинкой Екатерина Ермолаевна стала жить одиноко. Она тяжело переносила общество и почти совсем отказалась от светской жизни.

Теперь для нее вся прелесть бытия сосредотачивалась около свечи... и в полной тишине. Ставила свечу на окно, садилась у рояля и подолгу сидела одна, со своими мыслями и воспоминаниями.

Бесстрастное время вершило свою работу. Падал и кружился белый-белый снег, обрушивались на город Петра листопады, и вновь серебрились снега, а потом в изумительно-чистой лазури бездонного неба снова сияло ласковое весеннее солнышко...

А она все чего-то ждала. Уже и сама не понимала, чего, — но ждала. И рыдала, оплакивала любовь, которая оказалась такой хрупкой и беззащитной...

Так прошли семь лет — без него, но и всегда — всегда с ним!

Замуж она вышла только в тридцать четыре года. Через год родила сына, а еще через год пришло печальное известие — умер Михаил Иванович Глинка.

Судьба Катеньку не жаловала. Когда сыну исполнилось всего пять лет, умер муж, и она осталась совсем одна, без поддержки и помощи. Было очень трудно, порой просто голодно. Пришлось даже устроиться гувернанткой в одну богатую семью, чтобы просто как-то выжить...

В 1904 году Екатерина Ермолаевна Шокальская скончалась, почти на полвека пережив необыкновенную любовь, навсегда запечатленную в нежной мелодии, написанной великим композитором.

Ее сын, Юлий Михайлович Шокальский, стал выдающимся ученым. Географ, известный путешественник, удостоенный звания академика.

Вспоминая мать, Юлий Михайлович говорил, что до самого последнего вздоха она не забывала ни свою несостоявшуюся любовь, ни своего Мишеля.

Он остался с нею — навсегда!

Вечерело... Я возвращался в Москву. Смотрел из окна автобуса на догорающий закат, на опускающуюся с неба нежную сиреневую мглу и размышлял о быстротечности жизни и любви ... □



Евгения Гордиенко

ПОБОЛЬШЕ

ВСЯКИХ ГЛУПОСТЕЙ!



В 1928 году некая миссис Р.Г. Харгривз продала на аукционе Сотби за 15 400 фунтов стерлингов некую рукопись. Покупателем стал американский книготорговец А.С.Розенбах, который через 20 лет продал ее Великобритании. С тех пор рукопись живет в Британском музее в Лондоне.

Все это не имело бы никакого значения, если бы в девичестве миссис Харгривз не звали Алисой Лиддел, а рукопись не была бы написана рукой Льюиса Кэрролла.

Льюиса Кэрролла не помнят, как математика. Впрочем, если быть математически точным, Кэрролл им и не был. Доктором математических наук был Чарльз Лютвидж Доджсон. Именно он имел сан диакона (и носил титул «преподобный»), именно он преподавал в оксфордском колледже «Церкви Христовой». Собственно, отсюда и сан — в этом колледже могли преподавать только лица духовного звания.

Он был чопорным, как и подобает преподавателю, диакону и сыну священника, и, в то же время, неисправимым фантазером.

Обязанности члена колледжа не отнимали у Доджсона много времени, поэтому часто он проводил свободные часы с детьми. Не со своими, их у него, как и семьи, никогда не было. Об этом теперь часто пишут и пытаются-

ПОБОЛЬШЕ ВСЯКИХ ГЛУПОСТЕЙ!



ся найти у сказочника Кэрролла любовь к детям совсем иного толка. Но нам вряд ли стоит приближаться к этой теме, оставим это изданиям другого рода.

Чаще всего Доджсон проводил время с дочерьми ректора Лиддела: Лориной, Алисой и Эдит.

Именно с ними в пасмурный (по данным Королевского метеорологического общества) день 4 июля 1862 года доктор Доджсон и отправился на прогулку по Темзе.

Он, вместе со своим молодым коллегой Даквортом, сидел на веслах, Алиса — любимица доктора — была на руле. Они расположились на привале, и девочки, конечно, тут же затребовали сказку. Сам Доджсон вспоминал позднее: «Я очень хорошо помню, как в отчаянной попытке придумать что-то новое я для начала отправил свою героиню под землю, по кроличьей норе, совершенно не думая о том, что же с ней будет дальше».

Путь для Алисы (героиню Кэрролл назвал в честь заказчицы сказки) нашелся быстро, ведь девочка сама попросила: «Пусть там будет побольше всяких глупостей, хорошо?»

И Кэрролл придумал немало глупостей: и про Безумного Шляпника, и про мышшь Соню, и про птичку До-До. В последнем персонаже писатель изобразил самого себя, потому что, произнося свою настоящую фамилию, часто заикался, вот и получалось «До-До-Доджсон».

«Алиса в стране чудес» вообще похожа на шкатулку с секретом. Почти у каждого персонажа был свой прототип. Причем это мог быть как человек, известный только семье Лидделов (например, мышшь Соня — это гувернантка девочек мисс Прикетт, которая любила вздремнуть, попугайчик Лори — старшая сестра Алисы Лорина, орленок Эд — младшая Эдит), так и образ, понятный всей английской нации, вроде Белого Рыцаря или Чеширского кота.

Ровно через 3 года после того пасмурного июльского дня доктор Доджсон (а теперь уже Льюис Кэрролл) подарил Алисе первый авторский экземпляр книги.

Псевдоним Доджсон выбирал долго и тщательно. Путь к новому имени был не простым, но математически выверенным. Первое имя — Чарльз — было дано писателю в честь отца, второе — Лютвидж — в честь матери. Он подвергнул их двойной трансформации: сначала перевел — «Чарльз Лютвидж» — на латинский язык, что дало «Каролюс Людовикус», затем поменял их местами и перевел «Людовикус Каролюс» обратно на английский. Получилось — «Льюис Кэрролл».

Нельзя сказать, что из Доджсона-математика просто так взял и появился Кэрролл-писатель. В юности он мечтал стать художником, много рисовал — и углем, и карандашом, иллюстрировал рукописные журналы, даже посылал свои рисунки в юмористическое приложение к «Таймс», но там их отвергли. Чарльза, к счастью, это не отвратило от творчества — он занялся фотографией, а по тем временам дело это было довольно трудным: фотографии снимались с длительной выдержкой на пластинки, покрытые специальным раствором. Проявлять их нужно было сразу же после съемки. Доджсон фотографировал многих своих великих современников: Фарадея, Томаса Гексли, Теккерея. Спустя почти сто лет (в 1855 году Доджсон стал профессором математики в Оксфорде), в 1950 году в Великобритании была издана книга «Льюис Кэрролл — фотограф», где публиковались 64 его работы.

Он постоянно занимался «гимнастикой ума». Страдая бессонницей, долгими ночами придумывал математические головоломки, называя их своими «полуночными задачами». Потом даже издал книгу «Математические курьезы».

От бессонницы ли, или по какой-то другой причине, Доджсон очень много работал: рано вставал и тут же, едва приведя себя в порядок, садился за письменный стол. Он не обедал, чтобы не прерывать работу, достаточно было печенья, чая или стаканчика хереса, чтобы продержаться до ужина...

В деловых вопросах Доджсон был весьма педантичным (странно, что эти слова относятся к человеку, придумавшему: «Когда тебе дурно, всегда ешь занозы», или «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?»).

Он очень любил переписываться с близкими и друзьями. Его переписка, даже с точки зрения времен нынешних, давно отвыкших от эпистолярного жанра, производит грандиозное впечатление. Из написанных им писем сохранилось «всего» 1305. Но журнал регистрации переписки профессора за 30 лет содержал сведения о 98 921 отправленном письме. Загляните в свою электронную почту. Даже если там стоит сопоставимое число, вспомните, сколько времени нужно потратить на письмо рукописное.

Однако Кэрролл не был бы настоящим англичанином викторианской эпохи, если бы не совершил в жизни хотя бы парочку эксцентричных по-

ПОБОЛЬШЕ ВСЯКИХ ГЛУПОСТЕЙ!



ступков, давших современникам возможность покрутить пальцем у виска.

И повод был вполне достойный — он поехал путешествовать. Но не во Францию, Италию или в Вену, как было тогда принято, а... в Россию.

Во время этого путешествия Кэрролл, уже ступивший на писательскую стезю, вел «Дневник путешественника в Россию в 1867 году». Взяв с собой приятеля Лиддона, он отправился покорять неизведанный северный край.

В поезде попутчиком путешественников оказался англичанин, проживший в Петербурге 15 лет и возвращавшийся из Лондона. Кэрролл пишет, что спутник очень помог им некоторыми советами относительно пребывания в России, но и «нарисовал весьма мрачную перспективу, сообщив, что лишь немногие говорят на каком-либо другом языке, кроме русского. В качестве примера необычайно длинных слов, встречающихся в русском языке, наш спутник привел слово «защищающихся», которое, если его записать английскими буквами, выглядит так: «zasht sheeshtshayoushtsheekhshya».

Спутником Кэрролла и Лиддона оказался довольно известный в России господин Мюр, совладелец известной торговой фирмы «Мюр и Мерилиз». Позже, уже в России, он показал им несколько достопримечательностей, включая и Петергоф.

Если Петербург показался Кэрроллу суховатым, похожим на многие европейские столицы, то Москва его очаровала: «Пять или шесть часов мы бродили по этому чудесному городу, городу белых и зеленых крыш; конических башен, вырастающих одна из другой, подобно коленам складной подзорной трубы... наконец, мостовых, изрытых ухабами, словно вспаханное поле, и извозчиков, настаивающих на особой плате в 30 копеек сверх положенного «ради праздника» (дня рождения императрицы)...»

Вернувшись на родину, он продолжает быть тем, кем был — профессором математики, Чарльзом Доджсоном. Но Льюис Кэрролл настойчиво просит-

ся наружу, и в 1871 году появляется вторая книга про Алису — «Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса». Но это уже другая Алиса, вовсе не Алиса Лиддел. А дело было так...

...Доктор Доджсон поехал к своему дядюшке в Лондоне. Там гостили какие-то дети, и одну из девочек звали Алисой. Он вышел во двор, где дети играли, представился девочке и сказал: «Я очень люблю Алис». Это была Алиса Рейке, дальняя родственница Доджсона.

Он предложил юной Алисе загадку, подведя ее к зеркалу в гостиной и дав в руки апельсин:

— В какой руке ты держишь апельсин?

— В правой, — сказала Алиса.

— Теперь посмотри на ту маленькую девочку в зеркале. А она в какой руке держит апельсин?

Внимательно посмотрев на свое отражение, Алиса ответила:

— В левой.

— Как это объяснить?

Алиса снова задумалась, но все же дала ответ, по-женски заканчивающийся вопросом:

— Ну а если бы я стояла по ту сторону зеркала, апельсин ведь был бы у меня в правой руке, правда?

От ее ответа Доджсон пришел в восторг и сказал, что лучшего ответа не слышал в жизни. И книжка про эту Алису началась, конечно, с зеркала... □





КУПЕЧЕСКОЕ СЛОВО



Поздним декабрьским вечером 1902 года купец второй гильдии Никифор Тимофеевич Ильин постучался в дверь красивого двухэтажного купеческого особняка семьи Теличкиных — его сестры Клавдии Тимофеевны и ее мужа, купца первой гильдии Игната Петровича.

Дверь сразу же открылась, и Клавдия Тимофеевна, радостно приветствуя брата и помогая ему снять тулуп, с улыбкой проговорила:

— Что, братик, снежок-то все метет и метет.

— Да уж, с самого утра. Если не прекратится, к ночи не то что двери, ворота заметет. Надо дворника кликнуть, чтоб хоть немного дорожки расчистил, — по-хозяйски деловито заметил поздний гость и, пригладив волосы перед большим зеркалом в резной деревянной раме, прошел в гостиную.

В центре комнаты на столе, покрытом белоснежной кружевной скатертью, дымился самовар, в канделябрах ярко горели свечи, от которых было светло и веяло домашним уютом.

— А хозяин-то где? Небось, опять в своем кабинете засиделся? — спросил Никифор Тимофеевич, подходя к жарко натопленной печке, чтобы погреть озябшие руки.

— Да где ж ему быть? В кабинете, как всегда, — досадливо махнула рукой сестра.

Действительно, Игнат Петрович любил засиживаться допоздна над своими бумагами. В городе он был человеком известным, торговлю вел обстоятельно, с размахом. Непростое купеческое ремесло начал постигать сызмальства — сначала в лавке старшим братьям помогал, а как подрос, отец стал давать ему поручения и посерьезнее, постепенно приучая к самостоятельности.

Игнат и Никифор дружили с детства и мечтали о том, что, когда вырастут, обязательно откроют собственные лавки и магазины и станут богатыми купцами. Повзрослев, Игнат начал присматриваться к сестре Никифора — уж очень хороша была статная улыбчивая Клавдия. Вскоре сыграли пышную свадьбу, на которой гулял почти весь городок, а через некоторое время, породнившись, друзья решили открыть совместную торговлю. Но что-то не пошло — не заладилось, и каждый потихоньку занялся своим собственным делом. Никифор держал небольшой магазин и три лавки, дававшие прибыль, так что капитал медленно, но накапливался. А вот Игнат любил рисковать, правда, риск его был оправданный — ведь торговал он не мелочью, а заморскими пряностями и дорогим чаем.

Но в последнее время торговля шла туговато, вот и уединялся он по вечерам в своем кабинете, изучая бумаги и обдумывая в одиночку проблемы и дела торговые.

Там и нашел его Никифор, без стука заглянув в кабинет.

— Вот, заскочил на огонек, давно с тобой и сестрой не виделись, — хитро прищурился он.

— Клавдия Тимофеевна! Ну-ка, готовь угощения, дорогой гость пришел, — обрадовано крикнул Игнат, обнимая старого друга.

— Да уж давно самовар горячий, а пироги и кулебяку еще с утра напекла, — певучим голосом отозвалась хозяйка.

Игнат и Никифор прошли в столовую и устроились за накрытым столом перед большим, весело посвистывающим самоваром. Когда было испито по четыре стакана крепкого чая и съедены почти все пироги, они снова уединились в кабинете.

— Знаешь, Игнат, не пришел бы я к тебе со своим делом, если бы не был ты моим близким другом и родственником, да и слово свое купеческое умеешь держать, не в пример некоторым, — начал издали Никифор Тимофеевич.

— Ну, что ж, коль доверяешь, рассказывай, — заинтересованно проговорил Игнат Петрович.

— Не знаю, с чего и начинать. Помнишь, у моей свояченицы был муж, который в прошлом году умер от запоя? Служил он мичманом в Кронштадте, хороший был мужик, царствие ему небесное, — мелко перекрестился Никифор Тимофеевич.

— Нет, что-то не припомню такого. Но если завел о нем разговор, давай, продолжай, — предчувствуя нечто необычное, поторопил друга Игнат Петрович.

— В прошлом году ездил я проведать его. Он уже с кровати не вставал, ноги совсем отказали, не ел ничего, весь высох, но держался из последних сил, — вздохнул Никифор Тимофеевич.

— Да, жаль мужика. Детишки, наверное, остались, — сочувственно произнес Игнат Петрович.

— Остались, но о них чуть позже. Так вот, в тот мой приезд поведал он мне одну интересную историю. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но, если не согласишься, не забывай, что купеческое слово дал никому не рассказывать, — вкрадчиво продолжал Никифор Тимофеевич.

— Что ты все купеческое слово поминаешь, я ведь его дал, значит, и держать буду. Не люблю я этих разглагольствований, — с раздражением проговорил Игнат Петрович.

— Да не кипятись ты, Игнат! Для меня, может, это самое главное дело в жизни, а ты тут со своими обидами. Ты же знаешь, что торговля идет неважно, и подняться можно только с солидным капиталом. Вот и опасюсь всего и вся.

— Мои дела не намного лучше твоих, — с грустью в голосе заметил Игнатий Петрович. — Ладно, рассказывай дальше.

— Было это зимой 1840 года. Недалеко от Кронштадта в Финском заливе затонуло английское торговое судно, а в его трюмах товара из колоний лежало на миллионы рублей. Англичане обратились к начальнику кронштадского порта с просьбой поднять судно, но он им отказал, сославшись на то, что подъем затонувших частных судов не входит в его обязанности. Тут, на удивление всем, к этому судну неожиданно проявил интерес купец Недоносков. Слышал о таком?

— Как же не слышать? Знакомств не водил, но знаю его, он еще бакалеей торговал. И про судно это что-то припоминаю, — задумчиво произнес Игнат Петрович.

— Ну, вот. Вызвался Недоносков судно поднять. Естественно, и про свой интерес не забыл. Груз подняли, Недоносков расплатился с нанятыми водолазами, получил свой процент от спасенного товара и был таков. А когда в порту пошел слухок, что купцу кто-то из портовых водолазов помогал, назначили расследование, после которого моего родственника

уволили. Он так и не смог потом никуда устроиться, хотя хорошим был специалистом в своем деле. Вот после этого запил и сгинул, горемычный.

— Жаль его, конечно, только не пойму никак, зачем мне об этом рассказываешь, нам-то какой интерес от этой истории? — возбужденно спросил Игнат Петрович, предчувствуя любопытную развязку. — Не тяни волну, говори конкретнее.

— Интерес наш в этом деле есть. Родственник рассказал, что, когда спустился в трюм, кроме ящиков с чаем и заморскими пряностями, там были еще четыре бочонка с монетами золотой чеканки. Об этой находке он никому не сказал, а завалил бочонки всяким мусором. Так как в той операции он был старшим, то и контроль, и досмотр осуществлял сам лично. Ему помогали еще двое водолазов, но одного перевели в другой порт, где он трагически погиб, а второго в прошлом году лошадь насмерть сбила. Выходит, только мы с тобой теперь тайну моего родственника знаем. Перед смертью он нарисовал план расположения судна и место, где спрятаны бочонки, и взял с меня слово, в случае, если все получится, один бочонок передать его семье. Я слово дал, даже икону целовал. Такие, брат, пироги... Вот и подумай, сладится дело — денег всем хватит, и нам, и семье родственника. Если откажешься, не забывай, что слово дал, я тогда сам что-нибудь придумаю.

— Дело непростое, надо серьезно подумать. А тебя, Никифор, я сегодня не отпущу, поздно уже, да и Клавдия тебе в гостевой постелила. Пошли спать, а о деле еще подумаем, — затушив свечу и выходя из кабинета, сказал Игнат Петрович.

На следующее утро он проснулся рано. Кухарка Марфа уже хлопотала у самовара, помогая хозяйке.

— Слава Богу, снег закончился, дворник все сгреб со двора и вывез. А денек-то какой! Морозец, воздух чистый, не надышишься, — улыбнулась мужу Клавдия Тимофеевна.

— Разговаривай потише, Никифора разбудишь. Пусть поспит, устал, небось, вчера, — предупредил ее Игнат Петрович.

— Какое устал! Он чуть свет вскочил и в лавку побежал. Дела, говорит, сестрица, — недовольно проворчала Клавдия Тимофеевна.

...Короткие дни летели один за другим, Игнат Петрович и не заметил, как прошла неделя, будто ее и не было. Как и обещал, к ним снова заскочил Никифор Тимофеевич.

— Как дела, родственничек? Как торговля идет? — приветствовал шурина Игнат Петрович.

— Да какая там торговля, только о нашем деле и думаю. Кое-что еще удалось разузнать, — заговорщически проговорил Никифор Тимофеевич. — Отыскал я знакомых в Кронштадте и письмо им отписал, мол, разрешите поселиться с родственником или помогите подходящую комнату подыскать. Со дня на день ответ должен придти. А я собираюсь в Балаклаву к дальней родне...

Вскоре Никифор Тимофеевич действительно уехал в Балаклаву, разыскал там заядлого ныряльщика Кольку Прохорова по кличке «Рапан», которую он получил за то, что торговал рапанами на базаре, и рассказал ему о затонувшем судне. Выслушав купца, Рапан сразу же согласился принять участие в этом авантюрном предприятии и клятвенно пообещал держать все в строжайшем секрете. Было решено, что он приедет к ним в городок, как только сойдет лед. Но он приехал раньше, погостил недельку у Никифора Тимофеевича, а потом съездил в Кронштадт, чтобы осмотреться на месте. На обратном пути Николай заглянул к Игнату Петровичу и... застрял в гостях. Уж очень приглянулась ему дочка купца Василиса.

Сидя за столом и опустошая очередную рюмку водки, Николай размечтался.

— Вот достанем клад, получу свою долю, куплю корабль, наберу команду и займусь перевозками. Дело верное и прибыльное. А потом приду к тебе, Игнат Петрович, и посватаю Василису. Не откажешь? — прищурившись, спросил он.

— Если люб будешь дочке и сумеешь дело наладить, что ж, подумать можно. А насчет покупки корабля, так корабли и по нашим рекам ходят, вот, Волга-матушка какова, не обхватишь, да и другие реки есть. Нам свои люди нужны, мы, чай, с Никифором торгуем, и ты, получается, вроде к месту, — дружелюбно усмехнулся Игнат Петрович.

Разговор закончился на том, что все самое трудное — еще впереди...

Наступила весна. Николай и Никифор Тимофеевич прибыли в Кронштадт. На все про все положили неделю, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Купили лодку, рыбацкие снасти, сняли комнату на двоих и стали изображать заядлых рыболовов.

В первый день осматривались и ловили рыбу — поймали с десяток плотвы да пару ершей, а вечером в комнате серьезно обсуждали предстоящие дела.

— Попробуем завтра поутру спуститься под воду. Если ориентиры правильные, я спущусь прямо к трюму, если же ошибка — недели нам не хватит, придется каждый метр вслепую прощупывать и рисовать новый план, — говорил Николай без своих обычных шуток-прибауток.

— Дай Бог, чтобы план был верным. Боюсь даже не столько ошибки, сколько гнева Игната. Ведь он один согласился спустить свои деньги на это дело и поверил мне, даже слово купеческое дал. — Никифор Тимофеевич был крайне озабочен.

Рано утром, еще до восхода солнца, тихо гребя веслами, поплыли к месту, указанному на плане. Хоть и не хотелось Николаю лезть в холодную воду, он разделся и с помощью груза, привязанного к веревке, спустился к затонувшему судну. В течение часа Рапан погружался в воду несколько раз, изучая корабль и ощупывая скользкие доски палубы. А потом они вернулись к себе, окрыленные тем, что все расчеты оказались верными. Так продолжалось три дня, Николай был уже совсем близок к находке, даже нашел дорогу к трюму, но тут случилось непредвиденное — то ли от ненастной погоды, то ли от холодной воды, у него вдруг поднялась температура, начался сильный кашель, и он слег. Через несколько дней к ним приехали Игнат Петрович и Василиса, узнать, как идут дела.

— Как же ты, Николай, не уберегся, так некстати хвороба накатила. Ну, что ж, лежи, не поднимайся, пока не выздоровеешь, — огорчился Игнат Петрович.

А Василиса заботливо подложила под голову Николая подушку с целебными травами и ласково провела рукой по его волосам.

— Вона, как дочка старается, подушку травами набила, она у меня мастерица, разбирается в этом деле. Да и ты, видать, ей не безразличен, — пытаюсь подбодрить Николая, произнес Игнат Петрович и повернулся к Никифору Тимофеевичу: — Значит, так, оставаться здесь долго не могу, много дел безотлагательных, надо на ярмарку ехать. Ты, Никифор, тоже собирайся, а то без тебя твои магазины окончательно разорятся. С Николаем Василиса останется, да и доктора найму, а все наши дела по судну оставим до лучших времен.

Найдя доктора и попросив его присматривать за Николаем до полного выздоровления, купцы быстро собрались и уехали домой. Василиса буквально не отходила от Николая, заваривала каждый день настои из трав и поила его из ложки, да и доктор, выполняя обещания, данное купцам, ежедневно навещал больного, но все равно выздоровление шло очень медленно.

Так прошло три месяца. Вестей из дома никаких не было, и деньги подходили к концу. Николай, наконец, поднялся, мог уже самостоятельно ходить по комнате, даже пытался делать гимнастику, а по вечерам, сидя у окна, рассказывал Василисе о Черном море, Балаклаве, о родном доме, о том, как там красиво и тепло.

— Знаешь, Василисушка, какое море огромное, как красиво бегут ба-
рашки по волнам, как приятно брести босиком по мокрому песку вдоль
берега. Красотища!

Скоро Николай окреп настолько, что мог возобновить свои ныряния
к затонувшему судну. Но как-то под вечер, когда они, как обычно, сидели
у окна, тихо переговариваясь, раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросила удивленная Василиса.

— Это я, Никифор Тимофеевич, чай, не узнали? — послышался за две-
рью сиплый голос.

Николай поднялся, открыл дверь и обнял неожиданного гостя. Вид у Ни-
кифора Тимофеевича был хмурый и озабоченный. Даже не раздевшись,
он сразу подошел к Василисе.

— Василисушка, собирайся домой, неладное случилось. Отец отпра-
вился на ярмарку, да так и не вернулся. Поеду его разыскивать. Ведь го-
ворил ему, не ездь в эту тьмутаракань, не послушался. Мать извелась вся,
просит тебя вернуться. Так ты не тяни, собирайся по-быстрому. А тебе,
Николай, придется самому теперь со всем разбираться. Не обессудь, де-
нег у нас больше нет, вот, последние привез, пришлось даже магазин про-
дать. Да и у Игната дела не лучше.

Василиса охнула, схватилась рукой за сердце и, медленно опустившись
на стул, заплакала.

— Значит, остаюсь за старшего и продолжу поиски, пока денег и терпе-
ния хватит, — твердо проговорил Николай и, подойдя к Василисе, обнял
ее за плечи.

Собрав свои вещи и показав на всякий случай Николаю, где сушится
трава, Василиса поспешила во двор. Там ее уже поджидал Никифор Тимо-
феевич. Когда подвода выехала на улицу, Николай крикнул им вслед:

— Трепачом не буду, жди меня, обязательно приеду свататься!

...Передав Василису Клавдии, Никифор Тимофеевич, даже не заезжая
домой, сразу отправился на поиски Игната Петровича, благо, кое-какие
связи имелись.

И снова потянулись в ожидании дни. Ни Никифор, ни Игнат не давали о
себе знать. Бедная Клавдия ходила вся опухшая, с красными от слез гла-
зами, а Василиса старалась держаться, только по ночам тихо плакала в
подушку. Грусть и печаль поселились в когда-то веселом и уютном доме,
но искорка надежды не оставляла женщин, заставляя трепетать при каж-
дом стуке в ворота, при каждом звуке проезжающей мимо подводы...

Под Рождество вечером кто-то неожиданно постучался в их ворота. На-
кинув на себя шубейку, Клавдия Тимофеевна выбежала во двор, открыла ка-

литку и, всплеснув руками, буквально застыла на месте. Перед ней стоял брат Никифор, державший под уздцы чahlую лошадеhку, мотавшую головой.

— Что стоишь, сестра? Отворяй ворота, Игната привез, — сурово проговорил он.

Клавдия Тимофеевна, причитая, побежала открывать ворота. Затем втроем они занесли Игната в дом.

— Где ты его нашел? Что с ним? — спросила Клавдия Тимофеевна, осторожно укладывая мужа на кровать.

— Главное — нашел, а где, неважно. Уже домой возвращались, а он заболел в дороге, видать, совсем обессилел. Обобрали его, избили крепко, даже ребра сломали, чудом живой остался, — тихо сказал Никифор Тимофеевич.

Женщины хлопотали вокруг Игната, и Клавдия Тимофеевна, заливаясь слезами, приговаривала:

— Игнатушка, родной, худющий какой стал. Я все молилась, ждала тебя.

— А что там у меня дома? — спросил вдруг Никифор Тимофеевич.

— Что у тебя? То же, что и у нас, скоро побираться пойдеш. Что можно было, все уже продали, мыши, и те из дома убежали, от голода, наверное, — присела на кровать сестра.

— Ладно, поеду домой, а завтра приду, будем думать и решать, как жить дальше. А Николай не объявлялся?

— Как уехали, с тех пор ни одной весточки, — с грустью в голосе ответила Василиса.

— Вона, как получается, — опустил голову Никифор Тимофеевич. — Видать, совсем все плохо.

На следующий день, когда он снова пришел к Теличкиным, собрались на семейный совет и решили продать магазин и лавку, этих денег должно было хватить на лечение Игната Петровича и на то, чтобы как-то прожить некоторое время. Оба хозяйства — Ильиных и Теличкиных — надумали объединить, пока Игнат Петрович не выздоровеш.

Он потихоньку начал поправляться и все больше вникал в хозяйственные и торговые дела. Как-то под вечер Никифор Тимофеевич снова заглянул к ним.

— А помнишь, родственничек, как мы с тобой купеческое слово дали? — спросил вдруг Игнат Петрович.

— Если можеш, прости меня, дурака, ведь это я тебя на авантюру подбил, из-за меня ты последних денег лишился, — пытался оправдываться Никифор Тимофеевич.

— Как старший из присутствующих объявляю свою волю: дом надо продавать. — При этих словах Клавдия Тимофеевна не удержалась и рас-

плакалась, а Игнат Петрович, не обращая внимания на женины слезы, суровым голосом продолжал: — Ничего, у нас лавка остается. Поторгуем немного, а жить на время переедем к Никифору. Как, Никифор,пустишь к себе?

— О чем разговор! Ты у нас главный, вот и командуй. Как скажешь, так и будет.

Прошла неделя. Никифор Тимофеевич и Игнат Петрович сидели за обеденным столом и угрюмо смотрели, как из дома выносят мебель. Разговаривать не хотелось, все давно уже было обговорено.

Вдруг громкий стук в дверь эхом отозвался в опустевших комнатах.

— Кого еще нелегкая несет? — с досадой произнес Игнат Петрович. — Клавдия, иди, открой.

Клавдия Тимофеевна пошла к дверям, распахнула их, и на пороге оказалась статная фигура молодого человека.

— Николай! Это ты, чертяга! Какими судьбами? — кинулся к нему Никифор Тимофеевич.

— Да вот, свататься приехал, — улыбнулся Николай.

— Не вовремя твое сватовство, только народ смешить, бесприданница наша Василиса, аль не слышал про нашу беду? — мрачно сказал Игнат Петрович.

— Нет, про ваши беды не слышал, и людей смешить мы не будем. — Николай полез в карман, вытащил какую-то монетку желтого цвета и бросил ее на стол.

— Что это? — прошептал Никифор Тимофеевич.

— Это — мое купеческое слово, — ответил Николай и крепко обнял подошедшую Василису. □



Елена Колчак

НИКОГДА В ЖИЗНИ



Пролог

*Нормальные герои
всегда идут в обход*

В.И. Ленин

А, ч-черт! Хотя в такую темень ни чертей, ни леших не разглядишь, пока нос к носу не столкнешься. Да и столкнешься, немного увидишь, разве что у них, у нечисти, глаза светятся.

Куда же эта чертова тропинка подевалась?

Говорят, джентльмен отличается от неджентльмена тем, что, споткнувшись в темной комнате о кошку, называет ее кошкой, а не другим словом. Интересно, на леди это правило распространяется?

Так, вода справа, холодком тянет, по идее, там же должна быть и тропинка, но как к ней пробиться? По-моему, днем таких зарослей не было. А еще, по-моему, это топографический кретинизм: сбиться с тропы, которая вся-то, от силы, полкилометра. И это называется прогулка перед сном!

Можно, конечно, включить фонарик. Но, во-первых, с фонариком это уже будет не прогулка, а целенаправленный поход, во-вторых, страшно. Когда пробираешься по лесу в темноте, чувствуешь себя вроде как частью окружающей действительности. А стоит хоть на мгновение включить свет, сразу получается, что ты один посреди темноты, и вся эта темнота на тебя сейчас бросится.

Но, пожалуй, если я не собираюсь в этих зарослях ночевать, фонарик включить все-таки придется. Тут уже не только камни и кусты, тут еще кучи какие-то. И еще почему-то аптекой воняет. Куда же меня занесло?..

...Это была не куча, это был человек. И, судя по тому, как блестели в свете фонаря его глаза, это БЫЛ человек. Больше всего на свете мне хотелось заорать благим матом и ринуться... куда? Издав писк новорожденного цыпленка и чуть шагнув назад, я оперлась на какой-то ствол. Еще бежать куда-то собралась! Ты же грохнешься на первом же шаге. Глаза и зубы блестели почти у самых моих ног. Рука... Трясаясь не хуже отбойного молотка и, кажется, лязгая зубами, я присела, дотронулась до нее — пульса не было. Конечно, вернее было бы проверить сонную артерию, но для этого надо вовсе не иметь нервов...

Совершенно рефлекторно я глянула на часы — 23.32, даже время какое-то дурацкое. Чем же все-таки здесь воняет? Кстати, гадостно, как в анатомическом театре. Идиотка! Человек с обрыва свалился, максимум, чем от него может нести, это перегаром. Хотя для этого надо, наверное, дышать? Кстати, о дыхании. Пульс может и не прощупываться... А зеркала я с собой никогда не таскала.

Ну, хватит всякую чушь бормотать! Дорогая моя, если ты не собираешься торчать здесь всю ночь, неплохо бы заставить себя еще чуть-чуть пошевелиться. Пульс проверила, не умерла? Вот и нечего тут всякие обмороки изображать, все равно никто не увидит и не оценит.

Когда я хваталась за мертвое запястье, должно быть, чуть-чуть сдвинула рукав, и на земле что-то блеснуло. Ключи от машины? Хотя с моими автомобильными познаниями... это вполне могут быть ключи от какого-нибудь сейфа, конторы или даже квартиры. Нет, наверное, все-таки от машины. Вместо брелка монетка, по-моему, арабская, вся кривая. Это что же получается? Человек собрался на автостоянку и промахнулся? Стоянка, конечно, близко от обрыва, но — сколько ж надо выпить? И как его в состоянии такого «нестояния» угораздило через ограждение перескочить?

Так, довольно, пора выбираться куда-нибудь к цивилизации! Я чуть-чуть отвела фонарик вправо, туда, где, по моим соображениям, должна была находиться тропа, и сразу начало казаться, что «куча» сейчас поднимется и бросится на меня. Истеричка, возьми себя в руки! Вот интерес-

но... Трясет — аж до звона в ушах, а в голове, меж тем, все ясное, холодное, без малейших признаков каких-нибудь эмоций. Ну, точно шизофрения, одна половинка сейчас в обморок грохнется, а другая еще чего-то мыслит... Да вот же она, тропа! В полутора метрах справа. Стараясь держать этого, с блестящими глазами, в луче света, я добралась до тропы. Теперь фонарик пришлось перевести под ноги. Но стало уже легче, тем более, «куча» почти скрылась из виду. А в десяти метрах впереди меня желтела лестница!

1

*Никогда нельзя знать,
чего ожидать от этих женщин.*

Билл Клинтон

Ах да, пора представиться. Маргарита Львовна Волкова, работаю в «Городской газете» и, помимо классической информационной деятельности, время от времени занимаюсь, конечно, и рекламой. Так вот. Один из моих заказчиков, хороший, кстати, заказчик, постоянный, «сидит» на турбизнесе. Жуткий балбес, прямолинеен, как телеграфный столб, но деньги платит аккуратно. Больше года я сочиняла для него разные тексты, конкурсы, девизы. В большей или меньшей степени этим занимается любой журналист: кушать-то хочется, а рекламная халтура оплачивается намного лучше, чем «чистая» журналистика. Хотя и надоедает, не без того.

И вот как раз в тот момент, когда мне опять все надоело, господин заказчик, ни с того ни с сего, решил наградить меня чем-то вроде премии. «Ах, Риточка, это, конечно, не Канары и даже не Крым, но пансионат на самом деле очень хороший, пятьдесят километров от города, лес, вода, тихо — отдохнете, отоспитесь, библиотека есть небольшая и видеотека очень даже ничего. Да, вы, помнится, лошадей любите, так там охрана конная, и отдыхающим можно покататься, я отмечу в путевке «мой гость», вам все предоставят в лучшем виде».

Против лошадей я устоять не смогла. Посмотрела на путевку — три недели, как раз столько у меня оставалось от прошлогоднего отпуска — и согласилась. Лучше бы, конечно, деньгами, но дареному коню...

Пансионат «Прибрежный» понравился мне, как ни странно, с первого взгляда — чистенько, уютно, удобно. Река, смешанный лес, сеть тропи-

нок, ни следа асфальта. Асфальтовая дорога доходила только до административного здания, вплотную к которому располагалась автостоянка. Хотя вряд ли это здание стоило называть административным: большую его часть занимали спортзалы, в количестве трех штук, бассейн, столовая, которую точнее было назвать рестораном, бар, библиотека, два кинозала... И никакой тебе гостиничной архитектуры, по территории разбросано два десятка двухместных коттеджей. Или это называется «на две семьи»? Домик поделен на две независимых, каждая со своим входом, половинки: две комнаты, холл, ванная, туалет. В углу большой комнаты — что-то вроде мини-кухни или бара: холодильник, буфет, с запасом кофе-чая-сахара и кое-какой посудой, электрический чайник. Так что верный кипятильник даже вытаскивать не пришлось, а я-то беспокоилась, смогу ли им пользоваться. Кофе, правда, наличествовал лишь растворимый, зато трех сортов. Чаем же и вообще была заставлена целая полка: индийский, цейлонский, краснодарский, листовой, гранулированный, в пакетиках. Даже каркаде наличествовал, хоть он и не чай вовсе. Холодильник впечатлял батареей банок и бутылок. Крепких напитков, правда, не было, ну, да и без них неплохо.

Пансионат явно был рассчитан на людей со своим транспортом. Василий Данилович, мой заказчик, вручая мне путевку, предложил доехать на пансионатской машине. Но я только рукой махнула, мол, перед отпуском дел навалом, неизвестно, когда освобожусь, и вообще, доберусь, не впервой. Так что пришлось топтать километров пятнадцать от шоссе собственными ножками. Впрочем, меня это нисколько не огорчило, прогулочка получилась — просто класс! Разве что на последнем километре проснулись кое-какие опасения, ибо за время прогулки на лес постепенно опустилась ночь, а заявляться, когда дело идет к полуночи, на мой взгляд, просто свинство.

Однако ночной дежурный, корректный и улыбчивый, встретил меня достаточно любезно. Мгновенно все оформил, вызвал горничную и только извинился, что кухня уже не работает, но, вообще-то, можно вызвать и кого-нибудь из поваров... Когда я замахала руками, что у меня с собой бутерброды, так что голодной лечь не придется, он даже обиделся. Какие бутерброды, вот Катя все принесет, вас покормит, только уж, извините, без горячего... Катя притащила кефир, какую-то рыбу, ветчину, сыр и тоже ужасно переживала, что мне не удастся поужинать «как следует». Если бы не бэйджик с именем на кармашке джинсового сарафанчика, я бы ни за что не признала в ней горничную. Буквально в пять минут чай был заварен, на столе красовался аппетитный натюрморт, а ванная наливалась водой. Когда Катюша ушла, звякнул телефон. Звонил Степа, дежурный:

— Устроились? Если что-то еще понадобится, наберите «ноль-один».

Засыпала я, несмотря на усталость, с трудом, похоже, сказывалось отсутствие привычного городского шума. В гулкой тишине что-то слегка постукивало по крыше, доносились чей-то негромкий смех и какой-то деревянный скрип, да еще не давал покоя этот странный телефонный номер «ноль-один». Забавно. Должно быть, охрану здесь вызывают по «ноль-два», а медпункт, значит, «ноль-три». В конце концов, все перепуталось, и я, наконец, провалилась в сон...

С утра «Прибрежный» понравился мне еще больше. Назвать здешний распорядок режимом мог бы разве что злейший враг: с семи утра до одиннадцати — завтрак, с одиннадцати до трех — обед, с трех до семи — что-то вроде полдника или английского чая, с семи до одиннадцати вечера — ужин. Ночью можно перехватить из своего холодильника, а днем приходи и ешь в любое время. Можешь и вообще не приходить, а позвонить, чтобы принесли. Я сразу решила, что придется ежедневно часа по два торчать в спортзале, иначе к окончанию отдыха не влезу ни в одну одежду — кормили буквально на убой, много и вкусно...

Видеотека занимала целую комнату, в которую, однако, никого не пускали. Хочешь выбрать — вот тебе шкаф с каталогом. Классика, любовь, боевики, мультики — чего душа пожелает, включая «мыльные оперы» и КВН. А вот библиотека не обновлялась, кажется, лет пятнадцать, даже библиотекаря не было, видимо, по отсутствию спроса. Сидевший на месте Степы мальчик Олег, такой же, впрочем, корректный и улыбочивый, когда я поинтересовалась, как попасть в библиотеку, обрадовался мне, как лучшему другу, открыл нужную дверь и пустил рыться в этом развале сколько душе угодно. А порыться было в чем: полтора-два десятка стеллажей, заваленных старыми подшивками, кажется, всех толстых и тонких журналов, которые издавались в застойные времена, от «Дружбы народов» до «Знание — сила». Я отобрала порядочную охапку и, с разрешения Олега, уволокла добычу к себе — вечером развалюсь на диване и буду «кайфовать», как султан среди одалисок.

Территория была не особенно велика: два-три километра вдоль пляжа и полтора-два километра в глубь леса. Домиков не два десятка, а все четыре, из них не меньше половины были заняты — неужели денежная публика разочаровалась в Канарах и Багамах?

Мне достался один из крайних домиков, от крыльца начинался настоящий лес. Соседний коттедж занимала очень милая семейная пара. Как, однако, забавно устроено человеческое восприятие: ведь ничто не указывало на их семейность. Вот разве то, что Тина ничуть не походила на «инкубаторских мисок», хотя красива была, безусловно. Длинные прямые волосы, светло-светло русые, почти бесцветные. Покатые плечи, несколько

тяжеловатые бедра — ни одна «девица» себе таких не позволит, зато мужики наверняка с ума сходят. И глаза — светлые, зеленовато-голубые и прозрачные. В общем, типичная русалка. Имя ей очень подходило. Хотя, надо полагать, в паспорте стояло что-нибудь попроще, Валентина, к примеру.

Между нашими домиками висели качели, да не абы какие — двухдюймовая доска со спинкой и подлокотниками. Отдых обещал быть классным. К концу первого дня, нагулявшись, надышавшись воздухом и истинно отпускной свободой, я даже начала слегка пошатываться. Господи! хорошо-то как!

2

*На пути к осуществлению своих желаний
людей подстерегает два препятствия:
во-первых, они почти никогда не знают,
чего же им на самом деле хочется,
а во-вторых, цена желаемого, как правило,
оказывается несоразмерна величине
их кошелька.*

Рокфеллер

На пятый день я обнаружила примыкающий к бару игровой зал: дартс, нарды, шахматы, полдюжины игровых автоматов и пара персоналок. Ну как тут было удержаться? Журналы журналами, но преферанс — это святое. С живыми людьми оно приятнее, но, за отсутствием таковых, сойдет и компьютер. К исходу второго часа ожесточенной борьбы я почувствовала чье-то присутствие. То есть, какой-то народ в зале, естественно, был, но где-то там, в отдалении. А тут кто-то буквально «дышал в затылок». Скосив глаза, я увидела слева «мужа» из соседнего коттеджа. Он понял, что я его заметила, и шагнул поближе:

— Добрый вечер! Извините, что помешал. Вас этот... этот... партнер устраивает? — кивнул он на компьютер.

— За неимением гербовой, пишем, на чем попало, — пожала плечами.

— Тогда вы, может быть, не откажетесь, — улыбнулся он, — зайти в гости? Меня зовут Виктор, вас, я знаю, Рита, и, если не ошибаюсь, мы соседи?

— Точно. — В голове мелькнули всякие кошмарики про курортных шулеров... Ритка, опомнись! Все-то тебе жулики мерещатся. Явно же не тот случай.

— Ну, если надумаете, заходите, посидим в хорошей компании.

— Заманчиво. И когда?

— Да хоть сегодня.

— Вечером?

— Давайте после ужина, часов в восемь-девять?

Идя в гости, я чувствовала, как настроение переливается всякими красками и брызгает искрами. «Дареный конь» оказался чем-то вроде призового рысака, а классическое отпускное времяпрепровождение совсем не таким скучным, как я всегда считала. А если еще и регулярный преферанс добавится, так и вовсе праздник будет.

Может, для полноты жизни и впрямь завести что-нибудь курортно-романтическое: прогулки при луне и прочее в том же духе? Вон как раз в главном холле мелькает очень даже перспективный объект. Этакий «волк в овечьей шкуре»: губы сжаты, а глаза добрые-предобрые. К тому же, один и, кажется, слегка знакомый. На выставках, совещаниях и прочих мероприятиях, на которые регулярно заносит любого журналиста, встречаешь миллион людей, так что потом очень сложно бывает вспомнить: где же я этого господина видела?

Мое настроение сказалось и на игре: за три часа я выиграла во время «пулечки» четыре с половиной доллара. По центу за вист — совсем неплохо. Виктор, хотя и жаловался на головную боль, выиграл полдоллара, Тина проиграла, но, кажется, ничуть этим не огорчилась.

Хотя какая мне-то разница? И так хорошо. Может, правда роман завести?

Открыв утром глаза, я услышала поблизости негромкий разговор. За окном, возле качелей, остановилась прелестная парочка: понравившийся мне вчера «объект» и моя очаровательная соседка. Тина была, как всегда, восхитительна, и моя идея молниеносного курортного романа как-то сразу потускнела. Интересно... Голос совести, попытавшийся было что-то возмущенно «вякнуть» — подслушивать? как неприлично! да никогда в жизни! — через минуту придушенно замолк.

— ... не знаю, может, и к лучшему, что ты сюда приехал. Я, правда, не очень-то в восторге, он меня своими вечными делами уже достал. Договорились ведь, что отдыхаем, нет, постоянно что-то надо решать, куда-то ехать. Вчера простыл немного, нет бы, отлежаться — ну, как же, опять надо в банк, не проживут там без него два дня. Так что увидитесь только вечером. Но здесь, конечно, тебе проще с ним поговорить, обстановка расслабляющая. У тебя ведь дело-то небольшое?

— Да пустяк, выплату отсрочить, а кроме Виктора, это никто не решит.

— Ладно, ты его тогда долго не задерживай, он мне романтический ужин обещал, а то я тут скоро совсем прокисну. И знаешь? Чтобы уж наверняка и быстрее, есть у меня одна штука... Кому другому не отдала бы, огнеопасно. А тебе, по старой дружбе, помогу. Только как-нибудь аккуратнее, он не выносит, когда на него давят. Так... где же она была? Что-то не найду, ведь точно в сумке была...

— Да брось, и так договоримся.

— Нет уж! Тем более, что тебе проще этим воспользоваться — по мужски. Может, он Светку свою черномазую выгонит наконец.

— Она-то чем тебе помешала?

— Наглеть начинает, не грех бы успокоить слегка... Сейчас найду, поддержи-ка вот...

Так... А ну их всех, к лешему! Надоели. Вставать пора.

3

Очень трудно искать черную кошку в темной комнате. Особенно, когда ее там нет.

«Собака Баскервилей»

До сих пор не понимаю, как я не налетела на какой-нибудь корень и не переломала себе руки-ноги. Фонарик, казалось, весил килограммов пять и прыгал почище отбойного молотка, выхватывая из тьмы ветки, стволы, коряги — все, что угодно, только не тропинку. Вдруг неподалеку появилось еще одно светлое пятнышко. Появилось и погасло. Ноги сразу стали ватными. Господи, ну, сколько можно! Я маленькая, тихая, беззащитная, чего они все на меня! Но тут, к счастью, опять проснулся внутренний голос: дура, чего паникуешь, очень надо всяким «убивцам» бегать по лесу за тем, кто нашел тело, да и вообще, откуда в твою дурную голову вскочила идиотская мысль про каких-то «убивцев», просто свалился человек с обрыва, свернул себе шею, печально, но бывает. Да-а, бывает, попыталась я возразить внутреннему голосу, с этого обрыва только слепой свалиться может, и то вряд ли. Там либо кусты непролазные, либо ограда, это сколько же нужно выпить?

Однако все равно надо куда-то двигаться. Я попыталась сделать шаг, другой... и угодила прямо в чьи-то крепкие объятия...

— Тихо-тихо, не надо ломиться через лес, как бешеный слон, ежеиков распугаешь или споткнешься ненароком. — Голос журчал так мягко, так успокаивающе...

Я приоткрыла один глаз и увидела камуфляжную форму... охрана! Тут уж не только фонарик, я вся затряслась не хуже отбойного молотка.

— Там... там... — без особого успеха попыталась я махнуть рукой в нужную сторону. — У лестницы...

Парень достал «уоки-токи»:

— Макс, Костя, я у двойной березы, давайте сюда! — После чего обратился ко мне: — Спокойно, все в порядке. Меня зовут Николай. Медведей тут нет, бандитов тоже, можно расслабиться. Давай-ка глоточек. — Он протянул мне фляжку, я хлебнула, закашлялась, и он легонько похлопал меня по спине. — Я вас узнал, вы — Рита, журналист, про вас шеф предупреждал. Где и что стряслось, кто вас напугал?

Спокойный голос, ощущение надежной мужской руки, ну и коньяк тоже, оказали свое целительное действие: зубы перестали стучать, а голос начал вроде бы повиноваться.

— Там, внизу, в десяти метрах от лестницы...

— От какой?

—левой.

— Откуда левой?

— Как откуда? А, понятно, ниже по течению. Там, чуть выше тропы... Там кто-то... — Я запнулась, потому что на самом-то деле это было уже «что-то»... — Ну, лежит, наверное, с обрыва сорвался...

— Как он ухитрился? Ладно, разберемся. Живой?

— Нет. Наверное, нет, — поправилась я. — Пульса нет.

— Однако... — Николай посмотрел на меня с явным интересом, и я почему-то даже смутилась.

— На запястье нет, а сонную артерию я трогать побоялась. Да все равно, у него глаза открыты, и зрачки на свет не реагируют.

— Н-да, интересная у вас форма страха...

Из темноты появились еще две пятнистые фигуры.

— Костя, проводи девушку домой и посиди с ней. Макс, пойдём, глянем, кого-то угораздило с обрыва свалиться, похоже, насмерть. Рита, вы его не узнали?

— Не знаю, — помотала я головой с каким-то смутным чувством вины. — Он такой страшный...

— Ну, пульс-то проверили...

— Да, а вдруг бы он еще живой был...

— Ладно, двинулись, — скомандовал Ник.

Я никак не могла попасть ключом в замочную скважину, так что Косте, должно быть, надоело наблюдать мои мучения, и он открыл дверь сам. Бережно усадил меня на диван и озабоченно поинтересовался:

— Может быть, Катюшу вызвать? Ваш коттедж она обслуживает?

— Она, только что же ее тревожить, я, вообще-то, в норме.

— Ну, если это норма... — с некоторым сомнением согласился Костя.

— Да и вы можете идти, со мной правда все нормально, сейчас чаю выпью, и будет полный порядок.

— Ах да, извините. — Он принялся готовить чай, продолжая говорить что-то успокаивающее. — Мне Коля велел с вами посидеть, значит, так тому и быть. Да и вообще, все-таки такое потрясение, вдруг сердце забарахлит... Коньяку в чай добавить?

— Да нет, не стоит, — поразмыслив, отказалась я. — Ведь мне, наверное, еще с милицией общаться придется? Кстати, о милиции. Наверное, его должен еще врач осмотреть?

— Если еще кто-то понадобится, ребята вызовут. А про коньяк я Катерине все-таки скажу. Или, может, валерьянки?

— Ладно вам, неужели у меня такой уж потрясенный вид?

— Не очень. Хотя должен бы. Чего вас в обрыв-то понесло?

— Да погулять перед сном вышла.

— Без фонарика?

— С фонариком. В кармане.

— Почему в кармане?

— В темноте интереснее. Ну, в самом деле, что такого? Дура-баба-деревяшка сбилась с тропинки. Лезла по этим дурацким кустам, вот и налетела. Сама виновата. — Когда женщина заявляет, что она «сегодня ужасно выглядит», то ожидает при этом возражений типа «ах, бросьте, вы просто восхитительны!» И после реплики «сама дура», я, естественно, надеялась на какой-нибудь комплимент своей смелости, и все такое. Однако Костя промолчал.— Ладно, Костя, не будем о грустном, лучше вот что скажите. Василий Данилович что-то такое говорил про конную охрану. А вы вроде пешком патрулируете?

— Верхом — только по периметру. По территории смысла нет. Разве что зимой, когда народу мало.

— У вас и зимой отдыхают?

— Тут зимой еще лучше: и лыжи, и рыбалка великолепная, на обрыве лыжный трамплин устанавливают, и санная трасса отличная.

Минут через пятнадцать появился Коля, и почему-то в сопровождении Катюши. Прислонился к дверному косяку и предложил:

— Хорошо бы тебе до милиции у соседей посидеть. Ты с ними знакома?

— Так, слегка... а... это был...

Николай мой «вопрос» понял сразу:

— Он. Сосед твой. Виктор Петрович Голубь.

Ах, ты, я же его знаю! То есть, не то, чтобы действительно знаю, встречаться не встречались, но, по долгу службы, фамилию эту я помнила. Мало того, что управляющий банка «Град», — с этой публикой я как раз знакома не очень, — на прошлых выборах к тому же баллотировался в Городскую думу. Правда, не прошел. Ну, надо же, а вчера, когда знакомились, ничего в голове не щелкнуло. Виктор и Виктор.

Соседский коттедж стоял пустой. За пару минут мы обежали его весь. На столике в «гостиной», где давеча мы писали пулю, — полупустая бутылка перцовки, пепельница, две рюмки и блюдце с лимоном. На половине Тины... я постаралась осмотреться — вчера я сюда не заходила. У кровати громадное блюдо с фруктами: груши-яблоки, апельсины-лимоны-мандарины, манго, киви и прочая экзотика. На полочках в ванной аккуратная батарея разнокалиберной косметики: от супердорогой серии на черной икре до тюбика с детским кремом и бутылочки с огуречным лосьоном. Неужели она этим пользуется? Там же почти чистый спирт, кожу пересушивает кошмарно. А... нет. Вот она чем умывается, по примеру всяких моделей. В корзинке для мусора две пластиковые бутылочки из-под минералки. Из любопытства я заглянула еще и в аптечку — ничего интересного. Витамины, аспирин-анальгин, активированный уголь, валидол, но-шпа, нашатырь, бинт, вата, перекись.

И во всем коттедже ни одной живой души. Ну, собственно, одна из проживавших тут «душ» уже и неживая вовсе, а вот другая где?

— Коль, — вмешался вдруг молчавший до этого Костя, — ручаться не буду, но, по-моему, я час назад видел ее в баре.

4

*Никто не является тем,
кем он выглядит.*

Арнольд Шварценеггер

В баре во всю гудела юная и порядком уже набравшаяся компания. Разгрома, правда, пока не учиняли, однако гуляли шумно. Тина сидела в дальнем углу и делала вид, что окружающая действительность ее совершенно не касается.

— Дома должен быть, к нему пришел кто-то... — скорчила она недовольную гримасу. — Даже здесь покоя нет от этого бизнеса! Годовщина первой встречи, ах, Тиночка, давай вдвоем отметим, а сам... Ненавижу! — Она хлопнула по столу, едва не свалив стакан. Сколько же успела выпить? Однако... Такая воспитанная девушка...

Ее вежливо увели. И правильно. Если из любимой супруги дама превращается в безутешную вдову, лучше ей узнать об этом в тихом безлюдном месте.

Через некоторое время я увидела «безутешную вдову» уже в холле. Вполне протрезвевшая, она беседовала с парочкой аккуратных молодых людей. Точнее, это они с ней беседовали.

— Валентина Владимировна, вы не беспокойтесь, все сделаем, как надо. Отдохните и постарайтесь ни о чем не думать. Машину пришлем утром. В девять, хорошо?

Молодые люди удалились, Тина заметила меня и сделала какое-то слабое движение рукой, вроде подзывая к себе. Я подошла.

— Посиди со мной, а? Страшно.

За прошедшие с нашего преферанса сутки Тина, казалось, постарела лет на пятнадцать: глаза заплыли, лицо серое, какое-то обвисшее. Стакан с минералкой она держала двумя руками сразу.

— Страшно?

— Я же совсем одна осталась. А эти налетели, стервятники. Валентина Владимировна то, Валентина Владимировна се. Откуда мне знать? Я вообще не ведала, откуда деньги берутся, Виктор меня на километр к делам не подпускал. Деньги в тумбочке, следи за собой и за домом, не загружай голову.

— Ты его не любила?

— А ему не надо было, чтоб его любили. Ему надо было, чтобы его не трогали, а если вдруг настроение появится, чтобы было с кем пообщаться.

— Только с тобой или еще с кем?

— Никогда не интересовалась. Все равно домой приходил. Ему со мной легко было.

— А тебе?

— Не знаю. Мог неделями на меня внимания не обращать, а потом вдруг каждый вечер то в гости, то погулять, то в театр. А после — снова как отрежет. Ненавижу их!

— Кого?

— Мужиков этих чертовых! Сильные руки, крепкое слово. А в какой-то момент — чего не хватало? — бросают тебя и даже не обернутся. Раз в жизни повезло, удачно замуж вышла. А сейчас я кто? Ну, квартира, ну, машина, и что дальше? Идти в школу биологию в болванчиков вдалбливать?

— Он что, ничего тебе не оставил? — Мне подумалось, что безутешность вдов бывает, оказывается, очень разнообразна. Хотя не мне судить.

Чужая душа потемки, и кто знает, что Тина сейчас на самом деле чувствует. Ни к селу ни к городу, вспомнилось, как несколько лет назад мне в змеином питомнике показывали процедуру отбора яда. Гюрза раз за разом кусала подставленную чашку, и вдруг я заметила: что-то не так. Змея была по-прежнему сильна и прекрасна, но что-то неуловимо изменилось. Сашка-змеелов пояснил: «Все, отстрелялась, пора отдыхать». Я готова поклясться, что на блестящей змеиной морде было написано истинное разочарование. Вот эту-то разочарованную гюрзу и напомнила мне Тина. Она излучала не огорчение, не усталость — какое-то безразличное «будь что будет».

— Черт его знает, что он там оставил. Разве эти, — махнула она рукой в сторону двери, куда удалились ее визитеры, — меня к чему-нибудь подпустят? Ну, за каким лешим его к обрыву понесло? «Ах, Тиночка, не сердись, я полчаса с человеком поговорю, в баре меня подожди, будь умничкой». Я полчаса жду, час жду, полтора... Ну, как же, бизнес — это святое. И знаешь, что самое страшное? Я ведь вернулась, заглянула в комнаты, а везде пусто. Думала, по дороге разминулись... Ну, почему я на полчаса раньше не вернулась? И какого черта ему приспичило надраться? Что ему этот кретин наговорил?

— Какой кретин?

— Да Вадим Стрельцов, есть тут один... Тоже, по делу он притащился. Неужели нельзя было дать человеку нормально отдохнуть? Послала бы его подальше, ничего бы не было. Но как же можно, старый друг, надо помочь.

— А Виктор много выпил?

— Надо думать, если ограды ухитрился не заметить. Разве они скажут, сколько? Ну, перцовки я ему сама предложила. Мы оба простыли малость, помнишь, он вчера все про больную голову шутил? А его сегодня еще и работать понесло. Приехал с во-от таким насморком, я на двоих и налила. По две стопки, ему побольше, себе поменьше. Потом Стрельцов пришел, наверное, с ним добавили. Хотя обычно Виктор за делами никогда не пил.

— А после ухода гостя? Если разговор был очень неприятный?

— Да черт его знает, с чего ему быть неприятным? Это Стрельцову от Виктора что-то нужно было.

— Погоди... Ты вчера утром с этим самым Вадимом беседовала?

— С Вадимом? Когда? Вчера? — Она посмотрела на меня совершенно непонимающими глазами.

— С утра, на качелях. Крепкий такой...

— А-а... — Тина помолчала, удивленно глядя в стакан, допила минералку, налила еще. — Тьфу, не могу больше. Этот, — сколько же отвращения можно вложить в одно коротенькое слово, — ах да ох, да срочное дело, да, Тина, посоветуй. Эх, надраться бы сейчас до полной отключки... Трезвая до омерзения. И на спиртное даже глядеть не могу.

Если вы думаете, будто мужчинам трудно угодить, вы ошибаетесь. На самом деле это совершенно невозможно.

Жанна д'Арк

Следователя звали Сергей Львович. Маленький, полненький, безобидный такой, только вот взгляд нехороший. В общем, настоящий Порфирий Петрович.

— Вам бросилось в глаза что-то необычное?

— Я не так часто имею дело с трупами, чтобы делать выводы о том, что обычно, что нет.

— Действительно... — похоже, он совсем не рассердился. — Хорошо. Что вы заметили в первую очередь?

— Глаза и зубы. Я фонарик включила, а они блестят... ужасно. Мне теперь кошмары будут сниться.

— Вы сразу решили, что он мертв? Почему?

— Потому. У живого человека, когда прямо на него свет направляют, веки дрогнут или хотя бы зрачки, а тут полный ноль. Ну и пульса не было.

— Вы проверили пульс?

— Конечно, проверила, вдруг все-таки живой.

— Где?

— Как это — где? — опешила я. — Где живой?

— Где пульс щупали? — устало поинтересовался «Порфирий Петрович».

— На запястье. На сонную артерию смелости не хватило.

— Тело не поворачивали?

Я немного поколебалась, затем ответила, что нет, не переворачивала. Очень все это было скучно — если ты сыщик, так задавай какие-нибудь «хитрые» вопросы.

— Еще что-нибудь помните?

Я закрыла глаза, восстанавливая страшную картинку.

— Кажется, у него щека была оцарапана... Так... лежал он почти на левом боку... значит, правая сторона... И запах мерзкий.

— Перегар?

— Черт его знает. Просто — брр! Ах да, еще ключи.

— Какие?

— Похоже, от машины. С брелком в виде монетки. А что, там не было ключей?

- Да были, были. Вы их не трогали?
- Нет. Зачем?
- Ну, мало ли, из любопытства, или показались знакомыми... Кстати, вы были знакомы с погибшим?
- Так, шапочно. В преферанс днем раньше играли.
- И, тем не менее, вы утверждаете, что его не узнали?
- И утверждаю, и не узнала... А что вы хотите? Я вообще не восприняла «это» как человека.
- В каком смысле?
- Ну, вроде видишь кадр из какого-то кошмарного фильма... не могу объяснить. Какое там узнать — ноги не держали, думала, сознание потеряю!
- Пульс, тем не менее, проверили и на зрачки внимание обратили, и ключи заметили, и даже царапину на щеке. Вы вообще наблюдательный человек? Хорошо владеете собой?
- Да что вы! Чуть сама рядом с ним не легла. Ключи... Зато я даже не помню, во что он был одет.
- Да-да, конечно. Вспомните, когда вы выходили из своего коттеджа, у соседей свет горел?
- На его половине — да, а у супруги было темно. — Я подумала и, для большей точности, добавила: — Кажется.
- Во сколько это было?
- Без чего-то одиннадцать, без десяти, максимум, без пяти. Без четверти я телевизор выключила, переоделась, ну, пусть пять минут на одно, на другое...
- Вы часто гуляете по ночам?
- Так до полуночи еще вечер.
- И не страшно?
- Я в городе-то не боюсь вечером ходить, а уж здесь... Хотя теперь, наверное, буду бояться.
- А вообще в этот вечер вы своих соседей видели?
- Только в окно, и не совсем вечером. Проходила мимо их домика и видела обоих, правда, недолго, секунду-другую.
- Что они делали?
- За столиком сидели, в гостиной.
- Разговаривали?
- Наверное. Сидели друг против друга, в такой ситуации люди редко молчат, если только не в ссоре. Картинка выглядела довольно-таки мирно. Ну, мне так показалось... а, вот еще почему — он был в свитере, в толстом таком, пушистом.
- То есть, они просто сидели?

— Не знаю, на столике бутылка стояла.
— Водка, вино, коньяк? Полная? Початая?
— Ну, знаете ли, этого уже через окно не разглядишь. Кажется, водка, и, кажется, початая... Да и сколько успеешь увидеть за пару секунд, пока мимо проходишь?
— Больше в комнате никого не было? Только они двое?
— Не могу сказать, мне только половина комнаты была видна.
— Хорошо. Во сколько это было?
— Точно не скажу. Уже смеркалось, у них торшер был зажжен, иначе я вообще ничего бы не разглядела. По-моему, около девяти, но это приблизительно, плюс-минус полчаса, если не больше.
— Так. И вот еще что. Вы ведь журналист?
— Да.
— Что такое тайна следствия, надо объяснять?
— Нет.
— Не кидайтесь пока ничего писать, хорошо?
— Пока — это сколько?
— Ну, скажем, неделю. А то взбаламутите всех, придется опровержение давать, самим же неловко будет.
— А разве это не несчастный случай? Есть основания думать иначе?
— Вот видите, вы уже начинаете строить домыслы, хотя ничего подобного я не говорил.
— А можно, я напишу исключительно о личных впечатлениях? Материал какой — исповедь нашедшего труп! И какой труп! Не бомж никчемный. А материал вам покажу, вы вычеркните все, что вам не понравится. Ладно? А то сейчас свежесть впечатлений уйдет, и будет уже совсем не то.
Кажется, мне удалось вполне достоверно изобразить восторженную идиотку.
— Ну, хорошо, — согласился Сергей Львович, хотя и с явной неохотой.
И все-таки — можно ли за час-полтора «накушаться» до такого нестояния, чтобы в обрыв влететь? Невзирая на кусты и ограду, а?

6

Знание — сила.

Майк Тайсон

Дружный журналистский коллектив временами напоминает бодренького жизнерадостного щеночка, с восторгом скачущего вокруг тебя, призы-

вая к игре, — безграничная ласковость и такое же безграничное к тебе равнодушие. Привет! Куда пропала? В отпуске? А действительно посвежела, похорошела. Ну, пока, отдыхай!

К счастью, в отделе экономики было пусто, наличествовал только необходимый мне Александр Иванович Сергиенко. Жутко неприятная личность, зато знает обо всех мало-мальски известных в городе людях все, что о них только можно знать, и даже то, чего они и сами о себе не знают. И все это с точной оценкой достоверности имеющихся сведений. Пишет, правда, от-вратно, то есть просто скучно, а вынимать из него информацию — сущее мучение. Санечка очень любит выставить собеседника дураком, с мерзкой улыбочкой хорошо осведомленной личности заявляя: «Ну, ты же сам прекрасно понимаешь». Собеседнику остается только теряться в догадках, что же он должен «прекрасно понимать». Но, в конце концов, каждый имеет право на скверный характер.

— С чего бы это тебя вдруг деловые люди заинтересовали? К тому же, покойники. И криминал — не твоя стихия. Да и нет там никакого криминала...

— Ну, Сашенька, ну, солнышко, интересно же, я, можно сказать, лично присутствовала...

— Ах ты, черт подери! «Речной»? Ах да, «Прибрежный»! Ладно, пользуйся моей добротой. Значит, так. Голубь тебя интересуется?

— В первую очередь — он.

— А во вторую? Хорошо, давай по порядку. Он, говорят, перепил и с обрыва свалился?

— Вроде того.

— Так вот, он сделал это очень вовремя. Собственно, народ и полгода назад немало порадовался бы, но сейчас больше. Шуточки по поводу названия банка ты, конечно, слышала?

— Так, кое-что, я же в этих вопросах полный «чайник», сам знаешь. Что-то такое типа метеорологических хохм — от «всех накроет «Градом» до «Град обреченный».

— В целом, так. «Накроет «Градом» — конечно, преувеличение, банк, в общем, так себе. Но не такой уж и обреченный. Впрочем, тебя интересуется не банк, а его управляющий. Что-то там было непонятное с кредитами. Не так давно, максимум, с месяц, даже пошли слухи, что Голубя скоро посадят. Ну... посадят — преувеличение, выносить сор из избы никто не стал бы, дали бы пинка под зад, и все дела. Но тут вот какой фокус. Не вдаваясь в финансовые тонкости, дело обстоит так: будь Голубь жив, но уволен, некоторым людям пришлось бы в срочном порядке, как бы это проще сказать, отдавать некоторые деньги. Если бы он остался на своем месте — все в порядке. Ну и в качестве покойника он финансово безопасен.

— А людей этих не назовешь?

— Жирно тебе будет, не ровен час, подавишься. Только одного, и только потому, что рядом. В этом твоём «Прибрежном» без Голубя не обошлось. Помнишь, когда он в Думу баллотировался?

— Ну.

— Тогда должна помнить, что незадолго перед этим прошла мощная реклама «Прибрежного».

— Было такое, под девизом «Европа люкс!» Я лично участвовала. Дорогая была кампания, но дурацкая.

— Это деньги Голубя, причем, вероятно, по большей части, собственные или как бы собственные. На каких условиях — тебя интересовать не должно, главное, что сейчас этих денег никто ни с кого не спросит. Более того. В реконструкции он тоже участвовал. «Прибрежный» ведь был убыточен и, кстати, очень может быть, что он и сейчас убыточен.

— То есть, от смерти Голубя Василий Данилович Бардин, безусловно, выигрывает?

— Выигрывает. Но, во-первых, по мелочи, во-вторых, ему-то как раз было довольно безразлично, когда. Эта лабуда могла тянуться до «морковкина заговенья». А если «Прибрежный» до сих пор убыточен, так Бардин и вовсе проигрывает — лучше бы Голубь продолжал в него вкладываться. Там, возле банка, и без Бардина хватает народу, которым было и дороже, и срочнее. Но! Обрати внимание! Ты этой кухни не знаешь, а вот я — заметь, я! — думаю, что эта смерть — чистой воды случайность. Так бывает, и, кстати, нередко. Зато могу совершенно бесплатно сказать, кто не выиграл ничегошеньки. Вдова. Можешь мне поверить, наследовать ей точно нечего. Не повезло девушке. — Сашка, ослабившись, потянулся на стуле. — Ну, ничего, дама эффектная и с мозгами, выплывет. Она и сама кое-какие дела проворачивала, потому что Голубь, дурак, ей доверял. Думаю, какие-то деньги у нее быть должны. С голоду, во всяком случае, не помрет. Хотя поживи он еще, было бы наверняка больше. Кто тебя еще интересуется, птичка моя?

— Вадим Стрельцов.

— Ну... — взглянул на меня с явным изумлением Сашка. — Он-то каким боком тут замешался? Этого ты и сама должна помнить, из него же героя нашего времени сделали.

— В каком смысле? Погоди... У нас же на областном ТВ такая передача была...

— Да ты что? Напрягись, ты сама в этой «дохлятине» участие принимала! Типа, умные вопросы сочиняла...

— Вот дьявол, а я-то вспомнить пытаюсь, откуда мне его лицо знакомо. Напомни в двух словах, а?

— Ну, разве что, в двух. Стрельцов Вадим Алексеевич, родился, учился, защитился. Преподавал в педагогическом, надоело нищенское существование, организовал свою фирму. Запатентовал несколько изобретений, запустил их в производство, начинали они с сигнализации, потом что-то такое мебельное и что-то такое с декоративными покрытиями. Раскрутился. Преподавать не бросил, такой вот святой человек. Хотя женился на собственной студентке, был там небольшой скандалчик на тему морального облика.

— Кредиты?

— Само собой. Поговори со Стрельцовской бухгалтершей, может, и скажет. Вероятнее всего, через того же Голубя. И очень может быть, что с участием мадам Голубь, они, кажись, старые приятели.

— Приятели? Или все-таки кажется?

— Ну, только на уровне слухов. Он как раз женился, и после этого, — покачал головой Сашка, — ни в чем порочащем не замечен. Остепенился, должно быть.

— А как все это хронологически?

— Плюс-минус квадратный километр? Преподавал, довольно близко сошелся с Голубями, нет, пардон, сначала с мадам, она тогда еще не была замужем за Голубем... Женился, где-то в это же время мадам стала мадам Голубь, Стрельцов создал фирму, преуспел.

— А чья свадьба была раньше?

— Точно не помню, но, по-моему, первым женился Стрельцов...

— Ну, Сашка, у тебя не голова, а справочник «Кто есть кто»!

— То-то же! — расплылся он в довольной ухмылке. — А про Стрельцова мы что-то писали, полистай подшивки, с народом побеседуй...

Вот ведь медуза ядовитая! Сама я, конечно, не в состоянии сообразить поискать в подшивке.

— Спасибо тебе огромное!

— Ладно уж... — махнул пухлой ручкой Сашка. — Разузнаешь что — расскажешь.

7

Головы людей подобны желудкам: одни переваривают проглоченное, другие от него болеют.

Пособие для начинающего психиатра

В ожидании машины из «Прибрежного» я допивала уже третью чашку кофе, пытаюсь собраться с мыслями и понять — с чего бы эта история меня

так зацепила? Ну, перепил мужик, ну, погулял неаккуратно... Картинка расплывалась, никак не желая быть «в фокусе». Мешали два момента. То есть, даже три, хотя третий — вообще не «момент», а сущая ерунда.

Во-первых. Наш российский мужик выпивкой обыкновенно заливает всякие неприятности. Что такого неприятного мог Виктору Петровичу Голубю наговорить Вадим Стрельцов? Наоборот — легко представить. Давай, мол, расплачивайся, ни о каких отсрочках разговора не будет. Разве что Голубю срочно нужны были деньги, а тот ему — сейчас нету, хоть убей. Но тут, наверное, не напиваться, а что-то делать надо?

Или Голубь вообще не со Стрельцовым столько беседовал? Может, его визит уложился минут в десять — да-да, нет-нет. А после этого уже мог зайти кто угодно. Но от Стрельцова или еще от кого-то — неважно — Виктор Петрович должен был услышать что-то очень серьезное. В конце концов, вместо того, чтобы отмечать с любимой женщиной годовщину встречи, нежный муж надирается в одиночку и идет гулять к обрыву.

В одиночку! Значит, какую-то гадость рассказали про эту самую женщину? Но кто? Стрельцов? Еще один гость?

А по времени? Я проходила мимо их окон где-то в половине девятого. Виктор, насколько я успела заметить, был еще вполне трезвый. Даже если Стрельцов появился сразу после этого... В половине двенадцатого я уже наткнулась на тело. Голубь — мужик крепкий, за столь короткое время до полного «нестояния» «накушаться» сложно. Разве только в соответствующей компании или специально.

Во-вторых. Обрыв огорожен весьма тщательно. И я решительно не могу понять, как Голубь ухитрился с него упасть? То есть, если постараться, то все можно, но ведь надо же постараться...

Так. А почему обязательно должен был кто-то заходить? Мог быть телефонный звонок, внутренний или сотовый, а может, в том коттедже и на город выход есть. Черт! У кого бы спросить? Как вообще звонки фиксируются?

И где, в конце концов, эта чертова машина? Не могла же я ее не заметить? Ей-богу, пока сижу, ни один «уазик» сюда не заруливал. А может, я просто время перепутала, может, машина «в двадцать», а не в «восемнадцать»? По этому «дурному» телефону могла и не расслышать.

Ладно, подождем, подумаем.

В-третьих, пустяк. То, что говорила Тина про свое участие — точнее, неучастие в делах, — не связывается с Санечкиным рассказом. Это, впрочем, объяснить нетрудно: с чего бы ей передо мной исповедаться — раз, хотелось поплакаться и выглядеть такой беспомощной и несчастной — два. Очень понятно. Может, и остальные несообразности объяснятся так же элементарно?

Нет, в бизнес-дебри лучше не соваться, ничего я про них не знаю и просто свихнусь на этой почве. И так уже, похоже, мания преследования начинается: так и кажется, что кто-то в спину смотрит. Или не кажется?

Ага! За самым дальним столиком, метрах в десяти от остальных, сидел, если мне не изменяет зрение, Максим — тот самый охранник из «Прибрежного», которого Коля взял с собой осматривать труп. Я кивнула ему, он улыбнулся и подошел ко мне.

— Привет! Как самочувствие?

— Ты в городе? — ничего более идиотского я, естественно, спросить не могла. Нет, он не в городе, и я разговариваю с привидением. И почему-то на «ты». Максим, однако, принял это как должное.

— У меня выходной, — коротко пояснил он и предложил: — Машина будет через час, если ты никого не ждешь, может, пересядешь за наш столик?

— За ваш? — Я бросила взгляд на столик и подумала, что у меня точно что-то с глазами, — он стоял совершенно пустой.

— Я тут с одной старой знакомой, очень удачно, что мы тебя встретили, надо бы поговорить. Лучше здесь, чем в «Прибрежном».

Я забрала сумку, чашку с кофе и послушно отправилась за ним.

— Видишь ли, Рита... Сложилась очень неприятная ситуация, и журналист может оказаться, ну...

— Понятно, полезным. Надо к чему-то привлечь внимание общественности?

— Я не знаю, — как-то непонятно ответил Максим. — Сейчас вернется Марина... — К нашему столику уже подходила тоненькая светловолосая девушка лет, наверное, восемнадцати. — А, вот и ты. Это Рита, а это как раз Марина. — Мы мило улыбнулись друг другу. — Мы вместе учились, сейчас она работает судмедэкспертом.

Я удивленно посмотрела на Максима, на девочку, опять на него. Бред!

— Максим, ты меня разыгрываешь! Хотя извини, чушь несу, просто обалдела от контраста.

— Да ничего, я привыкла, — улыбнулась Марина. — Во-первых, мне двадцать восемь лет, во-вторых, я действительно судмедэксперт. К вам в «Прибрежный» выезжала как раз я, и труп мой, ну, то есть, не мой, — она смешалась. — Я даже не знала, что Максим там работает...

— Не отвлекайся, — перебил ее Максим, — времени у нас не так много, а решить что-то надо.

— Погодите-погодите, — вмешалась я, — Голубь что, не сам свалился? Или вообще не свалился?

— Да свалиться-то он свалился. Множественные ссадины, перелом плечевой кости, тяжелый вывих тазобедренного сустава — с этим все в

порядке... Вполне типичные повреждения. Только умер он не от этого, ни одна из травм не была смертельной.

— Может, шок от удара?

— Нет, — покачала головой Марина и вздохнула: — Он умер от отравления метиловым спиртом.

— Ясно, — выдавила я. И подумала, что это многое ставит на свои места.

Древесный, он же метиловый, спирт — это, братцы, така-ая штука... Во времена оные на всяких разных производствах его, бывало, с похмелья по недомыслию употребляли. Пьянеют с него практически так же, как с обычного, может, немного быстрее, но вот последствия... Усваиваясь организмом, метанол превращается во всякую гадость типа формальдегида, того самого, которым препараты «спиртуют», вызывает через небольшое время слепоту, а вскоре после этого смерть. Опасная же доза, помнится, невелика — не то сто, не то сто пятьдесят граммов — для русского человека пустяк. И не так еще давно попадалась «левая» водка, из метилового спирта изготовленная...

— Вот не повезло мужику, надо же так нарваться, давно про подобные случаи не упоминали, — искренне посочувствовала я.

— Это не случай, — твердо возразила Марина. — Во-первых, бутылка от «Дионы». Фирма старая, известная, с ними такого случиться просто не может. Кстати, и состав. Я у коллег спросила и, не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что фабричная «перцовка» от домашней отличается достаточно сильно. Здесь был явный «самопал». А главное, на бутылке обозначены сорок пять градусов, а внутри все семьдесят. Даже если это подделка, я не очень верю, что можно так промахнуться. И еще. Фальшивки не выпускают по одной бутылке, значит, партия, значит, должны быть еще случаи отравления. Я лично обзвонила сегодня все токсикологические отделения города — ничего подобного.

— Весело... Значит, кто-то, кто имел на Голубя «зуб», подсунул ему бутылку «перцовки»... Стоп. А как же Тина? Она же сказала, что они пили вместе. Хотя... сказать можно, что угодно. Я видела, как они сидели, а как пили — не видела.

— Катюша видела, — вмешался Макс. — Ее попросили пару лимонов принести. Точнее, она не видела, а слышала. Принесла лимоны, а Голубь как раз предложил: «Еще полечимся, или хватит?» Тина отказалась, тогда он сказал, что тоже сейчас не будет, а выпьет попозже. Попросил ее подождать, ему с кем-то поговорить надо было, а она сказала, что подождет в баре, в дартс поиграет.

— Та-ак. Марина, если они ее, «перцовку» эту, вместе пили, то как...

— Бред какой-то! — Марина затрясла головой, и ее пышные волосы рассыпались по плечам, она нетерпеливо отбросила их назад. — То есть

теоретически... Если она выпила чуть-чуть, и после этого добавила примерно бутылку водки... Только сразу, чтобы заблокировать ферменты, разлагающие... ладно, это уже технические подробности. Очень неправдоподобно...

— Я не думаю, что она выпила бутылку водки, — опять вмешался Максим. — Надо бы у Олега спросить, он на баре стоял, но что-то не верится. Она же не пьет почти!

— Да и с какой стати? Тем более, сразу. Вы представьте ситуацию: Тина собирается провести с любимым мужем романтический вечер. Ее просят немного подождать, а она вдруг, ни с того ни с сего, приходит в бар и начинает глушить водку? Олега спросить надо, но картинка жутко неправдоподобная. Да, она была прилично на взводе, так ведь просидела в баре больше трех часов, не мудрено и употребить сверх меры. Но ведь не сразу же... Что же это получается? Тина вместе с мужем, по причине общей простуды, употребляет «перцовку», все вроде в порядке. А стоит Тине выйти за дверь... Кстати, Стрельцов при ней пришел?

— При ней.

— Ага, только она за дверь — «перцовка» волшебным образом превращается в свою метиловую сестру. Восхитительно! Или же Тиночка проявляет ловкость настоящего фокусника, и на глазах двух трезвых мужиков подменяет бутылку, видимо, просто от злобы на мужской пол, потому что, если выпьют, то, вероятно, вдвоем...

— На бутылке нет ее пальцев, — заметила Марина.

— А, значит, еще успевают надеть перчаточки... — Что-то такое было про перчатки... черт! не помню!

— Значит, Тина не получается. Ну, тогда господин Стрельцов телепатически догадался про «перцовку» и принес такую же бутылку, только «заявленную». Или еще какой-нибудь поздний гость, дождавшись ухода Стрельцова, проделывает вышеупомянутую операцию. Вам не кажется, что все это полный бред?

— Кажется, — ответила Марина. — Но Голубь все-таки мертв, и именно от отравления метиловым спиртом. А на бутылке, кстати, пальцы Стрельцова.

— Странно, вроде неглупый мужик... Ну, предположим. В конце концов, он мне не сват, не брат. Только все равно не понимаю — зачем вам журналист понадобился?

— Нашему начальству, — с неожиданной для такого милого существа язвительностью объяснила Марина. — Очень удобно, чтобы это был несчастный случай. Ну, выпил, ну, упал. А чего он там выпил и откуда — какая разница? Все равно спирт, ну, и что, что метиловый?

— И... Вам предложили, ну... как бы это помягче... скорректировать результаты экспертизы?

— Н-не знаю, — замылась Марина. — Может, я просто не понимаю...

— Ладно. Будем, значит, борцами за поправную справедливость. Максим, а как Василий Данилович отнесется к вынесению трупа, то бишь, со-ра из избы? Он же, как-никак, мой работодатель. А то придется притворяться «Неизвестным, Но Хорошо Осведомленным Лицом».

— Вообще-то, несчастный случай для него как кость в горле. Антиреклама, видите ли.

— Ну да, ну да. Как же можно отдыхать там, где люди, подвыпив, с обрыва падают? А без выпивки — какой же это отдых для наших-то людей?

— В принципе, можно и спросить, прямо сегодня, когда приедем. Если тебе неудобно — сам поинтересуюсь. Но, честно сказать, я почти уверен в результате...

8

Беда не в том, что человек смертен, беда в том, что он непредсказуемо индивидуален в своей смерти.

Джек Потрошитель

Василий Данилович против «срывания всех и всяческих масок» не возражал. Даже предложил продлить мой отдых еще недели на полторы — раз уж случилась такая, как он выразился, неприятность. Ничего себе «неприятность» — убийство! Я обещала подумать, хотя мне уже не хватало редакционной суеты и такого привычного и понятного абсурда. Может, хватит отдыхать? И материал, пусть и случайный, получился — пальчики оближешь, шеф даже пообещал премию.

Тину переселили в мой коттедж, их был пока закрыт. Впрочем, ее все равно не было видно: приезжая ненадолго из города, вдова практически не покидала своей комнаты. Иногда оттуда доносилась негромкая музыка.

Раза два я видела в «Прибрежном» Стрельцова, но поговорить с ним так и не удалось, случай не подвернулся. Не подойдешь же к человеку просто так и не скажешь: «Знаете, именно я обнаружила труп человека, у которого вы были за два часа до его смерти. Не расскажете ли мне о ваших отношениях»? Лучше всего было бы, если бы нас познакомила Танюшка Симонова — материалы про «героя нашего времени» писала именно она. Но Танюша еще неделю в отпуске, хотя вроде бы никуда не уехала. Ладно, отложим. Зато Василий Данилович, вместо того, чтобы, как обыч-

но, заниматься делами в городе, из пансионата почти не вылезал и доводил горничных и официанток своими придирками до слез.

Мы час просидели с Катюшей, восстанавливая — что же она видела и слышала.

Тина, похоже, была действительно простужена: бледненькая немного, и глаза воспаленные. Собственно, в первый момент Катюша на это внимания не обратила, вошла как раз в тот момент, когда они выпили. Тина молчала головой и фыркала: «Фу, какая гадость! Хватит, пожалуй». Сразу после этого ушла переодеваться и появилась минут через пять, может, через десять. За это время успела подкраситься и сменить махровый халат на элегантный вечерний костюм — очень маленькое шелковое платье и очень большой из того же шелка распашной жакет с широченными отворотами на рукавах и карманах. Продолжить «лечение» отказалась, заявив, что «любимый муж обещал ей сегодня шампанского». Виктор в ответ вроде немного смутился и сказал, что еще выпьет попозже, «хорошо насморк сбивает». Съел половинку лимона и пошутил: «К утру буду или как огурчик, или как этот фрукт». Тут появился Стрельцов, Тина шепнула что-то мужу на ухо, помахала им ручкой и вышла, а мужчины удалились в кабинет. Вот и все. Было это в районе девяти плюс-минус пятнадцать минут.

Максима и Катюшу немного удивил мой интерес к местной зарплате, но ответили они весьма подробно. Регулярно, без сбоев, платили всегда, а последние год-полтора ее вдобавок столь же регулярно повышали, да еще и премиальные. Так что инфляция их не беспокоила совершенно. Похоже, что «Прибрежный» в последнее время перестал быть убыточным. Ну и что мне это давало?

Олег, бармен, тоже не рассказал ничего неожиданного. Тина появилась в баре в девять или в начале десятого, пила минералку, смотрела телевизор. Потом стала кидать стрелки в мишень, кажется, нервничала. Олег еще извинялся, что толком ничего не помнит — он за ней не следил, так, иногда глазами натывался. В баре часов с восьми гуляла какая-то юная компания, так что наблюдал он все больше за ними, мало ли что. Удивился, когда Тина попросила водки, выпила залпом, еще покидала стрелки, опять выпила, потом он на что-то отвлекся и обратил на нее внимание, только когда она снова, уже откровенно взвинченная, заказала водку. Он еще подумал, что сейчас должен придти Виктор, не возник бы скандал. Но это было уже в районе одиннадцати. Я поинтересовалась, не случается ли, что в бар приходят со своим спиртным. Он ответил, что такое бывает практически каждый вечер, но...

— Да что вы, только не Тина! Это немислимо. Она вообще практически не пьет, просто в тот вечер сильно психовала. Вначале была такая мечта-

тельная, задумчивая, потом занервничала или, скорее, стала раздражаться и водки потребовала. Она вообще терпеть не может ждать, даже когда коктейль смешиваешь, стоит и ноготками по стойке нервно постукивает. Вынь да положи все сразу.

Вся эта куча сведений казалась абсолютно бессмысленной. Я бродила по лесу, изнурялась в тренажерном зале — мозги не работали совершенно. Происшедшее казалось полным бредом. Вот только труп Виктора продолжал оставаться реальностью. Подумать только — не прошло и суток с того момента, как мы «писали пулю»... И он даже немного выиграл, хотя и говорил, что «Тина может проиграть женщине, мужчине — ни в жизнь». Будь у меня хоть малейшая склонность к мистике, я наверняка сочла бы это каким-нибудь предзнаменованием или злой шуткой судьбы. А так — оставалось только пожать плечами: бывает.

Зачем мне так уж надо было понять, что же на самом деле произошло — я и сама не знала. Дело, наверное, в устройстве моей дурной головы, которая, как известно, не дает покоя нижним конечностям. Кстати, не только им. Непонятное должно быть понято — вот девиз, по которому живет моя голова, а бедному организму остается лишь подчиняться. Было совершенно очевидно, что в головоломке не хватает половины частей, поэтому и те, что есть, невозможно оценить по значимости.

Все, к черту! Надо завтра ехать в город и попытаться что-то выяснить там, хотя и непонятно — что. Финансовое положение Стрельцова? Его взаимоотношения с Тиной? Или вообще надо искать кого-то неизвестного?

Приняв героическое решение забыть обо всем до завтра, я наполнила ванну, разболтала в воде пакет морской соли... Вода была такая теплая, такая душистая...

В голове, однако, продолжали крутиться одни и те же мысли. Ну, хватит, а? Убийство — явно не лучшая тема для размышлений в ванне. Чего-то мне для полного отрешения не хватало, должно быть, музыки. Еще в первый день я притащила в ванную из комнаты приемник и поставила его на полку. Чуть высоковато, правда. Дотянувшись, я нажала тугую клавишу... точнее, попыталась ее нажать... приемник заскользил... пытаюсь кончиками пальцев задержать его падение, я левой рукой — совершенно рефлекторно, сообразить ничего уже не успевала — выдернула шнур из розетки. Приемник тут же плюхнулся в ванну.

Да, день выдался явно неудачный. Нет, ну, надо же быть такой идиоткой, ведь по всем техникам безопасности электроприборы в ванной не включают! Я попыталась оправдаться сама перед собой: ведь полка не над самой ванной, чего бы приемнику вздумалось съезжать с полки? Оказывается, шурупы, на которых она держалась, немного расшатались, и

появился некоторый крен. Если бы не инстинкт самосохранения, сработавший каким-то чудом в нужном направлении — «европейский» пансионат получил бы еще один труп. Вот не помню, как выглядят погибшие от удара электрического тока. Вряд ли очень эстетично.

Злость, однако, выбила меня из того ступора, в котором я находилась с момента разговора с Мариной. Я завернулась в махровую простыню, вылила из ванной воду, положила сушиться злополучный приемник, сделала себе кофе, залезла в кресло и стала думать.

Итак, первое — зачем мне все это надо. Инстинкт познания, помноженный на патологическую любовь к детективной литературе. С этим ясно, а дальше начинается полный туман. Триста семьдесят вопросов и два с половиной ответа.

Второе. У кого была возможность подsunуть Голубю эту гадость? Если забыть о симпатиях-антипатиях и неясных пока мотивах — чисто технически это мог проделать кто угодно. Проще всего подменить саму бутылку, но для этого надо иметь идентичную, а в пансионатском баре такой действительно нет и не было. До ближайшей торговой точки далековато: увидеть в окно бутылку, съездить купить аналогичную, перезалить... Времени это займет изрядно, и когда подмену осуществлять? В полночь, что ли? Не годится. Если же знать заранее, например, Голубь покупает эту бутылку при ком-то... По-моему, чересчур замысловато, хотя возможно. Вариант попроще — подменить содержимое исходной — голубевской — бутылки. Если запастись воронкой, процедура займет не больше минуты. Правда, проводить ее надо там, где никто не увидит. Можно в том же коттедже. Ванная, туалет... Надо уточнить у Марины, что там вообще было. В желудке, в бутылке со стола. Чистый метанол с перцем или с примесью нормальной водки? И... могли остаться следы, капли, пятна какие-нибудь. Хорошая горничная такие вещи замечает автоматически. И телепатии никакой не надо: если я в окно видела их посиделки, то же самое мог видеть кто угодно.

Стоп! Что-то я еще видела. К реке я шла часов в шесть- в половине седьмого. Шла обычной дорогой, то есть мимо голубевского коттеджа. Ну, Риточка, ты же не всегда такая идиотка, напрягись! Закрыв глаза, я попыталась восстановить этот момент. Так... кажется, бутылка на столике уже стояла, а в комнате никого не было. Опять же, если это видела я, мог видеть и кто угодно. Непонятно вот что — откуда уверенность, что выпьет это только Голубь, а не Тина или еще кто-нибудь из голубевских гостей? Хотя... Стрельцов или тот, кто пришел после него... знают, что жена в баре, то есть... Это еще не уверенность в личности жертвы, но все-таки.

С того момента, как Тина ушла, возможность подменить содержимое бутылки была у десятка людей, включая меня и Катюшу. А что? Мужчины

пошли в кабинет, она решила якобы немного прибраться здесь... Зачем — это уже другой вопрос.

Мог и Бардин зайти, элементарно! Правда, на «журналистское расследование» он согласился с легкостью. Значит, не он? Или...

А если еще вспомнить про тех, кто не попал в поле зрения... Надо завтра разыскать Симонову, пусть знакомит со Стрельцовым. Пока я не выясню, сколько времени он пробыл у Голубя, я с места не сдвинусь. Хотя очень забавно получится, если он, Стрельцов, как раз и есть тот злобный отравитель... Возможность была, мотив, вроде, тоже, и пальчики на бутылке его. Впрочем, это как раз не довод, скорее наоборот — даже у полного идиота хватило бы мозгов протереть «орудие».

Третье. Почему выбран такой странный способ убийства? Метилловый спирт, конечно, легко раздобыть, но есть тут одна махонькая закавыка. Технический метанол так разит всякой дрянью, что его даже с забытым носом не употребишь. Не знаю, можно ли его очистить в домашних условиях? Значит, источник, вероятно, — какая-нибудь лаборатория.

Вот только... в любой химической лаборатории с не меньшей легкостью можно раздобыть что-нибудь... м-м... не столь экзотическое. Ну, скажем, элементарный цианид — простенько и надежно. И нужно его гораздо меньше, и подсыпать проще. Почему же все-таки древесный спирт? Почему, в конце концов, вообще отравление? Почему не выстрел, не удар по затылку? Единственное более-менее логичное объяснение, которое приходит в голову, — в конструкции «метанол-обрыв» велика вероятность, что происшедшее спишут на несчастный случай. Как оно почти и сложилось.

9

Упрямство украшает женщину

Марина Мнишек

Воистину — везет тому, кто сам себя везет. Первым человеком, с которым я столкнулась в редакции, оказалась Танюшка Симонова. Она не Санечка, так что обошлось без дурацких вопросиков «зачем тебе это надо?» Собственно, в редакции чужие «надо» вообще редко кого интересуют. У каждого своих выше крыши.

— Стрельцов? О-о-очень обаятельный мужчина, в прекрасных отношениях остались, даже с 8 марта меня поздравляет. Но предупреждаю: без-

надежен, очень любит жену — представляешь, такая классическая «Катюша» — коса золотая, и глаза в пол-лица. Называет ее «котенок» и весь при этом сияет. Ну, сама поглядишь. Если полчаса подождешь, я как раз в нужную сторону еду, забежим к нему в контору, я тебя лично отрекомендую.

По дороге я вкратце рассказала Танюшке, в чем дело, и, дабы оправдать мой к Стрельцову интерес, мы сообща выработали железобетонную по непрошибаемости легенду. Хочется, мол, сделать не совсем традиционный материал. Обычно смерть известного человека воспринимается через его дела. Но ведь он же человек? И наверняка личность, если смог чего-то достичь? Его окружение — не только деловые партнеры, с кем-то его связывают приятельские или даже дружеские отношения, так? Одним словом, хочется сделать что-то живое. Уходит не должность, не бизнесмен — уходит человек.

— Пожалуй, хорошо, что вы пришли. Все это очень... — Вадим Алексеевич замялся, подбирая слово, — печально. Но мне почему-то действительно хочется о нем поговорить. — Стрельцов задумался. — Нестандартный человек. Штучная работа. Один из немногих, кому удается совмещать дружбу и бизнес. Точнее, наоборот, разделять.

— А разве дружба не повышает надежность, как бы это точнее, деловых контактов?

— Практически никогда. Дружеские отношения снижают уровень именно деловой ответственности. — В манере речи Стрельцова здорово чувствовался преподаватель — должно быть, вот так же размеренно он читает лекции. — И наоборот. Ведь нередко бывает: кто-то кого-то подводит или вынужден сказать «нет»... Если сюда примешать психологию — начинаются обиды, отношения портятся.

— А Виктор Петрович?

— Он всегда выдерживал границу и никогда не путал роли. Либо мы говорим о делах — и тогда надо забыть про то, что друзья, либо по-приятельски общаемся — и тогда никакого намека на дела. Так почти никто не умеет. Да вот, казалось бы, пустяк. Мы приятельствовали довольно близко и выпивали вместе время от времени, не без того. Но — никогда во время переговоров. И не только в конторе, но и дома. Ему и в голову бы не пришло предложить собеседнику выпить. После завершения — возможно. Хотя и этого не любил.

— А если бы ему предложили? Если переговоры на чужой территории?

— Бывало. Он всегда отвечал, что не пьет во время работы.

— На него за отказ не обижались?

— Некоторые считали, что это... как бы помягче... невежливо. Мы же в России живем и работаем. Но это не имело значения — Виктор всегда делал то, что считал нужным.

— Вадим Алексеевич, не сочтите вопрос бесцеремонным... Просто последние часы жизни, вы понимаете, как это в глазах читателя...

— Вы про наш последний разговор? Там большого секрета нет, могу рассказать, только подробностей не упоминайте.

— Как скажете.

— В двух словах: у меня была необходимость в продлении кредита. Через две недели или, при очень уж неблагоприятных обстоятельствах, максимум через месяц мы расплатились бы без проблем. А сегодня... Скорее всего, встал бы вопрос о ликвидации фирмы. Я не собирался в «Прибрежный» ехать, хотел его в городе дожидаться, хотя сроки и поджимали. Спасибо — Светлана надоумила.

— Простите?

— Светлана Михайловна, его секретарша. Мы с ней в одной школе учились, через два дома живем. Вечером частенько на собачьей площадке сталкиваемся. У нее, между прочим, лучший в городе серебристый дог. Вот она и подсказала, что к нему прямо в пансионат постоянно по делам приезжают, он специально одну комнату под кабинет отвел, чтобы отдых и работу не путать. И, знаете, у меня даже мелькнула шальная мысль, не сам ли Виктор ей велел о том намекнуть?

— А у него вы не спрашивали?

— Ну, что вы! О таких вещах вслух не говорят. Так что приехал вроде бы не совсем специально, взял комнату на два дня, чтобы заодно и отдохнуть от города.

— Он мог вам отказать, несмотря на то, что вы старые приятели?

— Запросто. Мало ли какие у него обстоятельства сложились. Так что я уже прикидывал, что буду делать, если услышу «нет».

— Как я понимаю, вы услышали «да»?

— Именно. Виктор посмотрел мою схему, согласился, что за две недели все обернется, а если совсем наперекосяк пойдет, то за месяц. Сказал: «О'кей, месяц у тебя есть». Даже позвонил Светлане, что будут, мол, интересоваться, так обо всем договорились, можно документы оформлять, он подпишет.

— Понятно... То есть, он ничего не делал наполовину?

— Вот именно. Может — сделает, нет — голову морочить не будет.

— Вадим Алексеевич, только не сердитесь. Ходят слухи, что Виктор Петрович был... ну... не очень аккуратен с кредитами...

— Рита, забудьте! — Стрельцов устало вздохнул и продолжил: — Вы этой кухни не знаете, а потому попытайтесь понять: если жестко следовать букве закона — никакая машина вообще не поедет. Поэтому, как правило, все, в итоге, решается одним-двумя людьми. Людьями, а не инструкциями. И так в этой стране будет еще долго.

— Я не хотела вас обидеть.

— Да вы и не обидели. Спрашивайте дальше.

— Голубь любил жену?

— Любил?.. Не знаю, в это слово каждый вкладывает свое. Он очень ценил ее. Знаете, у меня даже иногда было впечатление, что он с ней советуется по деловым вопросам. У Тины действительно светлая голова, я давно ее знаю.

— А сама она бизнесом никаким не занимается? Сейчас ведь нередко...

— Насколько я знаю — нет. — Стрельцов покачал головой. — Думаю, у нее на это не хватит выдержки и многовато упрямства.

— То есть?

— Кроме умения быстро определить выигрышную идею, не менее, а может, и более важно умение вовремя от чего-то отказаться. Отойти от рулетки, не пытаясь отыгратьяся.

— Мне говорили, что она нетерпелива...

— И это тоже. В ней очень сильно развито «я так хочу, значит, так и должно быть». К делам лучше относиться прохладнее. А для женщины, — он мягко улыбнулся, — наверное, для женщины это совсем неплохо. Женские капризы... В этом мы с Виктором были очень похожи: от удовлетворения женских капризов можно испытывать колоссальное удовольствие.

— Вадим Алексеевич, я так понимаю, вы недолго с Виктором Петровичем разговаривали?

— Минут двадцать, не больше.

— А после вас к нему никто не заходил? — Я все пыталась решить для себя: говорить или нет про отравление? Собственно, если это он, ничего нового я ему не скажу. Так-то оно так, но, в любом случае, встает вопрос — откуда я про это узнала.

— Когда я поворачивал к своему коттеджу, мне показалось, что кто-то стоял у его двери.

— Мужчина? Женщина?

— Не знаю. Я вообще не уверен, что там кто-то был. Сумерки, могло и померещиться.

— Вадим Алексеевич, довольно личный вопрос. Вам не показалась эта смерть, ну, странной, что ли?

— Я вообще не понимаю, что произошло. Виктор совершенно определенно сказал Тине, что подойдет через полчаса, а вместо этого... Может, действительно кто-то к нему заходил, не знаю.

— Вы ведь его хорошо знали? Мне просто трудно представить ситуацию, отчего такой мужчина, как Виктор, может вдруг, ни с того ни с сего, напиться?

— Не знаю, Рита. — Стрельцов долго думал. — Действительно, не знаю. Абсолютно невероятно, но...

— Ну, хорошо, я не буду больше вас отвлекать. Только... можно мне будет со Светланой Михайловной встретиться?

— Не вижу препятствий. Хотя... Света — человек довольно-таки официальный... Я ей позволю, а то, знаете, может и отказаться с журналистом разговаривать. Надеюсь, вы материал перед публикацией покажете?

— Разумеется, это же личное.

— И добрый вам совет — к Светлане идите лучше завтра с утра, понимаете?

— Ну, конечно. — Хотя, честно сказать, я не очень понимала, чем завтрашнее утро отличается от сегодняшнего. — Ситуация тяжелая, там не до меня. Ну, спасибо вам еще раз и до свидания.

— Всего доброго!

10

*Истинная женщина прекрасна не тем,
как она выглядит. По-настоящему имеет
значение лишь тайна, которая в ней сокрыта.*

Железная Дева

От стрельцовского офиса до банка «Град» всего-то три квартала, двадцать минут ходьбы. Ну, и что, что Вадим Алексеевич посоветовал зайти к Светлане Михайловне завтра с утра? На то и даются советы, чтобы им не следовать. В конце концов, что я теряю? Максимум, полчаса на дорогу до банка.

В банке меня, однако, ничем не порадовали:

— Вряд ли Светлана Михайловна успеет с вами поговорить. В данный момент она занята, а через час уедет. Может быть, завтра с утра? Или, раз это так важно, подождите в холле, если она освободится пораньше, я вас приглашу.

Я попыталась скрасить ожидание кроссвордом, но дело не пошло. «Шарики» крутились совсем в другом направлении. Нет, я прекрасно понимала, что убийство произошло по-настоящему, и игра в сыщики сейчас не очень уместна, да и не собиралась я ни во что играть. Просто все как-то цеплялось одно за другое.

Начнем с чисто технических возможностей. Имеется бутылка, которая с очень большой долей вероятности послужила орудием убийства. По-

сколько мадам продолжает пребывать в добром здравии, бутылку или ее содержимое, вероятно, подменили уже после того, как Тина пофыркала: «Какая гадость, мне хватит». Кто мог это проделать? В голубевском коттедже в нужный период времени присутствовали сам Голубь, Тина, Катюша и Стрельцов. Теоретически вполне возможно, что после этого там побывал еще кто-то, но попробуем разобраться хотя бы в этом.

Тина. Номер один среди подозреваемых, как и положено супруге. По свидетельству ее собственному, моему и Катюши, — участвовала в распитии пресловутой бутылки, послужившей орудием убийства. И уже неважно, что утверждает она сама. Я лично, как пили, не видела, зато могу поклясться, что, когда я проходила мимо их коттеджа, бутылка была уже початая. Катюша также поклянется, что видела, как супруги вместе выпили. Правда, не видела, как наливали, но никакой другой бутылки на виду не было — а уж такие вещи горничная замечает автоматически. Посему факт совместного распития можно считать практически доказанным, и подмена произошла после ухода Тины.

Далее. Возможностей подменить бутылку или ее содержимое у Тины столько же, сколько, к примеру, у меня, то есть абсолютный ноль. К тому же, пальцев ее на бутылке нет, а она была без перчаток. Мотивов — опять столько же. Разве что супруг мешал какой-нибудь ее страстной любви? Ох, вряд ли. Во-первых, об этом бы обязательно хоть кто-то знал, во-вторых, проще и безопаснее все-таки развестись, не в средневековье живем. Если под Голубем действительно шаталось кресло... Ага, а она его грохнула, чтобы остаться «в памяти народной» женой, пардон, вдовой управляющего?

Стрельцов. Возможность — да, и за бутылку брался. Вполне мог дожидаться, пока начнет действовать яд, и проводить Голубя к обрыву, в расчете на то, что все будет потом выглядеть как несчастный случай. Собственно, если бы не патологическая профессиональная честность Марины и творческий зуд некой журналистки, скорее всего, так бы оно и произошло. Почему не стер отпечатки? Одна из версий: сначала не мог этого сделать, дабы не насторожить жертву, потом Голубь почувствовал себя... э-э... нехорошо, Стрельцов повел его «проветриться», а потом не смог вернуться в коттедж. Хотя в варианте несчастного случая никто эти чертовы пальцы и проверять не стал бы, а если и стал, так не придал бы значения.

Мотивы? Наиболее вероятный — тот самый просроченный кредит. Стрельцов, правда, утверждает, что они с Голубем обо всем договорились, но Голубь этого подтвердить уже не может. Ага, зато может это сделать Светлана Михайловна, которую я дожидаюсь. Ладно, забудем пока про кредит. Что еще? Страстная и продолжительная связь с Тиной? А муж мешал? Сомнительно. Танюшка сказала, что Стрельцов очень любит свою

жену, у нее глаз-алмаз, не ошибется. А если наоборот — его жена кинулась в объятия Голубя? Да нет, таких вещей, опять же, не скроешь, Санечка хотя бы на уровне слухов знал. Но поговорить с мадам Стрельцовой не помешает. Еще вариант: роман был и отгорел, однако госпожа Голубь продолжала «пылать». Н-да. На мотив как-то не тянет. В подобном случае надо было ликвидировать ее, а не его.

Катюша. Не Стрельцова, конечно, а из «Прибрежного». Возможность — да. Правда, в этом варианте неясно, откуда на бутылке пальцы Стрельцова. Может, случайно? Мотивы — не просматриваются. Когда-то соблазнил, теперь нарвался на месть? Вообще-то возможно, но тогда она великолепная актриса. Да и тип личности не тот, чтобы вендеттой увлекаться. Хотя способ в такую версию очень хорошо укладывается.

Бардин. Возможность — пожалуй. Мотивы — неясные.

Максим и прочая охрана. Возможность — теоретическая. Мотивы туманные. Какая-нибудь ревность? Но зачем в таком раскладе знакомить меня с Мариной, у коей «сомнения»? Нелогично.

Сам Голубь. То есть самоубийство. Ибо версию несчастного случая отмела Марина. Исходя из состава содержимого. Ладно, предположим самоубийство. Странный способ, но пусть. Возможность — сколько хочешь. Мотивы — потеря хорошего места, страх перед уголовным или иным преследованием? Ну... может быть, конечно, и так, но очень уж способ сомнительный.

Деловые партнеры и прочие неизвестно кто? Вообще полный туман. Интересно, с чего бы у меня Катюша Стрельцова всплыла? Может, что-то у нее все-таки с Голубем было, не сейчас, а когда-то, ну и дабы скрыть от любимого и любящего мужа... Всепоглощающая страсть опасна. И для себя, и для окружающих.

Через полчаса из внутренней двери появилась ослепительная по яркости брюнетка несколько итальянского типа. В полушаге за ней следовала... Тина! Я вжалась поглубже в кресло и отвернулась в угол, не хватало еще, чтобы Тина меня заметила. Так-так-так. Видимо, это и есть та самая Светлана Михайловна. Ну, конечно, безутешной вдове есть что обсудить с доверенной секретаршей своего покойного мужа. Или они собираются хором оплакать безвременную кончину горячо любимого? Нет, вряд ли. Надо полагать, эти дамы люто ненавидят друг друга. Хотя чужая душа — потемки, и отношения между ними могут выходить далеко за рамки официальных. И все-таки интересно, как Тина терпела, что возле супруга постоянно находится такой вот «раздражитель»? И еще более интересно, как Голубь ухитрялся работать бок о бок с такой... женщиной? Говорят, правда, что у деловых мужчин наблюдаются серьезные проблемы в известной области, но не настолько же?

Настоящая «секс-бомба» — это определение подходит на все триста процентов. Не красавица, нет, по крайней мере, ничего такого, чего нельзя было бы достичь с помощью косметики. Возраст и вовсе непонятный — не то двадцать, не то сорок. Но, боже мой, какие формы! И рот... Даже в деловом костюме она наверняка должна превращать девять из десяти мужчин в мартовских котов с задранными хвостами, а уж если наденет что-то менее официальное... Как говорилось в одной скандально известной рекламе, «никогда не пользуйтесь нашими духами — иначе вас изнасилуют даже на Уолл-стрит».

Да-а-а... Если бы убийцей была Тина, ей надо было ликвидировать не дорогого супруга, а эту красотку. Хотя, если подходить к проблеме радикально... Ну и чушь лезет в голову! На всякий случай — а вдруг это была вовсе не та, что мне нужна, — я подошла к администратору и, нервно глядя на часы, поинтересовалась, не освободилась ли Светлана Михайловна. Ответ, как и ожидалось, был «извините, она уже уехала». Ладно, значит, беседа, на которую я, впрочем, не возлагала особых надежд, откладывается на завтра. Может, имеет смысл тогда переночевать сегодня дома? Прелесть отдыха в «Прибрежном» как-то поблекла.

Из банка я вышла с твердым решением отправиться домой. Сделаю вкусный ужин, почитаю и лягу спать пораньше. Вот только еды какой-нибудь надо купить, наверняка в доме ничего, кроме пары банок консервов, не найдешь.

11

*Никто никого не понимает. Но если очень стараться,
можно добиться, чтобы тебя не понимало
все человечество.*

Билл Гейтс

Войдя в квартиру, свалив на пол два тяжелых пакета и заперев дверь, я вместо расслабленности и покоя вдруг почувствовала дикий страх. Страх и настоящее желание оказаться где угодно, только не здесь. Желание столь же неодолимое, сколь необъяснимое.

Опомнись, Ритуля, у тебя, кажется, крыша поехала! Лечиться пора, пить элениум, реланиум или чего еще, спать по двенадцать часов и трижды в день принимать холодный душ. Надо же, страшно ей! В лесу наедине с трупом так не боялась. А ну-ка, успокойся!

Страх, однако, не проходил, и я начала себя уговаривать: «Ну, Риточка, ну, девочка, все хорошо, ты просто устала, сейчас поешь, отдохнешь, успокоишься...»

По позвоночнику полз отвратительный холодок, привычный и уютный дом казался чужим и наводил ужас. Господи, да что же это со мной? Нервы нервами, но с чего? Я обвела взглядом прихожую, все было как обычно. Нет, надо собраться. Глубоко вздохнуть пару раз и...

Вот оно! Пахло кофе и табачным дымом! А ведь три дня назад, когда я была дома последний раз, я очень хорошо проветрила, да и вообще курила в основном на балконе. Значит, кто-то, зная, что я в «Прибрежном», заявился ко мне домой — замки-то шпилькой открыть можно. Причем было это совсем недавно, запах свежий, не застоявшийся. Но зачем? Ничего такого секретного у меня не хранится. А может быть... Может, дело как раз не в чем-то секретном, а во мне самой?!

Спокойно, Рита, спокойно! Теперь главное — суметь очень тихо повернуть замок и очень быстро выскочить. Руки не слушались. Дверь кухни начала медленно открываться...

— И долго ты собираешься торчать в прихожей? — Из кухни появился Никита. В глазах у меня потемнело, и я рухнула на стул.

— Кретин, дубина, болван! — Мне казалось, что я ору так, что сейчас обвалятся стены, но горло перехватило, и мой крик был скорее похож на шепот.

— Да ты что, Рита, в самом деле, испугалась? Ну, прости дурака, я не хотел, просто от плиты отойти не мог, боялся — кофе сбежит.

Убить его, что ли? Мы познакомились, когда единственная моя подруга оказалась в одной весьма неприятной и запутанной истории: с поддельным завещанием, фальшивыми долларами и прочими невероятными «прелестями» в этом духе. Одна закатанная в пластик стодолларовая купюра — фальшивая, конечно, — до сих пор служит мне книжной закладкой. А майор Ильин Никита свет Игоревич тогда как раз эти доллары и искал. Тоже мне, добрый старый друг! Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие!

— Ну, Рита... — Ильин с убитым видом бережно довел меня до кухни, усадил в кресло. — Поговорить надо было, я тебя у банка перехватил. Смотрю — домой направляешься, ну, пока ты по магазинам, я сюда, не большой такой сюрприз. Ты когда замки сменишь?

— С-сюрприз?! С-скотина! — Я даже заикаться начала. И, пожалуй, к лучшему. Слова, что вертелась у меня на языке, настоящая леди не должна не то, что произносить, ей знать-то не положено об их существовании.

— Успокоилась? — Никита разлил по чашкам злополучный кофе, придвинул мне пепельницу.

— Убить бы тебя, да сил нет!

— Значит, успокоилась, можно и побеседовать. Твой материал? — На кухонном столе лежала газета. Развернутая. Так что заголовок «Шаг с обрыва: несчастный случай или УБИЙСТВО?» просто бросался в глаза. А неплохо сверстали, черт подери!

— С чего ты взял? — Материал прошел под псевдонимом настолько «левым», что можно было совершенно спокойно прикидываться «шлангом»: знать ничего не знаю и ведать не ведаю.

— Это ты кому другому скажи. — Ильин отхлебнул кофе. — А ничего получился, невзирая на помехи. Это я про кофе. Хотя и материал тоже вполне. Твой стиль не узнать — надо и впрямь быть полным болваном. Ну куда тебя опять понесло? Спокойная жизнь надоела? — Когда Никита всерьез злится, а когда лишь изображает из себя разъяренного тигра, понять совершенно невозможно — его чертовы сине-зеленые глазницы непроницаемы, как у сфинкса. — Я вот думаю: может, тебя следователю на растерзание отдать? В моем присутствии?

— И чего ты этим хочешь добиться?

— Да мне и самому любопытно, чего от тебя можно в итоге добиться... — задумчиво протянул майор, вот только задумчивость эта была какого-то не того сорта, какой может польстить женщине. — Наверняка чего-нибудь интересного... Хотя лучше посадить в бочку и кормить через дырочку.

— А тебе до всего этого какое дело? — кинулась я в атаку. — Ты у нас вроде бы экономическими махинациями занимаешься, или ориентацию сменил? И вообще, там райотдел копается...

— У кого какая ориентация, я тебе потом объясню. Возьму ремень и так надеру, что месяц за компьютер не сядешь, а спать будешь на животе. Глупая девчонка!

— А что я такого сделала, скажи, пожалуйста? Что формалином от тела несло как из пушки — так это первое, на что я внимание обратила. А голову отключать, прости великодушно, пока не научилась. Выяснить, что сей запах означает, можно за десять минут. Думаешь, у меня знакомых медиков нет?

— Много их у тебя слишком, знакомых!

— Ну, извини, работа такая, — буркнула я, прикуривая следующую сигарету, хотя предыдущая догорела едва до половины. Никита наблюдал за моими манипуляциями с явным интересом. — И нечего так меня разглядывать. Напугал женщину до полусмерти, чуть до инфаркта не довел.

— У тебя? Инфаркт? Не преувеличивай. Ладно, квиты, «фарш обратно не провернешь». Ты мне скажи, с чего это ты так распереживалась? Нервы разгулялись?

— Нервы-нервы. И вообще — дура. Вчера, по собственному идиотизму, чуть к праотцам не отправилась, до сих пор в себя прийти не могу.

— Ну-ка, ну-ка? Давай рассказывай.

Если есть на свете человек упрямее меня, так это майор Ильин. Выглядеть душой — приятно мало, но куда деваться? Пришлось вкратце изложить ему историю с приемником.

— Ну, глупость несусветная!

— В голове у тебя глупость несусветная! — рассердился Никита. — Неужели не ясно: зайти в твой коттедж и расшатать шурупы — дело двух минут. Кто угодно мог это сделать. Простенько и действенно. Гарантий, конечно, никаких, но и усилий тоже, просто грех не попытаться.

— Иди ты к черту, у тебя на профессиональной почве уже мания преследования появилась. Кому понадобилось это делать, и главное — зачем?

— Вот и мне интересно — зачем? Ты сама-то можешь поверить в такие совпадения? Что-то, значит, видела или слышала. Вспоминай.

Трудно было не согласиться. Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь: ничего случайного в этой жизни не бывает. В самом деле, с чего бы этим шурупчикам вздумалось со своих мест выскакивать? И почему именно сейчас? Я задумалась. Чертовски сложно вспоминать всякие пустяки, тем более, когда не знаешь, какой из них тебе нужен.

— С Бардиным я только по работе общаюсь, про это еще миллион людей знает. Да его, по-моему, до самого убийства в пансионате не было, он все время в городе торчал. С Максимом до этого всего я только в спортзале сталкивалась. С Тиной в основном тоже. И вообще, Максим сам ко мне обратился. Со Стрельцовым сегодня первый раз разговаривала, — я еще раз, правда, без особого успеха, попыталась сосредоточиться. — Насколько я понимаю, должно быть нечто, известное только мне... Ну, и еще тому, кто... как это... замешан...

— Очень внятно излагаешь, сразу видно профессионала. Давай думай.

— Да ничего я такого не знаю. Тина почти не бывает на пляже, зато ежедневно не меньше часа занимается на тренажерах. Может, какими-то словами и перебрасывались, но в зале особенно не поговоришь, и потом, мы же там не вдвоем занимаемся, всегда еще кто-то есть. Играет в преферанс. И хорошо, кстати, играет, покойник даже жаловался. Хотя мне днем раньше проиграла. Это имеет значение, или как? А на следующий день общалась с Вадимом. Кстати, вот этого, кроме меня, вероятно, никто не видел. Но, тоже мне, «секрет полишинеля»! И так все знают, что они старые приятели.

— О чем разговаривали?

— Да не помню я! Ерунда всякая. По-моему, она пыталась ему для Виктора всучить какой-то компромат на Светлану. А может, мне спросонья показалось.

— Поточнее вспомни, что она сказала.

— Ну... «есть у меня одна штука», кажется, так. Потом — «может, он Светку, наконец, выгонит, обнаглела». И еще что-то, вроде «только тебе, по старой дружбе». По-моему, так.

— Оч-чень интересно. Там же ничего не было. Голубь к своим девицам относился сугубо потребительски. Все серьезное доставалось мадам.

— Сволочи вы все, мужики! А если информация была не постельная, а деловая?

Никита задумался, выкладывая из спичек четырехконечные звезды. Интересно, откуда спички взялись, я отродясь их в доме не держала, а у Ильина зажигалка. Надо же, какая чушь в голову лезет, дались мне эти спички!

— Хм, ничего идея, покупаю.

— Я же говорю, — сволочи. При виде такого бюста вам уже ни про какие дела не думается.

— Ты бы вспомнила поподробнее тот разговор.

— Попытаюсь. Попозже. А охрана на стоянке никого не заметила?

— Ну, знаешь ли, чтобы оставить в такой ситуации машину на стоянке, надо быть абсолютным идиотом. А то в лесу места мало.

— А кто вообще мог? В смысле мотивов...

— О-о! — Никита развел руками. — Кто угодно. Полный букет и мотивов, и возможностей. Любая обиженная девица, любой затюканный должник.

— А тебе сам способ убийства не кажется идиотским?

— Идиотским — нет. В некотором смысле очень даже разумно. — Никита пожал плечами. — Хотя и странно. Особенно, если иметь в виду деловых знакомых, тех, кто в «Прибрежном» не мелькал. Больше похоже на обиженную девицу. Или хотели выдать за несчастный случай...

— Или хотели, чтобы это выглядело мезью обиженной девицы. Хотя, по-моему, проще было все-таки пристрелить. По крайней мере, Бардин до такого изыска, как древесный спирт, вряд ли додумался бы. Он мужик простой, как сто баксов. А что насчет главной подозреваемой?

— В смысле?

— Ну, как же! Жену обычно убивает муж, мужа — жена.

— Обычно... Если бы еще она что-то от этого приобретала. Ревность? Как-то не вяжется. Да и было бы к чему ревновать — она для него все равно вне конкуренции оставалась. Деньги? Так она ничего не наследует. Или почти ничего.

— А если он собирался развестись? Хотя вряд ли, не похоже, видела я, как он с ней общался.

— Мало того, что не похоже. При разводе она получила бы наверняка не меньше. А главное — если она ухитрилась подменить бутылку на глазах

двоих, а потом троих человек, тогда ей в цирке надо работать. Вместо Акопяна. И пальчиков ее на бутылке нет.

— Кстати, о пальцах. Не поделишься, как пальчики на искомой бутылке легли? И, кстати, что там точно было внутри?

Никита посмотрел на меня устало и как-то обреченно. Видно, понял, что ничего особо нового он мне не сообщит про то, что там пальцы Голубя и Стрельцова, я и так знаю...

— Следы Голубя кое-где перекрывают стрельцовские. То есть покойник, похоже, брался за бутылку последним. А внутри — метанол с красным перцем.

— И что это значит?

— Что-то, безусловно, значит, вот только понять бы — что именно. То есть, формально сей факт однозначно указывает на господина Стрельцова, а на самом деле, черт его знает!

— Но почему выбрали такой странный способ?

— Скорее всего, действительно рассчитывали, что проскочит как несчастный случай. Типа не повезло мужику, попалась «паленая» бутылка. Тем более, что каждый, хоть мало-мальски знакомый с привычками Голубя, мог быть практически уверен, что жертва будет только одна. Могла, конечно, еще и Тина приложиться, но если знать, что она ждет в баре и до времени не появится, то и она вне игры. Между прочим, в ее рюмке просто «перцовка». Без всякого метанола.

— О-ля-ля! Фокусники!

— Получается, что так, — неохотно согласился Никита.

— А чьи, кстати, были ключики? Те, что возле трупа лежали.

— Ключики стрельцовские. Но это, сама понимаешь, вообще ни о чем не говорит. Забыл на столе, Голубь положил в карман, чтобы потом отдать, а при падении они и выпали. В машине, небось, дубликаты хранил...

— Нет, солнышко, вариант, при котором Стрельцов их сам выронил, меня как-то не восхищает. Ну, пусть даже именно он угостил Голубя этой гадостью, пусть даже до обрыва потом довел. Тогда непонятно, почему бутылку не вытер, и непонятно, зачем надо было подходить к трупу. Разве что проверить, насколько он — труп... Правда, столь же непонятно, зачем Стрельцову вообще все это надо? В смысле, убивать Голубя. Мне он сегодня сказал, что они прекрасно договорились, Голубь даже Светлану предупредил, что все, дескать, в порядке. Это как, подтвердилось?

— Завтра выяснится. Ее пока не вызывали.

— Ладно, Ильин, проваливай! Устала, как тридцать две собаки. В голове уже не каша, а какое-то ирландское рагу. Ступай, отдохнуть надо. И больше мне сюрпризов не устраивай, хорошо? В следующий раз меня точно

кандрашка хватит. Постой! — вспомнила я вдруг начало беседы. — Ты же вроде поговорить о чем-то собирался?

— Да я и поговорил. И, наверное, не в последний раз.

— Ненавижу тебя! Абсолютно! Мент железобетонный!.. Слушай, а протокол осмотра помещения и результаты всяких ваших экспертиз нельзя посмотреть? Вдруг меня осенит?

— Ты у меня дождешься, я сам тебя осеню. По лбу, и чем потяжелее. Совсем обнаглела. Пока, акула!

12

Я спросил у ясеня — где моя любимая...

Синяя Борода

Господи! Как я ненавижу будильники! Эти злобные механизмы, должно быть, придумали специально для издевательства над беззащитными человеческими организмами. А если вспомнить, что их родиной считаются восточные страны, все становится совершенно ясным — по части пыток Восток всегда был куда изощреннее унылой и однообразной Европы.

Да заткнешься ли ты наконец?! Словно почувствовав мою ярость, «безжалостный монстр» наконец-то замолк.

Однако едва я успела вздохнуть с облегчением и повернуться на другой бок, как этот изверг разразился новой серией звонков. Погоди-погоди... серией?..

Повторяя про себя всякие слова, в основном те самые, о существовании которых леди даже и подозревать не должна, я дотянулась до телефонного аппарата и сорвала с него трубку, ухитрившись свалить при этом не только сам аппарат, но и стоявший рядом с ним стакан, к счастью, пустой. Вряд ли можно ожидать особенно точных реакций от человека, получившего вместо восьми... так, чего это там часы показывают — полтретьего?! Значит, всего три часа сна. Стоило вернуть телефон на место, как он зазвонил снова.

— Два часа двадцать восемь минут, — попыталась я как можно более точно скопировать интонацию диктора из «службы точного времени».

— Рита? Извини. Ты одна? Если с кем-то, отвечай только «да» и «нет».

Похоже, придется все-таки проснуться. Майор Ильин, хоть и отмечен склонностью к странным шуткам, но звонки в половине третьего ночи — это уже не странность, а сущий идиотизм. В том случае, если это шутка, разумеется. Но вряд ли.

— Ах, что вы, что вы! Мне ужасно приятно, что родная милиция блюдет мою нравственность даже в половине третьего ночи.

— Никому не открывай, оденься, я приеду через десять минут. Посмотри с балкона — только свет не включай, ради бога, — я ли это подъехал. Все.

Не мужчина — мечта. Только соберешься раскрыть рот: «Да, сэр, есть, сэр, разрешите исполнять?» — а тебя, оказывается, уже никто не слушает. Ох... Да здоровствует юмор господина Ильина — самый милицейский из всех теоретически возможных!

Полчаса спустя, прислонившись к облезлой подъездной стене типовой десятиэтажки, я уже не вспоминала ни про какой юмор. К горлу подкатывало, и больше всего на свете хотелось оказаться в маленьком — закрытом! — туалете наедине с унитазом. Какого дьявола меня угораздило сегодня поужинать?! А если не рядом с унитазом, так хоть где-нибудь подалее отсюда...

Все-таки труп Голубя, пусть я и наткнулась на него, что называется, обеими руками (точнее, ногами), воспринимался как-то отстраненно. Да я его, собственно, и не видела: ночь, тьма кромешная, много ли с фонариком разглядишь. Единственное, о чем я тогда думала, — свалить куда-нибудь поскорее. И ноги подгибались, и позвоночник как будто заледенел — но не до страха было. Рядом никого, и значит, выбираться из болота надо самой, никто не вытащит. Какой уж тут страх! Страшно стало потом, когда я на Николая наткнулась. Наверное, в мозгу сработали какие-то предохранители, и после, если что-то и вспоминалось, то вспоминалось не как реально происшедшее событие, а как кадры из какого-то фильма. Вроде и было, но далеко и с кем-то другим.

А сейчас, в ярко освещенном закутке под лестницей, меня охватил такой мерзкий липкий ужас, что рубашка прилипла к спине. Никита под локоток отвел меня в сторонку, молча достал из кармана платок, стер пот с моего лба и отдал платок мне.

Вчерашняя брюнетка, голубевская секретарша Светлана Михайловна в своем элегантном шелковом костюме цвета слоновой кости лежала на грязном полу, вытянув левую ногу и поджав правую. Правая туфля свалилась и лежала рядом. Правый висок разбит, но крови немного, да и вообще на черных волосах кровь не очень видна. Страшнее всего была размазанная губная помада, розовый перламутр, — казалось, что из мертвого рта сочится слюна. Господи, только бы не стошнило!

— Никита Игоревич! — Тип, который к нам подошел, был весь как бы слеплен из круглых частей, хотя полным его назвал бы разве что злейший враг.

— Ну что, Олег? — Никита повернулся к нему, всем своим видом выражая глубочайшее внимание.

Олег покосился на меня, но, видимо, решил, что начальству — а в том, что Никита тут начальство, не было никаких сомнений — лучше знать, и начал рассказывать.

— Пока телеграфно. Напали на нее где-то между десятью и одиннадцатью. Брызнули из баллончика, она закрылась руками, на ладонях явные следы косметики, и тут же стукнули по виску. Вот этим. — Он показал железный прут, закрученный в какую-то немыслимую загогулину, и махнул в сторону лестницы. — Вон оттуда, из перил выдернули. Держался на честном слове, а последний излом свежий.

— Н-да, удобно, — буркнул Никита. — А почему били справа? Левша?

— Н-нет, не думаю, — покачал головой Олег. — Потом еще уточню, но вряд ли.

— Сильно стукнули?

— Да средне, сам видишь — череп цел. Это же висок, тут много не надо. Умерла практически сразу.

— Пальцев, конечно, нет?

— Конечно. В целом, очень грубая имитация ограбления.

— А почему ограбления? — не выдержала я. Правда, тут же приняла вид самой благонаравной девочки. Вроде это кто-то другой спросил, а я так, погулять вышла. Ох, судя по взгляду, которым одарил меня майор, будет здесь еще один труп. Прямо сейчас. И вероятнее всего, — мой.

— Скажи ей, — махнул на меня Никита. — Пусть поразмыслит. Может, завтра ее будешь осматривать.

— На шее след от сорванной цепочки, небольшая ссадина. Кошелек нет, часы сняты. — Олег взглянул на Ильина.

— Что ж не интересуешься, почему имитация? — обратился ко мне Никита. — Или, раз уж ты такая умная, почему не предположить, что после убийцы был еще некто, который и забрал ценности?

— Подумаешь! — фыркнула я. — Какой идиот забрал кошелек, когда проще и надежнее было схватить сумочку целиком. Черта с два, вы бы ее тогда так быстро опознали. Хотя... в своем подъезде... Но главное — серьги. Я еще вчера на них внимание обратила. По-моему, бриллианты. Цепочку, значит, сорвал, а серьги оставил? Чушь!

— Н-да, журналисты... — непонятно протянул Ильин. — Ладно, Олег, иди. Будет что-то — сразу ко мне.

— Никита, а правда, откуда вы тут вообще взялись так сразу? — поинтересовалась я. — Убийство при попытке ограбления — этим же район должен заниматься, нет?

— А-а, считай, повезло. У нее в сумочке повестка на завтра была, вот район нас сразу и оповестил.

— Какие сообразительные.

— Да какое там сообразительные! — Никита усмехнулся. — Очень им нужен лишний «глухарь». А так... Ваш свидетель, значит, и труп ваш, вот вы и разбирайтесь, кто да зачем.

13

*Всем нашим встречам разлуки,
увы, суждены...*

«Титаник»

— Ты всерьез полагаешь, что я могу оказаться следующим трупом? Или так сказал, чтобы поменьше прыгала? И когда звонил, сразу поинтересовался, одна ли я. Кто у меня мог быть?

— Да ничего я не полагаю! — взорвался Никита. — Мне не нравятся совпадения. Если бы не убийство Светланы, я мог бы еще на минуту поверить в случайность истории с приемником. Но лучше перестраховаться, чем осматривать еще один труп. А эта скотина слишком шустрая!

— Ладно тебе кипятиться. Если уж меня тоже понадобилось грохнуть, то зачем такие сложности? Угнать машину, наехать, и все дела.

— Ох, храни меня, господи, от дилетантов! — закатил глаза Ильин. — Начиталась детективов. Во-первых, угнать машину не так просто, как тебе кажется. Во-вторых, чтобы сбить человека наверняка насмерть... в общем, это тоже не элементарно. Тем более, среди бела дня. Ты когда последний раз вечером по улице ходила?

— А почему... Понятно, я же все время в «Прибрежном». Черт! Ну, что бы вам Светлану Михайловну вчера вызвать. Звонил ей Голубь или нет?

— А чего ты так к этому звонку прицепилась?

— Здрассьте! Единственная возможность установить — был ли у Стрельцова мотив.

— Ну, положим, не единственная, ведь мотивы могли быть и другие, не обязательно связанные с кредитом. Хотя это, конечно, довольно сомнительно. А тебе, гляжу, не хочется, чтобы это был Стрельцов?

— Да. Вот так. Я на него глаз положила, еще в «Прибрежном». А то останусь с разбитым сердцем.

— Врешь ты все! Глаз ты положила на меня, я изо всех сил упираюсь, а ты со всей возможной изобретательностью пытаешься меня спровоцировать. Всем хорошо, все довольны.

— С чего мне быть довольной, если ты упираешься?

— Да если бы я поддался на провокацию, тебе бы через неделю стало смертельно скучно. А так всем весело и интересно. Кстати, и Стрельцова ты по той же причине не желаешь видеть в роли убийцы. Не может быть убийцей человек, который тебе сразу понравился. Не хочу, и все тут. Скажешь, не так?

— Ну, отчасти, может, и так. Но не только. Уж больно все на нем сходится: и ключики, и пальцы, и то, что он последний достоверный визитер. Даже убийство секретарши вполне ему подходит. Если они с Голубем не договорились, и тот передал прямо противоположную информацию... Мне нравится Стрельцов, но не нравится, что он порекомендовал отложить мою встречу со Светланой Михайловной на завтра. Он ведь должен быть уверен, что она никому ничего еще не рассказала, иначе нет никакого смысла убивать, так?

— Ну! — согласился Никита и тут же съязвил: — Быстро ты, однако, симпатии меняешь.

— Ничего я не меняю, просто пытаюсь бесстрастно анализировать факты. Вот гляди. Он должен был с ней хотя бы поговорить — иначе как он может знать, что она единственный человек, осведомленный об этом чертовом звонке, уж не знаю, был он или нет. Так... Он говорил, что нередко встречается с ней на собачьей площадке. Хотя... В этом костюме я ее в банке видела, значит, она как раз возвращалась домой и собаку еще не выгуливала.

— Хорошо вычисляешь. Только я тебе и без вычислений скажу, что Светлана действительно возвращалась домой, а не было ее с утра. Есть у них на первом этаже такая дивная бабуля, мечта оперативника. Все видит, все слышит, все знает, чуть не круглосуточно торчит у дверного глазка — вместо телевизора. К тому же, терпеть не может собак и одиноких женщин. Уж она бы Светлану не пропустила.

— Та-ак. От стрельцовского офиса до банка я дошла минут за двадцать, еще через полчаса она ушла, дальше...

— Да не напрягайся ты так. Не виделся с ней Стрельцов. Остаток дня она провела с мадам Голубь, что-то им обсудить надо было, потом вместе поужинали в «Цыпленке жареном». Географию представляешь?

— Вполне. От банка два квартала.

— У ресторана взяли «мотор», да не частного, а такси. Первой, естественно, вышла Тина, она почти в самом центре живет, а Светлана Михай-

ловна поехала дальше, к себе домой. По времени все совпадает. Таксиста мы завтра найдем, они у «Цыпленка» одни и те же крутятся. И не смотри на меня вопросительными знаками — ничего она Тине не рассказала, говорили о голубевских делах, им хватило. И когда же она успела со Стрельцовым повидаться? Он мог ей, конечно, позвонить, но мне эта идея что-то не кажется особенно привлекательной. Не телефонная тема.

— Тогда как он мог быть уверен, что она никому и ничего?

— Ты самый простой вариант забыла. Дождался у подъезда, переговорил, выяснил, что хотел и...

— Черт! И вправду.

— Да не бесись ты! Мне самому не нравится. Вроде как под руку нужную карту подсовывают. Ах, не получился несчастный случай, вот вам прекрасная кандидатура. И даже не чересчур прекрасная, все, в общем, в рамках. Вот только ключики, пожалуй, лишние, а так — нормально. И алиби на вчерашний вечер у него нет.

— Думаешь, он способен стукнуть по голове бывшую однокашницу?

— Ну, знаешь, нашла аргумент! Не забывай, зачем-то ее «слезогонкой» брызнули. Может, именно на случай, если рука дрогнет, чтобы оставить возможность для еще одного удара.

— А с собакой не пробовали? В «Прибрежный», помнится, привозили. Не скажешь, кстати, чего-нибудь она там унюхала?

— Ничего она не унюхала, ни там, ни здесь. Пойми ты, наконец, что тот, кто все это организовал, далеко не дурак, при этом тип совершенно безжалостный. Рита, лапушка, мне совершенно не хочется, чтобы следующий труп оказался твоим. Ты мне интереснее в живом виде. Хотя порядком утомляешь так, что самому тебя убить хочется. Но работы лишней тоже не хочется, так что поживи пока.

— Ты бы хоть кольцо снимал, когда посторонним женщинам ручки целуешь!

— Ах, это? — Он стащил с пальца обручальное кольцо. — Хочешь, тебе подарю?

— Ага, в нос, чтобы на цепь сажать. Ну тебя к лешему, с твоими шуточками! Лучше скажи, у кого еще нет алиби на вчерашний вечер?

— А ни у кого, включая тебя. Как тебе версия: журналист убивает, чтобы сделать себе имя на громких публикациях?

— Для детективного романа как раз сойдет, надо будет использовать. А вы наблюдение ни за кем не пустили? Или собираетесь?

— Будет исполнено, мадам, доложу незамедлительно! — Ильин шуточно поклонился.

А все-таки интересно, что бы он делал, если бы я сказала «подари»?

Главное — чтобы костюмчик сидел.

Прокруст

Светлану хоронили тихо и незаметно, не то что Голубя. Еще бы! Тот если и не магнат, то все-таки личность в городе не последняя. А секретарша, будь она трижды «секс-бомбой», — кому она интересна после смерти? На похоронах было человек десять-пятнадцать. Наблюдая за краткой церемонией, я сделала только один вывод: Катя Стрельцова очень не любила Тину. Нет, ничего такого нарочитого, вроде «руки не подам», они стояли рядом и даже перебросились парой-тройкой приличествующих случаю фраз. Но — не любила. Ревновала бывшую пассию мужа? Боялась чего-то? В том, как она старалась не смотреть на Тину, как немного поджимала губы, как незаметно отодвигалась, виделось что-то инстинктивное. Так некоторые не любят пауков. Или тараканов. Почему? Непонятно. Вроде, безвредные твари, не кусаются.

Газеты про Голубя быстро забыли, а убийства Светланы Михайловны как бы и вовсе не заметили. Следствие, судя по ильинским обмолвкам, не то случайным, не то намеренным, тащилось нога за ногу, особых открытий не случалось, ничего пока не нашли, никого не задерживали. А меня мучили два вопроса: почему именно метанол, и за каким чертом семье Голубь понадобилось заказывать лимоны, когда достаточно было зайти на половину Тины? Для первого более-менее правдоподобное объяснение существовало: удобно выдать за несчастный случай. Второе было совершенно бессмысленным и потому царапало мозги, как заноза. Почти такой же непонятной была история с приемником. Я, конечно, не принимала особенно всерьез ильинскую версию — мол, это попытка меня убить, но... а вдруг? Тогда получалось, что я что-то знаю. Вот только вспомнить, что же я такое видела или слышала, так и не удавалось. Скорее всего, ни черта я не видела, а Никита просто перестраховщик.

Через несколько дней, заскочив на полчаса в редакцию, я нарвалась на его звонок.

— Маргарита свет Львовна! Скажи, пожалуйста, когда ты в последний раз с Тиной виделась?

— На похоронах Светланы. А что, ее тоже?

— Типун тебе на язык! А с кем из коллег ты обсуждала всю эту историю?

— Что, сантехник, выясняешь, где течет? Да ни с кем. И не из коллег тоже, можешь меня вычеркнуть. И, может, соизволишь объяснить, с чего такой допрос?

— Загляни в сегодняшний «Криминал». У меня даже мелькнула шальная мысль, что это твоя работа, но, зная твоё мнение по данному вопросу, я эту мысль тут же «похоронил». Ладно, я в конторе, если что надумаешь, звони.

«Криминал» — газетка предельно желтая и скандальная. Но работают там, конечно, профи, этого не отнять. Из абсолютного ничего могут сделать сенсацию — пальчики оближешь.

А убийство Голубя — это вам не «ничего». Материал получился эффектный, как раз на центральный разворот. «Убийца — герой нашего времени?» И подзаголовок: «Вдова уверена, что мужа убил несостоятельный должник». Левую сторону занимало интервью с мадам Голубь, иллюстрированное фотографиями, явно взятыми из семейного архива, справа — «наш комментарий», тут фотографии сплошь милицейские: трупы, собаки, эксперты. А до чего виртуозно изложено — слюнки от зависти текут. Не зря Ильин меня заподозрил в причастности к этому материалу, стиль явно перекликался с «Шагом с обрыва». Ни единого прямого обвинения, только намеки, хотя и ясные. Стрельцов в тексте упоминался всего дважды, однако заголовок указывал на него со всей возможной определенностью. Впрочем, досталось в материале всем: и Бардину, и еще двум-трем мало знакомым мне личностям. Вообще, материал был сделан в форме откровенного восхваления наших доблестных милиционеров, которых «не обманула попытка преступника выдать убийство за несчастный случай». Сарказм, конечно, но ведь не придерешься.

В убийстве Светланы акценты ставились по тому же принципу: «надо быть очень уж наивным, чтобы принять всерьез версию ограбления». И далее подробно про баллончик, про неснятые серьги и все такое, в том же стиле. Убийство Светланы связывалось с убийством Голубя — с тщательным разбором возможных мотивов — от пресловутого телефонного звонка до версии «а казачок-то засланный». Мол, Светлана могла работать на два фронта, поставляя убийце деловую информацию. Значит, после убийства Голубя убрать ее просто необходимо, поскольку она лучше всех была осведомлена о возможном мотиве этого преступления. В общем, как ни крути, убийство Светланы явно было лишь следствием, необходимым для сокрытия какой-то важной информации. Мельком упоминалось о давней дружбе ее и Стрельцова.

А один неясный момент «Криминал» все-таки пропустил — сумочку с повесткой. Если бы не эта повестка, убийство секретарши стало бы отдельным делом, и связь его с убийством Голубя вылезла бы на свет очень нескоро, а может, и вообще бы осталась «за кадром». И это, пожалуй, единственный весомый аргумент в пользу Стрельцова, ему-то как раз было выгодно, чтобы связь между этими убийствами как можно дольше

оставалась не выявленной. Однако аргумент, хотя и весомый, железобетонным не был: он мог просто не знать о существовании этой повестки. А раз убийство совершено в ее собственном подъезде, значит, опознают быстро, и забирать сумочку бессмысленно.

Неужели все-таки Стрельцов? В своих симпатиях и антипатиях я увлекаюсь довольно часто, а убийца вовсе не обязан походить на Фредди Крюгера. В жизни не бывает только святых, все остальное тоже бывает. Ибо чего не сделаешь под давлением обстоятельств? Поэтому милый и обаятельный Стрельцов вполне мог скрывать под «овечьей» шкуркой «волчью» сущность. Древесный спирт ему легко было раздобыть на кафедре. Причем заранее. Сам же сказал, что готовился к возможному отказу. А готовиться можно по-разному. Расшатать полку в моей ванной — вообще никаких проблем. Вдобавок, эта странная просьба отложить встречу со Светланой на день. Конечно, он знал, что в тот день ей будет не до меня, но тогда зачем об этом предупреждать? Скорее всего опасался того, что она может рассказать. Как при этом можно быть уверенным, что встреча действительно не состоится? Да запросто! Позвонить, наврать что-нибудь правдоподобное, типа, «такая журналюга, наболтает, потом не отмоешься». Все это весьма логично, но почему — при таких-то уликах — его до сих пор не взяли? В «Герое нашего времени» промелькнула идея, что, мол, «следствие выжидает»... Чего? Новых трупов? Непонятно.

Бардин? Прост-то он прост, да себе на уме. Возможности у него великолепные, выгода тоже очевидна. А если он безрезультатно попытался вырваться из-под Голубя — так тем более. Проще было пристрелить? Ну, тут опять упираешься в отсутствие подходящего исполнителя и вариации на тему несчастного случая. Почему не возражал против моей публикации? А на каких основаниях? Просчитать, что это будет выглядеть подозрительно, он вполне в состоянии. К тому же, слишком много людей уже в курсе того, что это вовсе не несчастный случай. Зачем еще Светлану Михайловну убивать? Тот же мотив: что-то знала, видела, слышала. Что же за компромат Тина хотела передать Стрельцову? Может, следовало у него спросить? Ага, и в ближайший вечер нарваться на того же «грабителя», что и Светлана. Никита прав, надо быть осторожнее.

В комнату заглянул чем-то очень довольный Сергиенко. Щелкнув ногтем по газете, он ехидно поинтересовался:

— Твоя работа? Поздравляю! — Поздравлял Санечка почему-то таким покровительственным тоном, что хотелось съездить ему по физиономии. — Ну и сколько тут правды? Давай-давай, рассказывай, я от тебя информацию не скрывал, хотя мог бы.

Я вкратце доложила Санечке, что «утка» не моя, а приведенные в материале факты «вполне соответствуют». Первому он, похоже, не поверил, а

достоверность фактов вызвала многозначительное поднятие брови. Чтобы отвязаться, я схватилась за телефон. К чужим разговорам Сергиенко относился на удивление корректно, и, стоило взяться за трубку, из комнаты мгновенно испарился. Может, в самом деле, позвонить? Только, конечно уж, не Ильину...

Стрельцов «криминальную» публикацию видел, но комментировать отказался категорически. И голос у него при этом был, как у покойника.

Ну и ладно! Можно и майору позвонить.

Ильин, вместо изложения очередных подробностей, посоветовал связаться со следователем, толковый, дескать, мужик, может, чего и подкинет. И даже продиктовал телефон. Нет, ребята, следователь ваш мне совсем не понравился, хотя, наверное, раз Никитушка сие утверждает, значит, и вправду толковый. Может, потому и не понравился. Так что не хочу я с ним разговаривать, без толку.

Нет, не судьба мне нынче жить спокойно. Выходя из редакции, я столкнулась с шефом.

— Рита, «Обрыв» — это великолепно, но когда же продолжение?

— Ну, Степан Григорьевич, я же в отпуске! Да и милиция от «Обрыва» не в восторге, из них теперь информацию и клещами не вытянешь. Если будет что-то, конечно, сделаю.

— Ну-ну, — погрозил мне пальцем шеф. — С «Криминалом» нам, конечно, по гонорарам не тягаться, но премию за оперативность гарантирую.

— Степан Григорьевич, да вы что все, сговорились, что ли? Полчаса назад меня в том же самом главный опер обвинял, потом Сергиенко. Ну, с Санечки взятки гладки, он так видит. А опер, между прочим, извинился. Даже милиция согласилась, что я тут ни при чем!

15

Признание — царица всех доказательств.

Джувьетта

Утром я опять позвонила Никите. Не то из пижонства, не то для очистки совести — нет ли новостей. Но разговаривать майор не пожелал, сообщив сквозь зубы, что Стрельцов повесился.

Я осторожно положила трубку на аппарат. Звонить Ильину еще раз я, конечно, не стану. Вот еще! Пусть застрелится со своими подробностями.

Оглядела стол, подумала и начала кидать в противоположную стенку канцелярские скрепки. Очень хотелось попасть в отставший уголок обоев, но не получалось. Скрепки летели куда угодно, только не туда, куда я метила.

Мыслей не осталось никаких. Только ужасная обида — обманули! Как маленькую! Нечестно! Неправильно все это!

На двадцать седьмой скрепке в комнату заглянула Татьяна.

— Ты чего? Материал не получается?

Выслушав новость, она вначале не поверила, потом схватилась за телефон. Мне иногда кажется, что журналистов можно выращивать специально. Главное — еще в младенчестве снабдить специальными погремушками в виде телефонной трубки, фотоаппарата и диктофона. Н-да.

Через двадцать минут мы знали подробности без всякого Ильина. Насчет «повесился» — это он слегка... э-э... преувеличил. Правильнее было бы сказать — господин Стрельцов попытался повеситься. Прodelал он это в собственном офисе, а труба, к которой привязал веревку, оказалась, как говорят, «гнилая» и не выдержала. Безжизненное тело рухнуло на пол, сверху хлынул настоящий водопад, протек под дверь, а поскольку вечер еще не перешел в ночь, наводнение быстро заметили. Дверь взломали — и вовремя. Еще немного, и пришлось бы работать патологоанатому, а так обошлось «Скорой помощью». Приходить в сознание Стрельцов пока, видимо, не собирался, вероятно, вдобавок к асфиксии еще неслабо стукнулся при падении. Прогноз, впрочем, был достаточно благоприятный.

— Повезло мужику, — сказал мне угрюмый дежурный из реанимации. У меня, правда, на этот предмет имелось несколько другое мнение.

В самом дальнем углу приемного покоя, вжавшись в кресло, сидела Катя Стрельцова. Бледная до синевы, с остановившимся взглядом и мертвым, без всякого выражения, лицом, она казалась не живым человеком — статуей, частью интерьера. Сидевший возле нее Ильин — вот принесло-то! — пытался что-то говорить, но она, похоже, его не слышала. Увидев меня, он подошел с таким видом, что, не будь я журналистом, испарилась бы в момент, даже не здороваясь.

— Ну? И чего тебя принесло?

— Честно сказать, не знаю. Значит, все-таки он?

— А что тут еще может быть? — Никита был зол, как... В общем, я ни разу его таким не видела. — Способ не оставляет сомнений... Ты можешь себе представить, как можно повесить взрослого неслабого мужика? При этом не пьяного, не «обкуренного» и вполне владеющего собой? Собственно, повесить-то не проблема, было бы через что веревку перекинуть, поднять на блоке восемьдесят-девять килограммов не так трудно, даже ты справишься. Но если человек в сознании, он, знаешь ли, сопротив-

ляется, значит, остаются следы. На одежде, под ногтями и так далее. А у Стрельцова все чисто. И снотворным его не поили, если тебе интересно. Плюс прощальная записка... Да не смотри на меня так, в том нет секрета. — Ильин сунул руки в карманы, набычившись, отвернулся к громадному окну и процитировал: — «Котенок! Прости меня, так получилось. Я старался, но обстоятельства сложились против меня. Вадим». — Он подумал минуту и достал из кармана фотокопию. — Вот, любуйся. Эксперты пока не готовы, но, вероятнее всего, записка настоящая, что, как ты прекрасно понимаешь, является косвенным, но веским признанием вины.

— Никита! — Я тоже сунула руки в карманы, так мы и стояли друг против друга, как два упрямых бычка. — Ты можешь злиться, сколько угодно, и имеешь полное право считать меня кем угодно, но пришла я из соображений не профессиональных, а сугубо личных. Иначе поутру в зеркало на себя смотреть не смогла бы...

Никита резко развернулся и зашагал к выходу. Неожиданно остановился, повернулся в мою сторону, постоял мгновение, махнул рукой и двинулся к выходу уже окончательно.

Сейчас предстоит самое «веселое»: надо попытаться разговорить Катю. И, убей меня Бог, если я знаю — как.

Я поступила более чем примитивно: подошла и присела рядом с ней. В конце концов, каждый может подойти и присесть, правда? Это больница, народу навалом, почему нет? Катин взгляд остался неподвижен, но, честное слово, она меня заметила!

— Катя! Вадим жив, и это — самое главное сейчас. Если вам от этого станет легче, можете съездить мне по физиономии, я не обижусь. «Шаг с обрыва» — это был мой материал, кажется, с него все и началось. Что бы там ни было, а я все равно не верю, что Вадим виновен. Вы тоже можете мне не верить, но я не притворяюсь. Господин майор отбыли в неизвестном направлении, так что можно дать себе волю...

Господи, что я несу?! Катя посмотрела на меня невидящим взглядом.

— Вы — Рита? Вы Вадиму понравились. Он еще сказал — очень забавно наблюдать за тем, как врет честный человек. Водку пьете?

— Ну... я же журналист все-таки, — растерявшись, брякнула я первое, что подвернулось на язык. По-моему, Катя была близка к истерике и не очень отдавала себе отчет в том, что говорит.

— Ну да, конечно. — Она смотрела не на меня, а куда-то в угол, и, кажется, напряженно что-то обдумывала. Или просто не могла уже вырваться из десятки раз пройденного круга мыслей. — А у вас сейчас время есть?

— Да сколько угодно! — Рита, солнышко, сказала я себе, поменьше энтузиазма, не переигрывай. Неизвестно, сам Стрельцов повесился, или

кто-то постарался, но эта девочка сейчас точно в «пограничном» состоянии. До идеи наложить на себя руки, может, одна капля осталась, так что прикрути кран плотнее, жалко девочку. И ни в коем случае нельзя оставлять ее одну, опасно. — Можно ко мне поехать, тут недалеко.

— С утра, конечно, нехорошо... — Катя надолго замолчала. — Но не могу я тут больше сидеть!.. Бессмысленно. Этот ваш... майор... он же ничего не понимает! Это она, она его подставила. И довела! Он сказал, она зайти хочет, извиниться за интервью, она совсем не так говорила, это газетчики все переврали. А к вам действительно удобно? Я на машине, мы быстро. Да? Машка у бабушки, дома сейчас, как в могиле...

17

*Лицом к лицу лица не увидеть,
большое видится на расстоянии.*

Зураб Церетели

— Вадим позвонил, сказал, что задерживается, должна Тина подойти, поговорить хочет. Он всегда чувствовал себя виноватым перед ней, они же когда-то... ну, ты понимаешь... А потом я появилась, и там сразу все кончилось. Он до сих пор думает, что за этот грех ему расплачиваться. Какой там грех, правда? Встречаются, расходятся — кто виноват? Никто. А он считал, что виноват. Я не знаю, что она могла ему наговорить, но это она его довела, он после той чертовой публикации сам не свой был.

Катя потянулась к рюмке, я задержала ее руку.

— Погоди, хватит пока. Я тоже не верю, что Вадим убийца, не может этого быть. Тут не напиваться, тут думать надо. Считаешь, это она?

— А кто еще? Действительно, хватит, что-то мне многовато... У тебя кофе есть?

Я заварила кофе, пожарила «дежурную» яичницу. Покормить бы ее надо. Еда, что ни говори, штука сугубо земная, реальная, хорошо отвлекает от трагедий и настраивает на практический лад. Невозможно одновременно пережевывать и пищу, и эмоции.

Катя, к счастью, отказываться не стала, только вздохнула глубоко, сходила в ванную, умылась, подкрасилась — одним словом, взяла себя в руки. Ела она очень изящно, как едят, должно быть, где-нибудь в Японии. Да и вообще, несмотря на русую косу и прозрачно-голубые глаза, было в

ней что-то от японки: не красавица, безусловно, но такая изящная, такая милая...

— Рита, извини, что я так расклеилась.

Мне не оставалось ничего другого, как демонстративно пожать плечами и бросить беспроигрышную карту:

— Катя, ты несправедлива. Если бы мне было плохо, ты помогла бы?

— Ну... — слегка растерялась она. — Конечно.

— Тогда не лишай окружающих того же права. Давай лучше вместе соображать. Почему ты думаешь, что Вадима подставила Тина?

— Она его ненавидит. Люто. По-моему, до сих пор не может ему простить, что он был инициатором разрыва. Как же! Она ведь такая неотразимая, а тут...

— Катя, это эмоции, а нужны факты.

— Факты? Откуда? Она ведь ужасно умная и никогда не делала откровенных гадостей. Все тишком, все вроде случайно. Месяца через два, как она стала мадам Голубь... мерзко все это... Может, развести нас хотела, а может, просто ударить побольнее. Они нас на шашлыки пригласили, на чью-то дачу, она там пыталась изобразить... ну... чтобы Вадим собственными глазами убедился, как я ему изменяю, представляешь? Был там один такой мачо, вроде все случайно, но я уверена — ее работа.

Катя рассказывала, а я вновь пыталась сложить рассыпающиеся части головоломки. Если Стрельцова действительно подставили, это многое меняет. Только все равно непонятно — как. Чисто технически неясно. Тина использовала кого-то из obsługi «Прибрежного»? Маловероятно, хотя возможно. Но тогда тот, кого она использовала, — если это действительно так, — очередной кандидат на кладбище. Сама? В баре гуляла компания, Тина вернулась к себе, сказала, что для интимного ужина там слишком шумно, подменила бутылку или ее содержимое...

В перчатках?

И — стрельцовские отпечатки?..

Ладно, это детали, сначала надо разобраться с основной схемой. Подменила, значит, угостила мужа, дождалась, пока подействует, довела до обрыва... Мешает то, что ее в баре видели, мелькала она там. Олег ошибается? Или отлучалась ненадолго от любимого супруга? По времени схема очень уж жесткая получается. Даже чересчур. Представить себе Тину, бегающую каждые десять минут из бара в коттедж и обратно, можно, конечно, но в таком случае совершенно странно выглядит поведение самого Голубя. Жена, значит, носится туда-сюда, а он сидит, ничему не удивляется и спокойно ждет своего превращения в труп? Вот если бы она вернулась, напоила, а он потом сам дошел до обрыва... Или наоборот: сам выпил, а она потом проводила в

нужном направлении. Причем второй вариант предпочтительнее: Олег считает, что часов почти до десяти Тина из бара не отлучалась. А после десяти уже поздно: Голубь не успел бы умереть к тому моменту, когда действительно умер. Марина, со всем своим судмедэкспертским опытом, полагает, что это случилось до одиннадцати, даже несколько раньше. Значит, если Олег не ошибается, на все про все у нее был всего час. Маловато. Метанол так быстро не действует. Н-да. Как ни крути, алиби у мадам выходит если и не железобетонное, то, по крайней мере, достаточно прочное. Не успевала она.

— Тебе одну ложку или две? — Катя разливала кофе.

— Одну, — автоматически ответила я. Вот оно! Почему я решила, что Тина была одна? Есть миллион людей, которым выгодна смерть Голубя, а ей выгодно подставить Стрельцова. Тогда все вообще замечательно складывается. Наличие помощника здорово упрощает ситуацию. Причем неясно, кто, собственно, фактический убийца. Это при деловых переговорах Голубь не пил, а с приятелем мог и продолжить. В такую версию укладывались все кусочки фактов. Вот только пальцы...

— Катя, а Вадим не говорил тебе, что за компромат на Светлану Тина хотела ему выдать? Или не на Светлану? Что-то такое, чтобы легче Голубя уговорить?

— Рассказывал, но он не знает, что это такое.

— Как это?

— Ну, она перерыла всю сумку, не нашла, ладно, говорит, значит, в комнате где-то... а вечером он уже и не стал напоминать, как-то некрасиво, правда? — Катя смотрела на меня с такой надеждой, что мне отчего-то стало стыдно.

— Всю сумку, говоришь, перерыла? — Я прикрыла глаза и, в который уже раз, стала припоминать «сцену на качелях». Тина что-то бормотала и вытаскивала из своей сумки полотенце, расческу, аэрозольный баллончик, бутылку... Точно! Стрельцов еще пошутил, мол, ты чего это с «горючим» ходишь, а она ответила, что это для компресса, простыла, дескать, и попросила поддержать. Вот оно! Вот они, пальчики стрельцовские откуда взялись! Сама-то в перчатках была. И насчет приемника Ильин угадал, я же ей сама утром сказала, что видела их около качелей. Естественно, она должна была решить, что и бутылку я тоже видела. О-ля-ля! Кажется, в тоннеле начинает брезжить свет.

— Ты что, сомневаешься?

— Я, Катя, думаю, пытаюсь из кубиков сложить внятное слово. Ты не знаешь, у нее романа не было?

— Так она мне и доложила! — Катя сообразила, что лишняя резкость в самом деле лишняя, и смутилась. — Понимаешь, это ведь совсем другая публика, те, с кем она общалась, — банки, акции и все такое. А Вадим на

земле ковырялся, дела хорошо шли, но частная фирма-производитель, даже процветающая, даже многопрофильная, — это всего-навсего еще одна фирма. Таких немало. Совсем другой уровень, и совсем другая «ту-совка». Роман мог быть, только зачем ей это надо? Она же холодная, как лягушка, ей на всех плевать.

— Положим, романы из разных соображений заводят, не только по неземной страсти. Людей, заинтересованных в том, чтобы Голубь исчез с горизонта, наберется немало. И если с одним из них Тина чего-то крутила... выгода обоюдная.

— Не знаю, — после довольно долгого размышления ответила Катя. — Осторожная она очень. Ничего такого в голову не приходит. Но поездку Вадима в «Прибрежный» организовала точно она.

— В каком смысле? Он же говорил, что ему Светлана намекнула...

— А ее кто подбил? Она, ну, Светка, мне по поводу автокурсов звонила, мы ведь вообще часто перезванивались, да и в гостях друг у друга бывали, они с Вадькой старые приятели, еще со школы. Только она почему-то все время считала, что я Вадима ужасно ревную, и успокаивала. И тут тоже. Ты, мол, не беспокойся, он не развлекаться в «Прибрежный» едет, Тина намекнула, что там удобнее все вопросы решить, только ему не надо говорить, откуда информация.

— Стой, не торопись, я уже запуталась, кто кому намекнул и кто кому звонил.

— Тина намекнула Светлане, что Вадим может в «Прибрежном» свои вопросы решить быстрее. Чтобы Светлана, свой вроде человек, подсказала потихоньку. Без упоминания самой Тины, а то мужики такие все гордые, а тут — бывшая пассия, и вообще... А Светлана как раз вскоре после этого мне звонила, ну и передала, чтобы я ревновать не вздумала. Можно подумать, я хоть когда-то ревновала!

— Слу-ушай! — У меня в голове мелькнула новая идея. — Так может, Светлану из-за этого и убили? Только непонятно, почему же она сразу все это не рассказала.

— Она вообще скрытная была. А может, и не поняла, что это значит.

— Получается, тот телефонный звонок — не самый вероятный или, по крайней мере, не единственный возможный мотив ее убийства...

— Какой звонок? — удивилась Катя.

— Ну, когда Вадим и Голубь договорились, тот вроде позвонил Светлане и предупредил, что все в порядке...

— А, знаю, Вадим говорил.

— А он случайно не говорил, как звонил Голубь? Ну, в смысле, по «сотовому» или...

— Нет. — Катя грустно покачала головой, потом чему-то обрадовалась. — Мобильный у него есть, конечно, но в «Прибрежном» связь плохая, к тому же... Если оттуда вообще можно было позвонить с обычного телефона, он бы не стал мобильный доставать. Наверняка. Знаешь, он ведь экономный был до смешного, мы еще шутили, мол, «курочка по зернышку клюет». Ты же понимаешь, для него это были не деньги.

— Та-ак, попробуем выяснить.

Я разыскала в блокноте телефон пансионатского дежурного — городской, между прочим, номер — и позвонила в «Прибрежный». Наврав что-то на тему необходимости постоянной связи, я через пять минут уже изучала список коттеджей, из которых можно напрямую прозвониться в город. Коттедж номер семнадцать, который занимала чета Голубь, в списке числился. Ну, не совсем напрямую, через телефонистку, извинялся дежурный. Дескать, система не новая, пока не сменили, никто еще не жаловался, конфиденциальность гарантируется.

— Катя! Мы, кажется, что-то нашли. Судя по тому, как дежурный напирал на конфиденциальность звонков, телефонистка вполне могла слышать тот разговор.

— Значит... — До Катерины, кажется, не сразу дошло значение этого звонка. — Если Виктор и в самом деле предупредил Светлану, что все в порядке, это доказывает, что Вадиму не было никакого смысла его убивать?

— Ну да. Я сначала думала, что и Светлану лишь из-за этого убили. Она получалась единственным человеком, который знал о содержании телефонного разговора, и ведь вполне могла не придать этому значения. Вряд ли кто стал ей докладывать о подозрениях против Вадима. Логично?

— Рита! — Катя вскочила со стула. — А если они догадаются про телефонистку? Поехали в «Прибрежный»?

Я с сомнением посмотрела на пустые рюмки.

— Да ладно! — Катя едва не прыгала от нетерпения. Трудно было поверить, что всего несколько часов назад она выглядела безжизненным манекеном. — Больше двух часов прошло, да и сколько я выпила? Сейчас еще кофе добавлю. Поехали!

18

Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения.

Конек-Горбунок

Никогда в жизни не подумала бы, что такая тихая девушка может так гнать машину. Мне оставалось только закрывать глаза и молиться, чтобы все

обошлось. В голову лезло банальное сравнение — «как будто от этого зависит чья-то жизнь». Может, и вправду зависела. Если про телефонистку догадалась я, значит, может догадаться и кто-то еще. И если этот «кто-то» не задумался убить Светлану, то еще одна жертва для него не принципиальна. Немного успокаивало одно соображение. Если историей дирижирует Тина, то... Ей как раз страсть к экономии не свойственна, так что телефон в коттедже она воспринимала исключительно как инструмент внутренней связи. Я же видела, как она обращалась с мобильным — еще одна дорогая игрушка, символ достижения, высокомерное «могу себе позволить». Так что Тине идея о существовании еще одного человека, который в курсе ключевого звонка, может и не придти в голову. Будем надеяться...

Еще неизвестно, застанем ли мы в «Прибрежном» эту самую телефонистку. Телефоны-то работают круглосуточно, значит, у операторов работа сменная, черт его знает, по какому графику. Правда, вся обслуга, насколько я успела заметить, живет там же, в пансионате...

Остановились мы, на всякий случай, за территорией, на маленькой удобной полянке. Оставив Катю дожидаться, я отправилась разыскивать Максима. Обращаться за информацией к начальству как-то не хотелось. На стоянке Тина садилась в машину. Я подошла к ней попросить зажигалку — лучшего повода не придумала — и вежливо поинтересовалась:

— Как ты?

— Да ничего, спасибо, — она даже слегка улыбнулась. — Помаленьку прихожу в себя. Работу предлагают. В общем, лучше, чем я ожидала. — Немного помолчала и добавила:— Хотя и хуже, чем могло бы быть. Посерединке.

В машине сидела еще какая-то личность. Мужского пола, и мне совершенно незнакомая.

Ну, деваться некуда, все равно надо вначале выяснить все, что удастся. Максим нашелся на удивление быстро. Я отошла с ним в сторонку и сразу «взяла быка за рога».

— Максим, кто дежурил на телефонах в ту ночь? Мне нужно с ней поговорить.

— С Ольгой? Нет ее, отпросилась.

— Куда? — Сердце у меня ушло в пятки. Неужели опоздали?

— Не знаю, — пожал плечами Максим, — ей в город зачем-то понадобилось, дела, сказала, срочные. С утра и уехала. А что это она вам всем понадобилась?

— Кому всем? — Сердце, провалившееся в пятки, теперь, кажется, укатилось до самой Австралии. Ну, все...

— Да мужик к ней вчера какой-то приезжал, ее подменять пришлось, минут сорок они беседовали.

Выпросив у Максима городской адрес этой Ольги, я пулей понеслась к оставленной в машине Кате.

Если по дороге в «Прибрежный» я еще молилась, то как мы ехали обратно, я просто не помню. Думаю, что со свистом.

Дома Ольги, естественно, не было, там вообще никого не было, звонок заливался в пустой квартире. В конце концов из соседней двери выглянул чей-то сердитый глаз, окруженный красноречивыми синевато-желтыми переливами, и обладатель экзотического глаза визгливо гавкнул:

— Чего трезвонишь? На работе она, за городом, а мать в деревне. Никакого покоя от вас!

Поинтересоваться, от кого это «от нас», я не успела. Глаз скрылся, и дверь захлопнулась.

— Куда теперь? — спросила Катя, когда мы вернулись к машине.

— А вот теперь не знаю. Тина уехала из «Прибрежного» с каким-то мужчиной. Возможно, тем же самым, который вчера разговаривал с телефонисткой. Если предположить, что это и есть тот гипотетический сообщник... Только как его вычислить?

— Рита, — робко возразила Катя. — Ты извини, но я не верю, что она могла допустить чье-то участие в таком деле. Почему обязательно сообщник?

— Так по-другому не получается. На смерть мужа у нее практически алиби. — Катя слушала меня с нескрываемым сомнением. — Ну, смотри, — я вкратце пересказала ей последовательность событий и людей, готовых эту последовательность засвидетельствовать. — До десяти, может, чуть меньше, она торчала в баре, а после этого... Тогда Голубь просто не успел бы умереть. А до ее ухода бутылка была в порядке. Думаю, она Катюшу за этими чертовыми лимонами потому и гоняла, чтобы обеспечить свидетеля, который подтвердит, что они вместе пили.

— Ну и что?

— Как, ну и что? Значит, в бутылке еще ничего не было! Если Тина выпила такую дозу древесного спирта, ей для нейтрализации пришлось бы еще пару бутылок водки выпить. Черта с два она после этого вообще передвигалась бы.

— Ну, Рита! — Моя тирада Катю откровенно удивила. — Все же гораздо проще.

— В смысле?

— Тебе не приходило в голову, что она могла просто промыть желудок, когда выходила? Тогда вполне хватило бы и стакана водки. А уж столько она бы наверняка выдержала. Рискованно, конечно, но, если все сделать быстро, то ничего страшного. А если еще перед этим «жахнуть» чистого спирта, чтобы обжечь слизистую и замедлить всасывание, так, по моему, и вовсе никакого риска.

— Спирта?! — Я вспомнила бутылочку из-под огуречного лосьона. — У нее среди косметики флакон из-под огуречного лосьона стоял, это же практически чистый спирт...

— Ну, вот. Чтобы Тина таким пользовалась — да никогда в жизни! Она кожу свою нежную уж так лелеяла, уж так ею гордилась.

— Класс! — искренне восхитилась я. — А ты-то как догадалась?

— Да так как-то, — мутилась Катя. — Я ведь биолог по образованию, да и медицины не совсем чужда, медучилище в свое время заканчивала.

— Да я ведь и не спорю, просто дико немного. Значит, не было никакого сообщника? Значит, это все она? Способная девушка... — Я, хотя и перестала давным-давно удивляться человеческим... как бы это помягче... поступкам, все-таки была в некотором шоке. Тина мне совсем не нравилась, но представить, как она бьет по голове железкой секретаршу своего мужа... Предварительно отравив этого самого мужа... И все ради чего?!

— Что же эта... — Катя как бы подавилась. — Что она могла Вадиму наговорить, чтобы он в петлю полез? Единственное, чего я не понимаю. Думала, что знаю его, а оказывается...

— Да ничего она ему не говорила! Вот он в сознание придет, сам тебе расскажет. Пришла извиниться, что в интервью все переврали, потрепалась пару минут, зашла за кресло... Мне эту технику еще три года назад показывали. Захлестнуть горло ремнем от сумочки, рвануть порезче, придушить, но не до конца, а только до потери сознания, нескольких секунд на это довольно. Ну а потом уже бессознательное тело, собственно, вешается. И вряд ли какая экспертиза определит, сам повесился, или кто-то постарался. Борозда-то позже появляется, от удушения. А если пережать горло на несколько секунд — для потери сознания достаточно, и на шее, если ремешок мягкий, практически ничего не останется, а если и останется, веревка смажет. Ну, ты же сама сказала, что ты медик, вот и представь клиническую картину... Простенько и вполне надежно. Только с запиской Тина переборщила. Как бы тщательно не имитировали почерк, его принадлежность определяется наверняка, уж это она должна была знать.

— Какая записка?

— Неужели Ильин тебе ее не показал? Ну, знаете, всему есть границы, в том числе и служебному рвению! Увижу — убью, честное слово!

— Да ладно тебе, я сама с ним разговаривать отказалась, причем, наотрез. Так что за записка?

— Да Вадима же! «Котенок! Прости меня, так получилось. Я старался, но обстоятельства сложились против меня. Вадим.»

— Погоди... как там?.. Ты ее сама видела? — Катя напряглась, как струна, голос зазвенел.

- Копию видела, а что?
- «Котенок» — это точно? Прямо так и написано?
- Ну да, котенок.
- Через «о»?
- А как еще? Через «а», что ли?

— Риточка! — Катя вся расцвела в улыбке. — Это ненастоящая записка. То есть, она, наверное, настоящая, но неизвестно, откуда взялась. Он ведь никому, кроме меня, так писать не мог, правда? А это не для меня. Вадим всю жизнь женщин «котенками» зовет. Этой записке, может, сто лет, он мог ее той же Тине написать когда-то. Если бы писал мне, то написал бы через «а», от «Кати», понимаешь?

— Понимаешь-понимаешь, — откликнулась я и подумала, что пора делиться информацией с официальными органами. — К черту Ильина, раз он такой тормоз, надо гнать сразу в райотдел, к следователю. А то эта стерва и впрямь успеет до телефонистки добраться.

В райотдел мы ворвались, как те самые тайфуны с женскими именами, как группа захвата чего-нибудь, как... в общем, это надо было видеть. И, между прочим, вовремя ворвались.

Сергей Львович как раз закончил допрашивать Ольгу-телефонистку. Не мы одни такие умные...

19

Истинная любовь состоит в том, чтобы никогда не расставаться со своими возлюбленными.

Маргарита Наваррская

Да. Да, да. Проницательному читателю, конечно, хочется еще одного поворота. Раз нежная Катя — медик, хоть и бывший, значит, она все и совершила, подставляя бывшую пассию своего ненаглядного супруга и самого супруга заодно.

Увы. Даже из уважения к проницательному читателю врать не стану. А поскольку Катерина стоит у меня над душой и в двадцать пятый раз толкает под локоть, — дескать, надо разложить все по полочкам, не всем же быть такими умными, — я, так и быть, изложу план мадам Голубь — и его исполнение — в деталях.

Случай, конечно, клинический. Это я про мадам. Обиделась она когда-то на Стрельцова смертельно. Как это, ее — такую восхитительную, такую

великолепную, такую несравненную — и вдруг бросили! Хотя, по правде говоря, никто ее не бросал, расстались миром. По крайней мере, внешне. И замуж за Голубя она вышла чуть не через неделю после Стрельцовой свадьбы, то есть, для окружающих все выглядело самым обычным и благопристойным образом. Мало ли кто с кем и как сходитя и расходится? Но сама-то Тина прекрасно знала, что ни о каком «обоюдном согласии» и речи не было, что это именно от нее ушли, а не наоборот. Разве могла она спокойно принять, что ее оставили — и более того, оставили ради другой женщины? Да никогда в жизни! Это только мое! Конечно, она посчитала, что ей нанесено несмыслаемое оскорбление. Вроде умная, умная, а мозги у нее все-таки со сдвигом.

В общем, как писали в старинных романах, Тина начала вынашивать планы страшной мести. Похоже, вначале ей представлялась совсем другая месть, безо всяких убийств. Она хотела вернуть Вадима, бросить его сама и на том успокоиться. Несколько раз она пыталась выставить Катерину... ну, скажем, в не совсем благоприятном свете. Вероятно, рассчитывала, что, если Стрельцовы расстанутся, ей удастся вовремя «подставить жилетку» и так далее. Эта техника отработана веками: вначале дружеские беседы о непредсказуемом коварстве женщин, потом точно отмеренные дозы сочувствия, а потом и все остальное. Таким образом, наказанными оказывались двое: и Вадим, который посмел так обидеть «несравненную», и Катерина, перебежавшая ей дорогу. Но так не получилось.

Невозможно предсказать, до чего додумается человек, если все его мысли крутятся вокруг одной точки. Тина уперлась в то, что Стрельцовых надо наказать. Проще всего, конечно, было обоих убить. И, думаю, у Тины хватило бы мозгов, чтобы спланировать и совершить это безопасным для себя способом. Обдумывала ли она такой вариант — неизвестно. Но даже если и обдумывала, он ее не удовлетворил. Ведь в мести главное что? Чтобы обидчик мучился как можно дольше, желательно, всю жизнь. Тем временем у Стрельцовых родилась дочь. И мадам Голубь пришла в голову гениальная мысль: Вадима должны осудить за убийство, которого он не совершал. Тогда всем, в смысле, и ему, и Катерине вместе с Машкой, будет достаточно плохо в течение достаточно долгого времени. Собственно, идея не новая, в литературе встречалась неоднократно. Но склад ума и характера, способный перенести такую идею в реальную действительность, — ей-богу, это для психиатров.

Дальше дело техники. План требовал «долгоиграющего» яда. Образование подсказало метанол, и Тина раздобыла его в институтской лаборатории. Поскольку Стрельцов продолжал там преподавать, это было весьма кстати. Оставалось дожидаться удобного случая, и он не замедлил по-

явиться. Уж конечно, она была в курсе «деловых событий» в значительно большей степени, нежели пыталась демонстрировать. Обеспечить присутствие Вадима в «Прибрежном» было просто. Зарядила бутылку самопальной «перцовкой», благо, чистый метанол, да с добавлением перца и всего прочего, на вкус не отличишь от обычного алкоголя. Чуть сложнее было получить отпечатки Вадима на бутылке, но и с этим она справилась виртуозно. Как потом выяснилось, он вообще забыл о том, что держал какую-то бутылку в руках. Не обратил внимания.

Демонстрируя супружескую заботу о здоровье мужа, предложила вместе полечиться. Всего-то и надо было уговорить его выпить пару рюмок. Сама перед этим хлебнула чистого спирта — для замедления всасывания отравы в собственном желудке. Возможно, надо было выбросить бутылочку из-под лосьона, но она, видимо, решила, что среди другой косметики он не привлечет внимания. И правильно, кстати, решила, мужчины бы ни за что не догадались, что примитивный огуречный лосьон среди суперкосметики явно не на месте. Заказала лимоны, обеспечив себе «железного» свидетеля: Катюша где угодно подтвердила бы, что Тина пила из этой бутылки вместе с мужем. После этого, под предлогом переодеться, скрылась на свою половину, проглотила активированный уголь, промыла желудок, причем, пару раз — для гарантии.

Очень умно.

Но я тоже хороша. Ведь Катюша сказала, что Тина вернулась очень бледненькая — можно было и догадаться, что ее только что выворачивало наизнанку. Ну а чтобы нейтрализовать то, что, возможно, еще осталось в организме, хлебнула обычной водки. И с собой в бар взяла — в бутылке из-под минералки. «Засветилась» с этой «минералкой» в баре, выждала какое-то время — и бегом обратно в коттедж. Посидела с мужем, дождалась, пока он пожалуется на «что-то с глазами», предложила прогуляться — и привет! Вот ключики, на мой взгляд, зря подбросила, перебор, но это уже дело вкуса. Наверное, тогда же вымыла свою рюмку и плеснула в нее обычной «перцовки» — просто так, чтобы все еще больше запуталось.

После «трудов праведных» ей оставалось только маячить в баре и ждать. Надо полагать, она рассчитывала просидеть там часов до двух — до трех, потом либо «разобидеться» и лечь спать, либо поднять тревогу.

Существовала немалая вероятность того, что все происшедшее сочтут несчастным случаем. Сейчас остается только догадываться, учитывала ли Тина такой вариант. Думаю, учитывала. Сдвинуть ситуацию в нужном направлении было бы несложно — просто публикация в «Криминале» появилась бы раньше. Но тут вмешалась «умная» Рита и сыграла безутешной вдове на руку. Попутно, правда, засветившись как опасный свидетель. Ничего не скажешь, соображала Тина быстро. Несчастный случай в ван-

ной — что может быть безобиднее? Но небеса в тот день были за меня, а другого случая не представилось.

И с телефонным звонком ей, конечно, не повезло. Крупно не повезло. Стоило Светлане открыть рот — и мотив главного подозреваемого летел к черту. И ведь даже это невезение Тина сумела переиграть в свою пользу. Мгновенно сообразила, что и это убийство точно так же можно повесить на Стрельцова. И, надо полагать, именно поэтому не стала изображать «чистое» ограбление, сделала все так, чтобы любой следователь заподозрил инсценировку.

Однако день проходил за днем, а Вадима не только не собирались арестовывать, но, кажется, не очень-то и подозревали. Дело, по большей части, было в обычной медлительности следствия, но у Тины лопнуло терпение. Или какие-то вопросы следователя ее насторожили — может, и так. Ибо Сергей Львович, сосредоточившись на фигуре Стрельцова, мадам Голубь из поля зрения не выпускал. Слишком уж, как он потом выразился, ей это было не нужно.

Он, правда, вначале подозревал сговор.

Но, что бы там ни было, Тина решила отойти от исходного плана. Организовала интервью с «Криминалом» — я думаю, за такую возможность они ухватились обеими руками. Ну а дальше все должно было выглядеть, будто Вадим, вокруг которого «сжималось кольцо подозрений» (а оно, надо сказать, действительно сжималось), не выдержал и покончил с собой.

И способ-то, способ какой, так и тянет аплодировать, право. Понятно, что попытка отравления была изначально обречена на провал. Хотя Вадим Тину и не подозревал ни в чем, но все-таки был настороже, уж больно ситуация сложилась скользкая. Да и следствие при втором отравлении могло призадуматься. Огнестрел? Для этого надо было иметь пистолет, железно связанный с Вадимом. А самоубийство через повешение, пожалуй, наиболее убедительно. С точки зрения следствия.

И вот тут Тине просто не повезло. Причем, не повезло катастрофически. Должно быть, Бог на небе все-таки есть. Единственным элементом в стрельцовском офисе, подходящим для повешения, была труба водоснабжения. Как оказалось, слишком старая. Ну и случилось то, что случилось.

Почему Тина не стала дожидаться наступления смерти? Скорее всего, решила, что и так все будет в порядке. А десять минут — это много. Через десять минут она уже была далеко, на каком-то официальном ужине, обеспечивая себе на всякий случай алиби.

Похоже, просто силы небесные в этот вечер встали против нее. Вдобавок, ее на выходе заметил охранник. Нет-нет, у нее хватило соображения проскочить в тот момент, когда его на посту не было. Вот только в комна-

те возле вахты, где он пил чай, висело зеркало. Охранник, кстати говоря, его специально повесил, чтобы наблюдать за входом. Правда, толку от его показаний — самих по себе, без всего прочего — было немного. Ну, заходила, ну, поговорили. А что Стрельцов вскоре после ее визита вдруг взял и повесился — она-то тут при чем?

Так что, несмотря на невезение, вся эта гениально задуманная и тщательно исполненная комбинация вполне могла привести к желаемому результату. Наборчик косвенных улик против Тины был весьма слабеньким. Даже показания самого Вадима дела не меняли. Логика — штука полезная, только не очень доказательная. Но...

Со всем присущим ей снобизмом, Тина совершила одну-единственную ошибку, не подумав о существовании телефонистки. А так как девушка Оля, соскучившись на дежурстве, разговор Голубя и Светланы послушала, — ошибка стала, в общем, фатальной. В ряду всех остальных обстоятельств. Кстати сказать, инсценировка самоубийства произошла — по времени — уже после того, как следствие вышло на Ольгу, и потому была, в общем, довольно бессмысленной. Но Тина об этом еще не знала.

А самое забавное... Нет, не в том, что, когда мы пытались разыскать Олю-телефонистку, она благополучно сидела в кабинете следователя. Тот «персонаж», которого я заметила в машине мадам Голубь, был одним из оперативников. Действительно странные совпадения происходят порой в этой жизни.

Эпилог

*Я начальник — ты дурак,
ты начальник — я дурак.*

Кардинал Ришелье

Через неделю шеф предложил мне взять на себя криминальную тематику.

Этого только не хватало! Я попыталась как можно вежливее объяснить, что история свалилась на меня исключительно по вредоносности судьбы, и, не дай Бог, такое будет повторяться. Так что господа милиционеры остались от меня далеко не в восторге, и вряд ли захотят мне еще чего-нибудь рассказывать. Я, конечно, все понимаю, но...

Ну, в самом деле, не могла же я — начальству! — ответить: «Вы с ума сошли!»

Да никогда в жизни! □

Секрет **Д**ЖОКОНДЫ:

Елена Логунова

Д

держи

улыбку!



— Мама! Мамотька, сбрось мне флажок! Тут парад! — отчаянно зывала маленькая я, нетерпеливо подпрыгивая под балконом родительской квартиры на третьем этаже.

За моей спиной по улице медленно и печально двигалась похоронная процессия.

Мне было четыре года.

Очевидно, я уже в детстве страдала избыточной жизнерадостностью.

В пять лет я живенько раскрасила алой маминой помадой скучную серую курточку подружки, и тогда моя неумная тяга к веселью впервые вышла мне боком. Точнее ска-

зать — задом, по которому в четыре руки нахлопали две пары родителей: мои и подружкины.

На аплодисменты это походило мало.

Тогда я поняла, что художника обидеть легко...

В шесть лет меня приняли в музыкальную школу.

В шесть с половиной едва не выгнали из нее — за черепашку, которую я подобрала по дороге на урок и положила на клавиши пианино, прикрыв ее крышкой.

Черепашка играла скверно, но все равно ее «гамма» впечатлила учи-

тельницу гораздо больше, чем моя. Тем не менее, случился скандал.

Тогда я отказалась от благородной идеи внести прекрасное в жизнь черепашек, но продолжила радовать педагогов.

Фантазии мне хватало, а оптимизм бил ключом, периодически попадая по больному месту регулярного приложения родительских ладоней.

Отшлепанная, но не побежденная, я писала бодрые письма родственникам: «Здравствуйте, мои дорогие бабушка, дедушка и дядя Гена! Стоя в углу, поздравляю вас с наступающим Новым годом!» — и разучивала для школьного утренника загадки собственного сочинения:

Кто идет?

Новый Год!

Пиф-паф!

Бряк за шкаф...

Кто под елочкой лежит

И усами шевелит?

«Дед Мороз!» — хором орали догадливые дети. «Ужас!» — вздыхали взрослые.

Я тоже чувствовала, что с моими стихами что-то не так. Теперь понимаю: они отдавали плагиатом.

Первый класс я закончила с отличными оценками и «тройкой» за поведение.

Мама в сотый раз сказала, что девочки так себя не ведут, а я в сотый раз пожалела, что не родилась мальчиком.

Что-то менять было поздно, и под давлением родителей я пообещала, что буду брать пример не с сорванца Буратино, а с благонравной куклы Мальвины.

Волосы, выкрашенные синими чернилами, пришлось остричь. К счастью, за лето они отросли, и во второй класс я явилась, как Мальвина, переболевшая тифом.

С этого времени и до окончания школы я честно старалась не выходить из образа чинной умницы-отличницы — во всех людных местах, за исключением тесных дружеских компаний. Научилась сдерживать природную жизнерадостность, придумав простой и действенный способ: в тот момент, когда неудержимо хочется остричь и смеяться, представить себе нечто крайне грустное, вроде котенка с перебитой лапкой.

В первый год своей вольной взрослой жизни на съемной квартире я специально держала на видном месте любительскую копию картины «Сестрица Аленушка несет братца Иванушку». Неизвестный подражатель Васнецову не утруждал себя мытьем кистей, и краски полотна получились крайне мрачными, а лица персонажей такими, словно злодейка-сестрица совершила киднеппинг, и это еще только начало череды ее зловещих преступлений против личности несовершеннолетнего братца. Не было сомнений, что Аленушка несет Иванушку не куда-

нибудь, а непосредственно на скорую и неминуемую гибель.

При виде этой картины неподготовленные люди вздрагивали. Я же смотрела на нее, если мне нужно было срочно убрать из взгляда блеск, а из голоса — нотки веселья.

Это было все равно, что съесть лимон, только без вреда для желудка и зубной эмали.

С годами, однако, ко мне пришло понимание того, что оптимизм для современной женщины — это как нефть для страны с развитой экономикой. Ценнейший ресурс, значение которого нельзя недооценивать!

Стратегические запасы жизнерадостности, подаренные нам природой, — это наша сила.

Важно ее правильно использовать. Все хорошо в меру — даже сама уверенность в том, что все хорошо.

С одной стороны, беспричинный заливистый хохот в присутственных

местах, как правило, вредит репутации. С другой стороны, призрачно блуждающая улыбка тоже весьма сомнительное украшение. Рекомендую для повседневного использования промежуточный вариант: стойкую легкую улыбку без звукового сопровождения и вульгарного блеска в оскале.

Перед выходом из дома подкрутите не только ресницы, но и уголки губ. Немного, не как усы Сальвадора Дали, а по образцу Джоконды. Зафиксируйте эту легкую загадочную улыбку, носите ее весь день и наслаждайтесь эффектом: люди, с которыми вы общаетесь, будут к вам присматриваться и прислушиваться, подозревая, что вы знаете что-то такое, чего они не знают, но, пожалуй, тоже хотели бы знать.

К примеру, «Доброе утро!», мимоходом сказанное симпатичному соседу во дворе, может всколыхнуть в его душе сомнения — что, если меж-

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пиво. 3. Спор. 7. Водка. 11. Ушат. 12. Прапорщик. 13. Анонс. 14. Атос. 17. Стрит. 20. Палтус. 21. Ять. 22. Ватерлоо. 24. Каблук. 28. Буревестник. 29. Астрал. 30. Шторм. 34. Жемчужина. 37. Ярослав. 38. Трава. 39. Флокс. 41. Щенок. 42. Лавра. 43. Лгун. 44. Квант. 45. Кисть. 46. Немов. 47. Стая. 48. Идеал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Папа. 2. Власть. 4. Пицца. 5. Рука. 6. Сало. 8. Однолюб. 9. Кенгуру. 10. Полив. 15. Таллин. 16. Спок. 17. Структура. 18. Танец. 19. Гейтс. 23. Неврастения. 25. Абсент. 26. Лорд. 27. Килт. 31. Лев. 32. Пчеловод. 33. «Джоконда». 34. Жалость. 35. Арбалет. 36. Сверчок. 40. Глас. 41. Щука.

ду квартирами слишком тонкие стены, и поэтому вы слышали все то, что было, вернее, чего не было у него с подружкой сегодня ночью? И ваше «Доброе утро» — это намек или даже насмешка, или... вызов? И вот уже озадаченный соседка внимательно смотрит вам вслед.

А фраза: «Я согласна с вашим мнением», произнесенная твердым голосом и с улыбкой Джоконды, заставит начальника присмотреться к вам. Ясно же, что, помимо похвальной солидарности с руководством, у вас есть некие собственные соображения, кои вам хватило ума удержать при себе.

Как красная тряпка на крупный рогатый скот, действует затаенная улыбка женщины на мужчин, не связанных с данной дамой продолжительными тесными отношениями (связанные на такие легкие раздражители уже не реагируют, у них гораздо более высокий порог чувствительности).

Протестируйте улыбку Джоконды, например, за ужином, сочетая ее с рассеянным взглядом в сторону и репликами: «Да, милый!», «Конечно, милый!», произнесенными исключительно невпопад — например, в тот момент, когда он негодует по поводу роста цен на бензин или проигрыша любимой футбольной команды.

Ставлю серебряный кубок против расклеившейся бутсы: милый занервничает, и остаток вечера посвятит допросу с пристрастием, выясняя, о чем вы думаете.

Улыбка Джоконды — универсальный аксессуар. Она одинаково уместно и в хорошие времена, и в плохие, так как гармонично сочетается и с умеренной радостью, и с философским спокойствием, и с печальной мудростью в духе «Все пройдет, пройдет и это (эта, этот, эти)...

Улыбайтесь, дамы и господа! Улыбайтесь! □

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Чета. 3. Волк. 7. Просо. 11. Лело. 12. Сербатана. 13. Спирт. 14. Вуду. 17. Качим. 20. Оонопс. 21. Ган. 22. Гигрофил. 24. Шгинат. 28. «Утопленница». 29. Бронкс. 30. Ефрем. 34. Гумбольдт. 37. Гляциал. 38. Ирула. 39. Брасс. 41. Клафт. 42. Шагал. 43. Шеол. 44. Гиена. 45. Феола. 46. Шорты. 47. Стер. 48. Капри.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Часы. 2. Тернан. 4. Опал. 5. Клав. 6. Клад. 8. Рапануи. 9. Скрипка. 10. Тавиг. 15. Уффици. 16. Уолш. 17. Картофель. 18. Мишер. 19. Фронт. 23. Аппенцеллер. 25. Паради. 26. Нант. 27. Тост. 31. Гул. 32. Уборщица. 33. Эльсинор. 34. Гарфилд. 35. Трианон. 36. Алмасты. 40. Ушас. 41. Кофе.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 **БИБЛИО-ГЛОБУС**
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ



«Этот человек прожил, кажется, несколько жизней, каждая из которых была логическим продолжением предыдущей. Из кровожадного и сластолюбивого язычника князь Владимир превратился в образец христианских добродетелей. Что это — чудо или хладнокровный расчет умного политика?»

Светлана **Бестужева-Лада** «Святое Красное Солнышко»

«Дочь неведомых лифляндских крестьян стала первой русской императрицей исключительно благодаря «капризу» Петра Великого, который оказался в результате весьма длительным — еще три года после смерти великого преобразователя она продолжала править страной...»

Денис **Логинов** «Катерина-матка»

«Всю свою недолгую жизнь художник, философ и страстный проповедник Николай Ге стремился познать истину — и в искусстве, и в человеческих отношениях. Недаром самая известная его картина так и называется — «Что есть истина?»»

Ирина **Опимах** «Истина Николая Ге»

«Судьба и путь в искусство этой женщины поразительны! Дарья Леонова, дочь беглого крепостного крестьянина и героя Отечественной войны 1812 года, проделала путь невероятный — от валдайской деревеньки в три избы до всемирно известной певицы. Она — первая из женщин-певиц совершила кругосветное путешествие, пропагандируя русское искусство и русскую песню...»

Виктор **Ом** «Метаморфозы судьбы»

«Новый роман Анны и Сергея **Литвиновых** «Ее последняя любовь...»